

Роберт Хайнлайн ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

«ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ МАСТЕРОВ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ».

THE WALL STREET JOURNAL

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

fanzon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Роберт Хайнлайн

Погоня за панкерой

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Хайнлайн Р. Э.

Погоня за панкерой / Р. Э. Хайнлайн — «Эксмо»,
2020 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-166973-7

«Погоня за панкерой» – один из самых смелых экспериментов, когда-либо проведенных в научной фантастике легендарным автором классического бестселлера «Звездный десант». Земля под угрозой инопланетного вторжения. Только четыре человека знают об этом и могут предотвратить трагедию. Но герои попадают в ловушку зловещих инопланетян, и у них остается единственный способ уйти от погони – покинуть этот план бытия на своей космической яхте и оказаться в параллельной вселенной. До этого момента роман похож на известное «Число зверя», но после – все сюжетные линии расходятся, герои оказываются во вселенных «Погони за панкерой»: мирах Эдгара Райса Берроуза, Фрэнка Баума и отца космической оперы Э. Э. «Дока» Смита. Достойное прощание от одного из самых изобретательных писателей-фантастов, когда-либо живших: параллельный роман о параллельных вселенных, а также великое приключение, в котором силы добра противостоят злу только так, как это мог сделать только Хайнлайн. «Это роман олдскульного Хайнлайна: писатель, которого мы все любили, взял нас с собой в еще одну замечательную поездку. Для тех из нас, кто любит бесшабашного Хайнлайна ранних времен, с персонажами более компетентными, чем они бывают в жизни, и остроумными „в стиле безумной комедии“ диалогами, эта потерянная жемчужина просто необходима». – Роберт Сойер «Ранее неопубликованная книга Грандмастера Роберта Хайнлайна будет востребована его многочисленными поклонниками и читателями, интересующимися историей жанра. Роман основан на той же предпосылке и содержит тех же персонажей, что и его „Число зверя“. Действительно, начало книги идентично. Но затем текст переходит в совершенно другую историю, что вполне уместно, поскольку книги основаны на путешествиях по альтернативным мирам. Как и в „Звере“, наши бесстрашные исследователи путешествуют по различным вымышленным вселенным: Барсуму Берроуза, Стране Оз

Баума, вселенной Ленсменов „Дока“ Смита, сталкиваясь с идеей, что все вымышленные вселенные существуют где-то в мультивселенной». – Booklist «Межличностных отношений, сексуальной напряженности и радостного возбуждения – предостаточно. Семейные иерархии или общественное преклонение перед ними напоминают мораль пятидесятих годов, но не до такой степени, чтобы быть удушающим. Во всяком случае, они мастерски используются для поддержания любовного конфликта. Я больше ничего не расскажу; все поклонники Хайнлайна заслуживают самим пережить это чудесное возвращение». – Manhattan Book Review

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-166973-7

© Хайнлайн Р. Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

– Предисловие –	9
Погоня за панкерой	12
– I –	12
– II –	16
– III –	19
– IV –	31
– V –	33
– VI –	36
– VII –	48
– VIII –	54
– IX –	58
– X –	69
– XI –	77
– XII –	83
– XIII –	94
– XIV –	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Роберт Хайнлайн

Погоня за панкерой

Robert A. Heinlein
THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes
Copyright © 2020 by The Robert A. and Virginia Heinlein Prize Trust.
Cover © 2021 by Stephan Martiniere. All Rights Reserved.

Иллюстрация на суперобложке и переплете Стефана Мартинье Литературный редактор
С. В. Голд

© Д. Казаков, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

fanzon

**КНИГИ РОБЕРТА Э. ХАЙНЛАЙНА,
ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ FANZON**

«Погоня за панкерой»

«Ворчание из могилы»

Robert A. Heinlein

THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes

Роберт Хайнлайн

ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

fanzon

Москва
2022

– Предисловие –

Мне был задан вопрос: «Как на вас повлиял Роберт Хайнлайн?»

Это, как говорится, наводящий вопрос, и я на самом деле сомневаюсь, что найдется хоть один честный писатель-фантаст, который может заявить, что Хайнлайн *не* оказал на него никакого влияния. Иногда – вынуждая становиться в оппозицию к его самым противоречивым взглядам на такие вещи, как инцест, или задаваясь вопросом, как он мог придумывать таких прекрасных героинь и в то же время держаться таких «стереотипных» взглядов на женщин. А иногда – получая вдохновение, стилистическое или философское, которое необходимо писателю для работы. «Бесплатных завтраков не бывает»¹, «Заплати вперед»², «Грок»³ – все это, как и многое другое, созданное Хайнлайном, стало кирпичиками, из которых мы складываем наши тексты, называем ли мы их «спекулятивной фантастикой»⁴ или «научной фантастикой». Мы все еще слышим эхо его слов, отражение этого эха, и оно продолжает нас вдохновлять.

Но если свести вопрос к тому, как Роберт Хайнлайн повлиял именно на меня, то часть ответа будет абсурдно простой: он ввел меня в мир научной фантастики в очень раннем возрасте, он оставался рядом в школе, колледже и даже после. «Имею скафандр – готов путешествовать», «Астронавт Джонс», «Ракетный корабль Галилей», «Космический кадет», «Звездный зверь», «Кукловоды», «Марсианка Подкейн», «Пасынки Вселенной», «Двойная звезда», «Гражданин галактики», «Луна – суровая хозяйка», «Дорога славы», «Чужак в стране чужой»... это только романы, и то не все, и этого перечня достаточно, чтобы объяснить, почему все так случилось. Мне очень не нравится, когда люди спрашивают, «какой писатель-фантаст повлиял на вас сильнее всего?», поскольку любой писатель-фантаст, которого я читал, повлиял на меня так или иначе, и конкретное имя в данный конкретный момент зависит от того, над какой историей я сейчас работаю. Однако я точно могу сказать, что Большая Четверка для меня – Хайнлайн, Пол Андерсон, Спрэг де Камп и Генри Бим Пайпер, и я непременно должен упомянуть еще дюжину имен, в числе которых Андрэ Нортон, Энн Маккеффри, Кейт Лаумер и Патриция Маккиллип. Речь не обязательно идет о стилистике, скорее, о ремесле в целом. Но всякий раз, когда мне приходится составлять список повлиявших на меня авторов, первым неизменно оказывается Хайнлайн.

Вероятно, потому, что я встретился с ним в очень раннем возрасте... хотя первым писателем-фантастом в моей жизни стал Джек Уильямсон, за которым последовали Де Камп и Питер Шуйлер Миллер – вперед, к «Genus Homo»⁵! Вероятно, потому, что на меня очень рано и очень сильно повлиял язык его письма и тот факт, что он помог мне понять, чем занимается научная фантастика, да и само человечество как таковое. Хайнлайн был невероятно красноречивым оратором, когда дело доходило до его воззрений, и он не боялся менять эти воззрения (или *отказываться* их менять), и все же он никогда не злоупотреблял этим в ущерб своим историкам. Он писал мускулистую прозу. Он очень тщательно выбирал глаголы. Он не боялся раз-

¹ Это американское крылатое выражение в виде акронима TANSTAAFL Хайнлайн популяризовал в романе «Луна – суровая хозяйка». – *Здесь и далее примечания переводчика.*

² *Pay It Forward* – фраза из романа Р. Хайнлайна 1951 года «Между планетами». Ее использовала в качестве названия своей книги в 1999 году К. Хайд. Экранизация книги Хайд в 2000 году породила интернациональное благотворительное движение «Pay It Forward». – *Прим. С. В. Голд.*

³ Слово «Грок» изобретено Хайнлайном для романа «Чужак в стране чужой».

⁴ *Speculative fiction* – Хайнлайн предпочитал именно это определение собственного творчества, оно гораздо шире собственно НФ, поскольку охватывает более широкую предметную область, включая социологию, психологию и т. п. и вместе с тем заметно уже «просто фантастики», т. к. подразумевает использование научного метода мышления при конструировании миров или ситуаций. – *Прим. С. В. Голд.*

⁵ Роман, написанный Миллером и Де Кампом в соавторстве.

говорного языка. Он знал, как создавать целые миры с помощью мозаики деталей, встроенных в стены его историй. И он знал, как показать компетентного персонажа, столкнувшегося с проблемами, и в то же время умел донести ощущение чуда, восторга перед масштабом и размером вселенной, в которой обнаружились эти проблемы. И в своих произведениях для юношества он проявил экстраординарную способность донести эти вещи до юных читателей.

Я обнаружил большую глубину в его историях после того, как сам повзрослел, но это потому, что я *осознал* само наличие этой глубины, а не потому, что ее там не было. Помню свою реакцию на Сэма из романа «Астронавт Джонс». Первый раз, когда я читал книгу, я признал в нем наставника, хорошего взрослого, и я видел в его гибели героический поступок. Но я упустил глубину смысла, заключенного в эпитафии «Он съел то, что было предложено ему⁶». Это был весь Хайнлайн в двух словах: ответственное человеческое существо, компетентное человеческое существо, человеческое существо, которое знает, как отважно умереть, столкнувшись с ситуацией, когда надо спасать женщин и детей. Не потому, что считает себя героем, нет, всего лишь потому, что *так поступают* ответственные люди. Сэм ли это, Подкейн, «Кип» Рассел, Пиви, Мэмми⁷, лейтенант Далквист, Лазарус Лонг и «Логарифмическая линейка» Либби, или «Мэнни» О'Кэлли-Дэвис и Майк, его протагонисты есть то, что они есть, и они всегда делают то, что *сами* считают правильным.

Ребенком-читателем я на самом деле не осознавал ни социально противоречивые аспекты текстов Хайнлайна, ни то искусство, с которым он вставлял упоминания о них. Он был, конечно, продуктом своего времени – он всего на семь лет моложе, чем моя бабушка, – и это видно, особенно в некоторых его темах и, вероятно, в характеристиках его героинь, которые читателю двадцать первого века могут показаться невероятно стереотипными. Учитывая, что ему было семь лет, когда началась Первая мировая (эхо Вудро Вильсона Смита, кто-нибудь подумал об этом?), на самом деле должно удивлять то, насколько часто он *избегал* стереотипов. Его оппозиция расизму была жесткой и в то же время тонкой, он, как и Пайпер, сумел перейти от женщин как элементов реквизита к женщинам как полноценным характерам. Иногда они брали фальшивые ноты, но Хайнлайн не комплексовал по этому поводу. Он всегда был готов встретить стрелы и камни, летящие в него за истории, в которых он рассказывал о том, что *сам* считал необходимым рассказать. Несомненно, ему польстили бы эти камни и стрелы – ведь шрамы от них он воспринимал как знаки чести – если бы ему не приходилось так часто иметь дело с редакторским упорством. Я пришел к мнению, что «Подкейн» в том виде, в каком она была опубликована, – хорошая, сильная история; однако измененная концовка слегка изменила всю историю, которую хотел рассказать *Хайнлайн*. Я думаю, что, если бы ему позволили напечатать оригинальную рукопись, читатели легче бы распознали предостережение, которое автор имел в виду, когда писал роман.

Несмотря на вполне заслуженные похвалы, которые получили в свой адрес «Чужак в стране чужой» и «Луна – суровая хозяйка», и, несмотря на мою особую любовь ко второму из этих текстов, я искренне считаю, что величайшим вкладом Хайнлайна в эту область стали его произведения для подростков. Он отказывался писать «упрощенно» для подростков. Читатели Хайнлайна были *молоды*, но он не относился к ним как к младенцам, и он бросал им вызов, поднимая чертовски взрослые темы. Но в первую очередь он насыщал свои тексты ощущением чуда и концепцией – *верой*, – что будущее – это то, что мы создаем по своему выбору. Оно будет таким, каким его сделаем мы, человеческие существа, когда достигнем его, вынаничим его и будем защищать. Поколения астронавтов, ученых, изобретателей – и писателей – подверга-

⁶ Отсылка к Евангелию от Луки, 10:8: «И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат».

⁷ *Mother Thing* – «Материнское Создание», она же Мамми, Материния и т. п. Галактический коп из романа «Имею скафандр – готов путешествовать». – *Прим. С. В. Голд*.

лись воздействию этого ощущения и этой веры. Хайнлайн был их проводником, беспардонным, иногда едким, иногда забавным, но всегда интересным. Часто он выступал в роли наставника.

И его книги остаются в печати сегодня, через тридцать лет после его смерти, поскольку он *все еще играет эту роль*. Конечно, наука меняется, общества проходят через эволюцию и революции, и мы добрались до мест, которых даже Роберт Хайнлайн не мог предвидеть, когда писал «Линию жизни»⁸ в 1939-м. Все это невозможно отрицать. Однако Хайнлайна продолжают читать сегодня, поскольку он все тот же беспардонный *Хайнлайн*.

И, черт побери, этот человек умел писать.

Дэвид Вебер

⁸ Дебютный рассказ Хайнлайна.

Погоня за панкерой

Уолтеру и Мэрион Минтон

– I –

Зебадия

– Он – Безумный Ученый, а я – его Прекрасная Дочь.

Именно так она и сказала: древнейшее клише из палп-фикшн, хотя она была слишком молода, чтобы помнить палп.

Когда кто-то говорит глупость, лучше сделать вид, что ты ее не слышал. Я продолжил вальсировать, не забыв бросить очередной взгляд в декольте ее вечернего платья. Отличный вид. Никаких вкладок.

Она умела вальсировать. Сейчас большинство девушек, прикоснувшихся к миру балльных танцев, вешаются тебе на шею и ожидают, что ты будешь таскать их по паркету. Она уверенно держалась на собственных ногах, танцевала близко, но не прижималась, и знала, что я собираюсь сделать, за долю секунды до того, как я приступал к исполнению. Идеальная партнерша.

– Ну? – в голосе ее прозвучала настойчивость.

Мой дед по отцовской линии, неприглядный старый реакционер, фем-либералки его бы с удовольствием линчевали, обычно говорил: «Зебадия, наша ошибка не в том, что мы надели на них туфли или научили их читать... мы не должны были учить их говорить!»

Я намекнул на вращение легким давлением; она отплыла, кружась, и вернулась в мои руки точно в такт. Я глянул на ее руки и внешние уголки глаз. Да, она на самом деле молода – минимум восемнадцать; Хильда Корнерс никогда бы не позволила «ребенку» по документам оказаться на своей вечеринке... максимум двадцать пять, в первом приближении двадцать два. И все же танцевала так, как умело только поколение ее бабушек.

– Ну? – повторила она еще более настойчиво.

– Ключевые символы высказывания «безумный», «ученый», «прекрасная» и «дочь». Первый имеет несколько значений, а остальные обозначают субъективную оценку. Семантическое содержание высказывания: ноль.

Она не рассердилась – скорее, задумалась.

– Папа не страдает бешенством... хотя, называя его «безумным», я действительно имела в виду двусмысленное значение. Соглашусь, что «ученый» и «прекрасная» содержат субъективную оценку. Но разве мой пол может вызывать сомнения? А если и так, то хватит ли у вас квалификации проверить у меня наличие двадцать третьей пары хромосом? Транссексуальная хирургия сейчас в моде, и менее радикальные методы вас не удовлетворят, я полагаю?

– Я предпочел бы полевые испытания.

– Прямо *здесь*, в танцевальном зале?

– Нет, в кустах за бассейном. И да, я квалифицирован – как для лабораторных, так и для полевых исследований. Однако вовсе не ваш пол находится в области субъективной оценки... этот факт может быть точно установлен... вот эти два весомых доказательства выглядят очень убедительно. Я...

– Девяносто пять сантиметров не так много! По крайней мере, для моего роста. Метр семьдесят босиком и метр восемьдесят на этих каблуках. Просто у меня осиная талия: сорок восемь сантиметров, хотя вешу я пятьдесят девять кило.

– А еще у вас собственные зубы и нет перхоти. Расслабьтесь, Диди, я не собираюсь покушаться на вашу гордость. Однако символ «дочь» включает два утверждения: одно фактическое – пол, а второе – предмет субъективной оценки, даже когда оно подтверждено криминалистом-генетогематологом.

– Ух ты, какие длинные слова вы знаете, мистер! Я хотела сказать, «доктор».

– «Мистера» вполне достаточно. В этом кампусе у каждой собаки докторская степень. Даже у меня есть «д. ф.»⁹. Знаете, что это значит?

– Кто же этого не знает? У меня тоже «д.ф.». «Доказавший Фигню».

Я быстренько переоценил ее возраст, подняв во втором приближении до двадцати шести.

– «Ф» – надо полагать, «Физическое воспитание»?

– Мистер доктор, вы напрасно пытаетесь меня достать. Не сработает. Я специализировалась по двум направлениям, и одним из них действительно было физвоспитание, просто на случай, если мне понадобится работа. Но моей основной специальностью была математика, и именно ей я занималась в аспирантуре.

– А я был готов предположить, что «Ди-Ти» означает «Доктор Теологии».

– Вымойте рот с мылом, мистер. Мое прозвище всего лишь мои инициалы – Ди Ти. Доктор Д. Т. Берроуз, если быть формальной, поскольку я не могу быть «мистером» и отказываюсь быть «миз»¹⁰ или «мисс». Вот что, мистер, я полагала, что привлеку вас своей ослепительной красотой, потом поймаю на крючок женского обаяния... но что-то пошло не так. Попробуем другой способ. Расскажите мне, какую именно фигню вы доказали.

– Дайте подумать. Что же это было? Рыбная ловля нахлыстом? Или плетение корзин? В общем, какая-то междисциплинарная тема, такие диссертации никто не читает, ученый совет на защите просто взвешивает их на весах, и все. Вот что я вам скажу. У меня где-то в архивах есть ее экземпляр. Я при случае разыщу его и посмотрю, как ее назвал тот парнишка, который ее написал.

– Можете не беспокоиться. Она называется «Некоторые особенности шестимерного неньютонова континуума». Папа хочет ее с вами обсудить.

Я прекратил вальсировать.

– Ох. Ему бы лучше обсудить эту работу с тем парнем, который ее написал.

– Чепуха. Я видела, как вы моргнули, – вы попались. Папа хочет обсудить ее, а затем предложить вам работу.

– Работу? Ну, нет – считайте, что я сорвался с крючка.

– О боже! Теперь папа действительно обезумел. Ну пожалуйста, а? Пожалуйста, сэр!

– Вы сказали, что имели в виду двусмысленное значение слова «безумный». Какие именно значения?

– А... «Безумный» в смысле «сердитый», потому что коллеги не желают его слушать. А также в смысле «полоумный» – по мнению некоторых его коллег. Они говорят, что его работы – сплошная бессмыслица.

– А в них на самом деле есть смысл?

– Я не настолько хороший математик, сэр. В основном занимаюсь тем, что оптимизирую программное обеспечение. Детские игрушки по сравнению с n-мерными пространствами.

Я высказаться не успел – зазвучало «Голубое танго» и Дити растаяла у меня в руках. Если вы умеете танцевать танго, то вам не до разговоров.

⁹ Доктор философии – весьма расплывчатая ученая степень, присваиваемая в США. Примерно соответствует кандидату наук в РФ. – Прим. С. В. Голд.

¹⁰ Миз – нейтральное обращение к женщине, не отражающее ее семейное положение, в отличие от «мисс» и «миссис». – Прим. С. В. Голд.

Дити умела. После вечности чувственного восторга точно с последним аккордом мы вернулись в начальную позицию. Я поклонился и шаркнул ногой, она ответила глубоким реверансом.

– Спасибо, сэр.

– Фух. После такого танго партнеры обязаны пожениться.

– Нет проблем. Я сейчас же найду хозяйку и скажу папе. Пять минут? У главного входа или у бокового?

Ее лицо светилось тихим счастьем.

– Дити, – спросил я. – Вы не шутите? Вы действительно решили выйти за меня замуж? За совершенно незнакомого вам человека?

Ее лицо осталось невозмутимым, но свет в нем погас.

Она ответила без колебаний:

– После такого танго мы не можем называться незнакомцами. Я истолковала ваши слова как предложение... нет, как выражение *желания*... жениться на мне. Неужели я ошиблась?

Мой мозг переключился в режим чрезвычайной ситуации, пересматривая прошедшие годы, то же самое испытывает тонущий человек, перед глазами которого вспышками проносятся вся его жизнь... гм, откуда это вообще известно? Дожливый вечер, когда старшая сестра приятеля посвятила меня в тайны секса; любопытное ощущение, которое я испытал, когда незнакомка принялась глазеть на меня в ответ; двенадцатимесячный контракт на совместное проживание, который начался со взрыва эмоций и закончился без сожаления; и те бесчисленные события, после которых я принял решение никогда не жениться.

Я ответил немедленно:

– Я имел в виду именно это – брак в его старом, традиционном значении. Это то, чего я хочу. Но почему этого хотите *вы*? Я не такой уж подарок.

Она глубоко вздохнула.

– Сэр, вы тот самый подарок, за которым меня отправили, и когда вы сказали, что мы обязаны пожениться – я понимала, что это гипербола, – я внезапно ощутила себя такой счастливой и поняла, что *именно этого* способа поймать вас на крючок я бы хотела больше всего! – сообщила она. – Но я не буду ловить вас на слове и превратно толковать галантную фразу. Если хотите, можете утащить меня в кусты за бассейном... и потом *не* жениться... – после паузы она решительно продолжила: – Но за это... валяние на травке... вы расплатитесь тем, что поговорите с моим отцом и позволите ему кое-что вам показать.

– Дити, вы идиотка! Вы же испортите это чудесное платье.

– Испортить платье – такие пустяки, впрочем, я могу его снять. Легко. Тем более что под ним ничего нет.

– Под ним очень даже много всего!

Это вызвало у нее улыбку, но она быстро пропала.

– Спасибо. Ну что, отправляемся в кусты?

– Подождите-ка! Я как раз собрался побыть благородным человеком (и потом сожалеть об этом до конца моих дней). Вы совершили ошибку. Ваш отец не захочет говорить со мной, я ничего не понимаю в n-мерной геометрии!

(И откуда у меня эти приступы честности? Что я делаю не так, чем я их заслужил?)

– Папа думает, что ты знаешь, и этого достаточно. Теперь мы можем идти? Я хочу вытащить папу отсюда, пока он не врезал кому-нибудь по физиономии.

– Я сказал, что хочу *жениться* на вас, но мне хотелось бы знать, почему вы хотите выйти *за меня*. Вы же объяснили, что от меня нужно вашему отцу. Но я не собираюсь жениться на вашем отце, он не в моем вкусе. Скажите от себя, Дити. Или оставим эту тему.

(Или я мазохист? Там, за кустами, есть пляжный лежак.)

Она торжественно оглядела меня с головы до ног, от вечерних легинсов до криво сидящей бабочки и короткого ежика на голове – сто девяносто четыре сантиметра большого неприглядного увальня.

– Мне нравится, как твердо ты ведешь в танце. Мне нравится, как ты выглядишь. Мне нравится, как звучит твой голос. Мне нравится, как виртуозно ты играешь со словами – звучит все так, словно Уорф спорит с Коржибски, а Шеннон¹¹ выступает в качестве арбитра, – она сделала глубокий вздох и закончила почти печально: – А больше всего мне нравится, как ты пахнешь.

Чтобы уловить мой запах, требовалось острое обоняние: девяносто минут назад я отмылся до скрипа, и нужно побольше одного вальса и одного танго, чтобы я вспотел. Однако Дити произнесла эту фразу так, что вложила в нее практически все, что нужно. Большинство девушек, желающих произвести впечатление на мужчину, не находят ничего лучше, чем стиснуть его бицепс и проворковать: «О боже, ты такой сильный!»

Я улыбнулся ей сверху вниз и сообщил:

– Ты тоже хорошо пахнешь. Твой парфюм способен поднимать из мертвых.

– Я не пользуюсь духами.

– О, поправка: твои природные феромоны. Они восхитительны. Забирай свою накидку. У бокового входа. Пять минут.

– Да, сэр.

– Скажи отцу, что мы с тобой женимся. И он получит свою беседу со мной бесплатно. Я так решил еще до того, как ты начала меня уговаривать. Думаю, ему не потребуется много времени, чтобы понять, что я не Лобачевский.

– Это проблема папы, – ответила она на ходу. – Ты позволишь ему показать тебе ту штуку, которую он соорудил в подвале?

– Конечно, почему нет? А что там?

– Машина времени.

¹¹ Бенджамин Ли Уорф – американский ученый, один из создателей гипотезы лингвистической относительности. Альберт Коржибски – создатель теории «Общей семантики». Клод Эвуд Шеннон – американский инженер и математик, заложивший основы теории информации.

– II – Зебадия

И завтра узрю я семь орлов парящих, и появится комета во весь небосклон, и голоса будут говорить со мной из вихрей, пророча чудовищные, ужасающие вещи... эта Вселенная никогда не имела смысла; подозреваю, ее построили в рамках правительственного контракта.

– Большой подвал?

– Средний. Девять на двенадцать. Но захламленный. Верстаки и станки.

Сто восемь квадратных метров... потолки, вероятно, два с половиной... Неужели ее папочка просчитался, как тот парень, что построил лодку у себя в подвале?

Мои размышления были прерваны зычным мужским криком:

– Ты заучившийся педант и бездарь! Твоя математическая интуиция замерзла насмерть в тот день, когда тебя приняли в колледж!

Я не узнал кричавшего, зато прекрасно знал того надутого типа, к которому он обращался: профессор Нейл О'Херет Брэйи, декан математического факультета – помоги, Господи, тому студенту, что напишет заявление на имя «профессора Н. О. Брэйна» или даже «Н. О'Х Брэйна»¹². Брэйи потратил жизнь на поиски Истины... чтобы поместить ее под домашний арест.

Сейчас он раздулся, точно бойцовый голубь, и принял вид оскорбленной жреческой помпезности. У него было такое выражение на лице, будто он собирается произвести на свет дикобраза.

Дити ахнула.

– Началось! – воскликнула она и ринулась туда, где разгорался скандал.

Я стараюсь держаться подальше от скандалов, я профессиональный трус и ношу очки без диоптрий в качестве буфера – пока какой-нибудь задира вопит: «А ну сними свои стеклышки!», я успеваю убраться.

Я двинулся напрямиком к месту свары.

Дити уже вклинилась между противниками, лицом к кричавшему, и тихо, но твердо сказала:

– Папа, ты не посмеешь! Я не буду вносить за тебя залог!

Она потянулась к его очкам с очевидным намерением вернуть их обратно на нос. Очевидно, папочка снял их перед битвой... и сейчас пытался убрать подальше от рук дочери. Но я сумел дотянуться поверх голов, вырвал из рук очки и вручил Дити. Она благодарно улыбнулась и немедленно водрузила волшебные стеклышки на отца.

Он не стал сопротивляться, так что она схватила его за локоть и позвала:

– Тетя Хильда!

Рядом образовалась наша хозяйка.

– Да, Дити? Почему ты их остановила, дорогая? Мы даже не успели сделать ставки.

Драки не в новинку на вечеринках «Язвы» Корнерс – они тут в порядке вещей. Угощение и выпивка у нее всегда роскошные, музыка всегда живая, гости частенько эксцентричные, но скучных здесь не было никогда. Я был удивлен появлением здесь профессора Н. О. Брэйна.

Теперь я понимал, зачем он здесь: это было спланированное соединение взрывоопасных компонентов.

Дити проигнорировала вопрос.

¹² *No Brain* или *Noh Brain* в переводе с английского означает «не мозг» или просто «безмозглый». – Прим. С. В. Голд.

– Тетя Хильда, ты нас извинишь, если мы с папой и с мистером Картером сейчас уйдем? У нас появилось срочное дело.

– Ты и Джейк можете уйти, если нужно. Но вы не можете утащить Зебби. Дити, это нечестно!

Дити посмотрела на меня:

– Можно я ей скажу?

– Что? Ну конечно!

Идиот «Брэйни» выбрал именно этот момент, чтобы вмешаться:

– Миссис Корнерс, доктор Берроуз не может уйти, пока он не извинится! Я настаиваю. Это мое право!

Наша хозяйка глянула на него с презрением.

– Merde¹³, профессор. Не путайте меня со своими преподами. Вы можете наорать на Джейка Берроуза, если вам так хочется. Если вы способны состязаться с ним в сквернословии на равных, мы с удовольствием слушаем. Но еще *хоть одно слово* приказным тоном в мой адрес или в адрес одного из моих гостей... и вы вылетите отсюда пулей! В этом случае вам лучше всего будет отправиться прямо домой – ректор уже начнет вас искать... – и Хильда повернулась к нему спиной. – Дити, ты хотела что-то мне сказать?

«Язва» Корнерс способна запугать даже налогового инспектора, и она ведь еще не взялась за «Брэйни» всерьез, всего лишь сделала предупредительный выстрел в его сторону. Но по его лицу можно было подумать, что она расстреляла его в упор.

Однако ее вопрос Дити не оставил мне времени наблюдать, хватит его удар или нет.

– Не Дити, Хильда, – сказал я. – А я, Зеб.

– Помолчи, Зебби. Чего бы это ни было, мой ответ будет «нет». Ну, Дити? Говори, дорогая.

У Хильды Корнерс в родне наверняка были упрямые мулы. Бейсбольную битку против нее в ход не пустишь, поскольку росту в ней – мне до подмышки, а весит она сорок один килограмм. Поэтому я просто взял ее за локотки и аккуратно развернул лицом к себе.

– Хильда, мы собираемся пожениться.

– Зебби, дорогой! Я уж думала, ты *никогда* мне этого не скажешь.

– Да не с тобой, старая хищница. С Дити. Я сделал предложение, она его приняла. Теперь я спешу оформить документы, пока анестезия не выветрилась.

Хильда выглядела весьма заинтересованной.

– Звучит разумно, – заметила она и вытянула шею, чтобы посмотреть на Дити. – Он уже рассказал о своей жене в Бостоне, дорогая? И о малютках-близнецах?

Я поставил ее обратно на пол.

– Сбавь тон, Язвочка. Все серьезно. Доктор Берроуз, я не женат, в добром здравии, платежеспособен и могу содержать семью. Я надеюсь, вы одобрите наш брак.

– Папа говорит «да», – влезла Дити. – У меня доверенность на ведение дел от его имени.

– Ты тоже сбавь тон, Дити. Мое имя Картер, сэр... Зеб Картер. Я живу в этом кампусе. Можете навести обо мне справки. Но я хотел бы жениться на Дити прямо сейчас, если она не против.

– Я знаю ваше имя и уже навел справки, сэр. Мое одобрение не требуется, Дити совершеннолетняя. Но в любом случае вы его получаете, – доктор Берроуз задумчиво нахмурил брови. – Если вы женитесь прямо сейчас, то будете слишком заняты, и деловой разговор откладывается. Или вы найдете время?

– Пап, он найдет время, мы обо всем договорились.

– Да? Спасибо, Хильда, за чудесный вечер. Я позвоню тебе завтра.

¹³ Merde – дерьмо (фр.). – Прим. С. В. Голд.

– Ты ничего подобного не сделаешь. Ты вернешься обратно сразу же и доложишь лично по всей форме. Джейк, ты не поедешь с ними в медовый месяц. Даже не думай.

– Тетя Хильда! Пожалуйста! Я сама все устрою!

Через боковую дверь мы вышли почти по расписанию, но зацепились языками у входа на парковку – на чьей машине лететь. Моя рассчитана на двоих, но может вместить четверых, задние сиденья вполне подходят для коротких путешествий. У них был четырехместный семейный седан, не быстрый, но вместительный – и в нем лежал их багаж.

– Как много багажа? – спросил я у Дити, представив два солидных рюкзака на одном из моих задних сидений и потенциального тестя – на другом.

– У меня не так много, но у папы две большие сумки и толстый кейс. Давай я лучше покажу.

(Вот черт.)

– Может быть, ваша машина и лучше...

Я люблю свою тачку и терпеть не могу водить чужие машины. Возможно, Дити управляется с рулем так же изящно, как с партнером по танцам... но я не мог быть в этом уверен – а я трус. Ее отца я вовсе не принимал в расчет, я бы никогда не доверил свою шкуру водителю с таким темпераментом. Может быть, Дити уговорит его двинуться отдельно, следом за нами? Я был твердо уверен, что моя невеста поедет только со мной!

– Где она? – уточнил я.

– Вон там, в дальнем углу. Сейчас я открою ее и включу фары, – она залезла к отцу во внутренний карман пиджака и вытащила «волшебную палочку».

– Ребенка забыли! – раздался крик нашей хозяйки.

Хильда сбегала по ступенькам от своего дома, на одной руке болталась сумочка, а на другой, словно флаг, развевались примерно восемь тысяч нью-долларов в виде норковой накидки цвета заката.

Дискуссия вспыхнула с новой силой.

Похоже, Язва решила отправиться с нами, чтобы лично проследить за поведением Джейка. Она задержалась только для того, чтобы выдать указания Максусу – исполняет обязанности вышибалы-дворецкого-шофера, – как обходиться с пьяными: кого вышвыривать вон, а кого укрывать одеялом при необходимости.

Выслушав доводы Дити, она кивнула:

– Решено. Я могу вести вашу машину, и мы поедем с Джейком. А ты поедешь с Зебби, дорогая, – повернувшись ко мне, она добавила: – Не разгоняйся особенно, Зебби, чтобы я не отстала. И без фокусов, дружок. Не пытайся избавиться от нас, а не то тебе сядет на хвост вся местная полиция.

Я посмотрел на нее невинными глазами младенца.

– Ну же, Язвочка, дорогая, ты же не думаешь, что я способен на такое?

– Да ты бы и мэрию спер, если бы придумал, как ее увезти. Кто вывалил тот бочонок фруктового желе в мой бассейн?

– Я был в это время в Африке, ты же знаешь.

– Рассказывай! Дити, дорогая, держи его на коротком поводке и не корми мясом. И не выпускай его – он парень с деньгами. Ну, где твоя дистанционка? И где ваша машина?

– Вот, – Дити подняла «волшебную палочку» и нажала кнопку.

Я сгреб всех троих в охапку и повалил на землю. Мы ударились об асфальт ровно в тот момент, когда взрыв разметал все вокруг. Все, кроме нас. Корпуса машин приняли удар на себя.

– III – Зебадия

Не спрашивайте меня как. Спросите у гимнаста на трапеции, как он делает тройное сальто. Спросите у игрока в кости, откуда он знает, что сейчас ему повезет. Но не спрашивайте меня, как я узнаю о том дерьме, что через секунду прилетит в вентилятор.

Мое шестое чувство никогда не сообщает мне ненужных подробностей. Я не знаю заранее, что в конверте, пока не открою его (за исключением того случая, когда в нем была бомба). У меня нет предчувствий по поводу безвредных событий. Но внезапное озарение за доли секунды до того, как все полетит к чертям, сохранило меня живым и сравнительно неповрежденным, в эпоху, когда стать жертвой убийства проще, чем умереть от рака, а любимая форма суицида – залечь с винтовкой на какой-нибудь башне и палить оттуда в прохожих, пока спецназ не прикончит тебя самого.

Нет, я не вижу за поворотом машину, которая вот-вот вылетит на встречу, я просто на автомате съезжаю в кювет. Когда случилось землетрясение в Сан-Андреасе, я выпрыгнул из окна и в момент толчка был под открытым небом – недоумевая, зачем я это сделал.

А помимо подобных случаев мое шестое чувство очень капризно; похоже, я дешево купил его на распродаже излишков военного имущества.

Мы распростерлись на земле, и я прикрыл всех троих сверху – и тут же вскочил на ноги, чтобы никого не раздавить. Сначала подал руку каждой из женщин, а потом помог папочке встать на ноги. Никто, по всей видимости, не пострадал. Дити с невозмутимым лицом смотрела на пламя, вздымавшееся там, где только что стояла их машина. Ее отец что-то искал на земле, пока Дити его не остановила:

– Вот они, папа, – после чего водрузила очки на место.

– Спасибо, дорогая, – и он направился к месту взрыва.

Я сцапал его за плечо.

– Нет! В мою машину – быстро!

– Э? Мой кейс... Он мог уцелеть!

– Заткнись и двигайся! Все за мной!

– Папа, не спорь! – Дити вцепилась в руку Хильды, и мы запихали старшее поколение на задние места.

Я втиснул Дити на переднее и рявкнул:

– Ремни!

Захлопнул дверь и обежал машину так быстро, что наверняка преодолел звуковой барьер.

– Ремни пристегнуты? – осведомился я, управившись с собственным.

– Джейк пристегнулся, и я тоже, Зебби, дорогой, – весело сообщила Хильда.

– Ремень пристегнут, дверца заперта, – доложила Дити.

Мотор был прогрет, я оставил его включенным на малых оборотах – какой смысл в скоростной машине, если она не может рвануть с места? Я переключился на полные обороты, глянул на приборную панель и, не включая фар, отжал тормоз.

В пределах городской черты фибиям¹⁴ предписано передвигаться «без отрыва от земли» – поэтому моя машинка и метра по земле не прокатилась, как я поднял ее нос к небу, и она взмыла вертикально вверх прямо с парковки.

Полтысячи метров вертикально, пока счетчик перегрузки отсчитывал – два, три, четыре «же». Я позволил ему добраться до пяти и придержал коней, поскольку не был уверен, что

¹⁴ В оригинале «duo» – наземно-летающий автомобиль. – Прим. С. В. Голд.

сердце папочки выдержит такую перегрузку. Когда альтиметр показал четыре километра, я отрубил вообще все – двигатель, транспондер, приборы, потом ударил по кнопке сброса ложных целей – и отправил машину лететь по баллистической траектории.

Я не знал, отслеживает нас кто-то или нет, – и не хотел этого узнавать.

Когда альтиметр показал, что мы добрались до верхней точки, я позволил крыльям немного раскрыться. Почувствовав, что они зацепились за воздух, я сделал быструю бочку, выпустил крылья в дозвуковую конфигурацию, и мы перешли в планирующий полет.

– Все живы? – спросил я.

Хильда захихикала.

– Вау, дорогой! Сделай это снова! И в этот раз кто-нибудь поцелуйте меня.

– Замолчи, бесстыжая старая развратница! Папа, вы как?

– Я в порядке, сынок.

– Дити?

– У меня все хорошо.

– Там, на парковке, ты не ушиблась?

– Нет, сэр. Я развернулась в падении, приняла удар на правую ягодицу и поймала папины очки. Но в следующий раз постарайся, чтобы подо мной была кровать. Или хотя бы спортивный мат потолще.

– Я запомню, – я включил радио, но не транспондер, и прошелся по всем полицейским частотам. Если кто-то и заметил наши выкрутасы, то не обсуждал их в прямом эфире. Мы снизились до двух километров, я резко повернул направо и включил двигатель. – Дити, где вы живете?

– Логан, Юта.

– Как быстро там можно зарегистрировать брак?

– Зебби, – влезла Хильда. – В Юте нет времени ожидания...

– Итак, мы отправляемся в Логан.

– ...но требуется анализ крови. Дити, дорогая, ты знаешь кличку Зебби в кампусе? Вассер-позитив¹⁵. Зебби, все знают, что Невада – единственный штат, который предлагает круглосуточное обслуживание, без времени ожидания и анализа крови. Поэтому нацеливай свою ракету на Рино и выжми сцепление.

– Язвочка, дорогая, – сказал я нежно, – не хочешь ли ты прогуляться домой пешком с высоты в две тысячи метров?

– Не знаю, никогда не пробовала.

– Ваше сиденье катапультируется... правда, без парашюта.

– О, как романтично! Джейк, дорогой, мы будем петь «Liebestod»¹⁶ по пути вниз. Придется тебе быть тенором, я выдавлю из себя сопрано, и мы умрем в объятиях друг друга. Зебби, нельзя ли подняться повыше? Чтобы мы успели допеть.

– Доктор Берроуз, воткните кляп своей попутчице. Язвочка, «Liebestod» – сольная партия.

– Вот зануда! Наша смерть по прибытии все спишет. А ты просто завидуешь, ведь у тебя нет слуха. Кстати, я говорила малышу Дикки, что это должен быть дуэт, и Козима¹⁷ меня поддерживала...

– Язвочка, держи свой лживый рот на замке, пока я говорю. Во-первых: все на твоей вечеринке знают, зачем мы уехали, поэтому решат, что мы отправились в Рино. Ты же наверняка всем об этом растрепала, уходя...

¹⁵ С помощью реакции Вассермана определяют наличие сифилиса.

¹⁶ Сцена гибели Тристана из оперы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда».

¹⁷ Дик – уменьшительное от Ричард (Рихард). Козима – жена Вагнера. – Прим. С. В. Голд.

– Ну, может быть... Ой, да, точно!

– Заткнись. Некто совершил очень профессиональную попытку убить доктора Берроуза. Не просто убить, а уничтожить с гарантией. Такая комбинация взрывчатки и термита не должна была оставить ничего, даже для анализа ДНК. Но вполне возможно, что никто не видел, как мы взлетели. Мы оказались в моей тачке, и я газанул менее чем через тридцать секунд после того, как сработала мина-ловушка. Случайные свидетели, если они были, смотрели бы на огонь, а не на нас. А *неслучайных* там бы просто не было. Профессионал, способный заминировать машину, либо прячется в убежище, либо пересекает границу штата и исчезает. А вот кое-кто из тех, кто заплатил за это развлечение, могли быть рядом. И если они там были, Хильда, то они были в твоём доме.

– Один из моих *гостей*?

– Ой, брось, Язва, моральный уровень твоих гостей тебя никогда не волновал. Тебе всегда было достаточно, чтобы они умели швыряться тортиками с заварным кремом, устраивать импровизированный стриптиз или еще какие-нибудь шуточки, чтобы на вечеринке никто не заскучал. Нет, я не думаю, что главный злодей был на вечеринке – я имел в виду, что он не стал бы торчать там, где его могут сцапать. Но твой дом был лучшим местом, чтобы спрятаться и наблюдать за тем, как развиваются события. Кем бы он ни был, гостем или человеком с улицы, он *знал*, что доктор Берроуз придет на вечеринку. Хильда, кому был известен этот ключевой факт?

Она ответила с необычайной серьезностью:

– Я не знаю, Зебби. Мне надо подумать.

– Подумай как следует.

– М-м-м... их было немного. Несколько человек я пригласила из-за того, что должен был прийти Джейк. Например, тебя...

– Я уже догадался.

– ... но тебе я не сказала, что Джейк будет, а кое-кому сообщила – «Но Брэйни», например, – но я не могу представить, что этот старый дурак способен заминировать машину.

– Я тоже не могу, но настоящие убийцы не похожи на убийц, они похожи на обычных людей. Интересно, за сколько дней до вечеринки ты сказала Брэйни, что папа на ней будет?

– Я сказала, когда приглашала его. Это было... м-м-м... восемь дней назад.

Я вздохнул:

– Да, тогда в число подозреваемых попадает не только наш кампус, но и весь земной шар. Попробуем зайти с другой стороны. Доктор Берроуз, можете вы вспомнить кого-либо, кто бы желал вашей смерти?

– Таких полным-полно!

– Дайте я спрошу по-другому: кто ненавидит вас настолько, что готов убить заодно и вашу дочь, лишь бы достать вас? А еще случайных свидетелей вроде Хильды и меня. Нет, я не хочу сказать, что мы такие важные, просто ему, похоже, наплевать, кто еще попадет под раздачу. А значит, это довольно ущербная личность. Аморальная. Так *кто же он*?

Папочка Берроуз заколебался.

– Доктор Картер, разногласия в математической среде могут быть экстремально горячими... я и сам небезгрешен...

(И не говори мне об этом, папаша!)

– ... но эти ссоры редко переходят в насилие. Даже смерть Архимеда была лишь косвенно связана с его... с нашей... профессией. Втянуть в это мою дочь... ну, даже доктор Брэйни, как бы он ни был мне неприятен, на это не способен.

– Зеб, а не могли они целиться в меня? – спросила Дити.

– Это *ты* мне скажи. Чью куклу ты сломала?

– Хм-м... Я не знаю никого, кто невзлюбил бы меня настолько, что захотел бы избавиться. Звучит глупо, но это правда.

– Да, это чистая правда, – снова влезла Язва. – Дити в этом отношении вся в мать. Когда мы с Джейн – это ее мать, и моя лучшая подруга до самого дня ее смерти – были соседками в колледже, я всегда влезала в разборки, а Джейн меня вечно из них вытаскивала, но сама никогда в них не участвовала. Она была миротворец. Такова и Дити.

– О'кей, Дити, значит, тебя вычеркиваем. Как и меня с Хильдой, поскольку тот, кто подложил бомбу, не мог предвидеть, что один из нас будет в зоне поражения. Поэтому они целились именно в папочку. Кто именно – мы не знаем, почему – мы не знаем. Когда мы разберемся – почему, то мы будем знать – кто. А пока нам нужно убрать папу с опасной территории. Я собираюсь жениться на тебе как можно быстрее не только потому, что ты хорошо пахнешь, но и для того, чтобы у меня было законное право участвовать в этой битве.

– Поэтому мы первым делом летим в Рино.

– Помолчи, Язва. Мы взяли курс в сторону Рино в тот момент, когда я выровнял полет.

Я включил транспондер, но перекинул тумблер не вправо, а влево ... теперь он будет выдавать зарегистрированный, легальный сигнал, но не тот, что выдан на мое имя. Подобное усовершенствование стоило мне некоторого количества шекелей, которые мне все равно не нужны, зато с радостью были приняты одним молчаливым семьянином из Индио. Иногда бывает полезно пересекать границу штата, оставаясь неузнанным воздушными копами.

– Но мы не направляемся в Рино. Все эти ковбойские скачки я делал для того, чтобы обмануть глаз, радар и тепловые детекторы. Маневр уклонения от тепловых детекторов – тот резкий поворот, который мы сделали во время планирования – либо сработал, либо был излишним, если у нас на хвосте не было ракет. Скорее всего, излишним – люди, которые подкладывают в машину бомбу, вряд ли готовятся сбивать фибии на лету. Но я не был в этом уверен, поэтому я изобразил тот нырок. Наверняка считается, что мы погибли при взрыве или в пожаре, и эта версия продержится, пока там все не остынет и не рассветет достаточно для работы полиции. Возможно, она продержится еще какое-то время, поскольку копы могут воздержаться от заявлений, что они не сумели найти органические останки. Но я должен предположить, что «профессора Мориарти» мы не одурачили, что он наблюдает за экраном радара в секретной штаб-квартире и знает, что мы направляемся в Рино. И поэтому некие враждебные действия ожидают нас там. Отправимся мы туда? Нет. А теперь потише, пожалуйста, я должен объяснить этой малышке, куда лететь.

Компьютер-пилот моего автомобиля не умеет готовить, но то, что она умеет, она умеет делать хорошо. Я вызвал на дисплей карту, изменил масштаб, чтобы в поле зрения оказалась Юта, использовал световой карандаш, чтобы проложить маршрут – сложный, поскольку он закручивался вокруг Рино сначала на юг, потом обратно на север, дальше к востоку над пустынной территорией, и, оставив южнее базу ВВС в Хилл Рэндж, добирался до Логана. Я задал высоту над землей, предоставив ей самой делать поправки на рельеф местности, чтобы нас не трясло, и добавил к этому изменение скорости, как только мы окажемся вне досягаемости радаров Рино.

– Все ясно, девочка? – спросил я.

– Все ясно, Зеб.

– Сигнал за десять минут до прибытия.

– Сигнал за десять минут до конечной точки – принято.

– Ты Умница, Гэй.

– Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием.

– Понял, конец связи, Гэй.

Дисплей погас.

Конечно, я запрограммировал свой автопилот так, чтобы он принимал план полета по нажатию кнопки «Выполнить». Но разве не приятнее, когда тебе отвечает теплое конральто? Впрочем, на самом деле я обращаюсь к «Умнице» при изменении плана полета для того, чтобы она опознала *мой* голос. Умелый электронщик может отключить блокировку машины и увести ее на ручном управлении. Но едва он попытается обратиться к автопилоту, машина не только не примет его программу, но и начнет звать на помощь на всех полицейских частотах. После этого автоугонщики чувствуют себя жалкими дилетантами.

Подняв взгляд, я обнаружил, что Дити внимательно наблюдает за моими операциями.

Я ждал вопроса, но Дити лишь сказала:

– У нее очень приятный голос, Зеб.

– «Гэй Обманщица» – вообще очень приятная девушка, Дити.

– И талантливая. Зеб, я никогда ранее не сидела в «Форде», который способен на такие вещи, на которые способен, способна... «Гэй Обманщица»?

– Когда мы поженимся, я вас представлю официально. Но нужно будет ее немного перепрограммировать.

– Мне не терпится познакомиться с ней.

– Познакомись. Только Гэй не совсем «Форд». Внешний дизайн сделан канадским отделением «Форда». Но большая часть того, что внутри, когда-то принадлежала Силам самообороны Австралии. И я добавил парочку безделушек. Боулинг. Дамскую комнату. Веранду. Маленькие штришки для домашнего уюта.

– Я уверена, что она их ценит, Зеб. Я в этом не сомневаюсь. Подозреваю, без них мы были бы уже мертвее мертвого.

– Может быть, ты и права. Если так, то это не первый раз, когда Гэй спасает мою жизнь. Ты еще не видела всех ее талантов.

– Меня уже ничто не удивит. Даже то, что ты не велел ей приземлиться в Логане.

– Логан выглядит следующим местом, где нас может ждать «торжественная встреча». Кто в Логане знает, что вы с отцом будете у Хильды?

– Через меня – никто.

– Почта? Доставка молока? Газеты?

– Мы ничего не заказываем с доставкой на дом, Зеб, – она повернула голову. – Пап, кто-нибудь в Логане знает, куда мы поехали?

– Доктор Картер, насколько я могу судить, никто в Логане не знает, что мы куда-то уехали. Прожив много лет в кишашей сплетнями академической среде, я научился делать свою жизнь настолько частной, насколько возможно.

– Тогда я предлагаю, чтобы вы отстегнули ремни и поспали. Пока до Логана не останется десять минут лета, нам особенно нечего делать.

– Доктор Картер...

– Лучше зови меня Зеб, папа. Привыкай.

– Хорошо, пусть будет «Зеб», сынок. На странице восемьдесят семь твоей монографии, после уравнения под номером один-двадцать-один, когда ты рассуждаешь о вращении шестимерных пространств положительной кривизны, ты пишешь: «Из этого очевидно, что...», после чего сразу приводишь уравнение один-двадцать-два... Как ты это сделал? Нет, сэр, я не собираюсь возражать – наоборот! Но в моей неопубликованной статье я потратил дюжину страниц на то, чтобы получить то же самое преобразование. Ты пришел к нему интуитивно? Или ты лишь решил не вдаваться в детали? Никакой критики – что бы это ни было, я впечатлен – одно чистое любопытство.

– Доктор, я не писал эту работу. Я уже говорил Дити.

– Ой, да ладно! Два доктора Зебулона Э. Картера в одном кампусе? Ты это хочешь сказать?

– Нет. Но это не мое имя. Я – Зебадия Дж. Картер. Зебулон Э. Картер, то есть Эдвард, откликается на Эда, – мой двоюродный брат. Кажется, он числится в списках кампуса, но на самом деле уехал на год работать по обмену в Сингапур. Это не так необычно, как выглядит, поскольку *все* мужчины в нашей семье получают первое имя, начинающееся с буквы «З». Все дело в деньгах, в завещании, в трастовом фонде и в том факте, что мои дед и прадед были немного эксцентричны.

– Как будто *ты* не такой, – сладеньким голоском сказала Хильда.

– Помолчи, дорогая, – я повернулся к Дити. – Дити, ты хочешь, чтобы я освободил тебя от обещания? Я *пытался* сказать тебе, что ты поймала не ту птичку.

– Зебадия...

– Да, Дити?

– Я собираюсь выйти за тебя замуж до окончания ночи. Но ты еще ни разу меня не поцеловал. Мне хочется быть поцелованной.

Я отстегнул ремень, принялся расстегивать ее и обнаружил, что она уже все сделала.

Дити целуется еще лучше, чем танцует танго.

Во время перерыва, сделанного из-за нехватки кислорода, я спросил ее шепотом:

– Дити, что значат твои инициалы?

– Ну... только не смейся.

– Я не буду. Но я должен знать, в чем дело – для церемонии.

– Я понимаю. Ну ладно, Ди Ти – это Дея Торис.

Дея Торис. Дея Торис Берроуз! Дея Торис *Картер*!!

Я не смог удержаться и вернул контроль над собой только после двух раскатов смеха.

Слишком поздно.

– Ты обещал, что не будешь смеяться, – сказала она печально.

– Дорогая Дити, я смеялся не над *твоим* именем, я смеялся над *своим*.

– Я не думаю, что «Зебадия» – такое смешное имя. Оно мне нравится.

– Мне тоже. Оно не дает мне потеряться среди бесчисленных Томов, Эдов и Бобов. Но я не назвал свое второе имя. Как ты думаешь, какое смешное имя начинается на «Дж»?

– Даже гадать не буду.

– Давай я тебе подскажу. Я родился неподалеку от кампуса университета, основанного Томасом Джефферсоном. В тот день, когда меня выпустили из колледжа, я получил звание младшего лейтенанта аэрокосмического резерва. Меня повышали дважды. Мой второй инициал означает «Джон».

Ей потребовалось не больше секунды, чтобы сообразить:

– Капитан... Джон... Картер... из Виргинии.

– «Атлетически сложенный боец»¹⁸, – подтвердил я. – Каор, Дея Торис. К вашим услугам, моя принцесса. Отныне и навеки!

– Каор, капитан Джон Картер. Гелиум готов принять вас¹⁹.

И мы упали друг другу в объятия, завывая от смеха, но смех быстро затих и перешел в очередную поцелуй. Когда мы «всплыли», чтобы набрать в легкие немного воздуха, меня похлопала по плечу Хильда.

– Не посвятите ли нас в секрет этой шутки?

– Сказать ей, Дити?

– Не уверена. Тетя Хильда все разбалтывает.

¹⁸ Цитата из романа Э. Берроуза «Воины Марса». – Прим. С. В. Голд.

¹⁹ Каор – марсианское приветствие. Капитан Джон Картер из Виргинии, Дея Торис – персонажи марсианского цикла Э. Берроуза. Гелиум – столица марсианской империи. – Прим. С. В. Голд.

– О, чепуха! Я знаю твое полное имя, но никогда никому его не говорила. Еще бы мне не знать – я же держала тебя на руках при крещении. Ох и мокрая же ты была тогда! С обоих концов. Ну, так что?

– Ну ладно, слушай: нам не нужно вступать в брак – мы давно женаты. Много лет. Больше ста.

– Что-что? – подал голос папочка. Я объяснил. Он подумал, затем кивнул: – Логично.

И тут же вернулся к своей записной книжке, в которой делал какие-то пометки. Потом опять обратился ко мне:

– Твой кузен Зебулон – он есть в телефонной книге?

– Вряд ли. Но он живет в отеле «Нью-Раффлз».

– Отлично. Я попробую и отель, и университет. Доктор... сынок... Зеб, не будешь ли ты столь любезен, чтобы сделать звонок? Мой код коммуникационного кредита – Неро Алеф восемь ноль один тире семь пять тире три девять три два Зет звездочка Зет.

(Кредитный рейтинг Z*Z – мне явно не придется содержать будущего тестя!)

– Папа, – вмешалась Дити, – ты не должен звонить профессору Картеру... Зебулону Картеру... в этот час.

– Но моя дорогая дочь, еще не так поздно...

– Понятно, что нет, я умею считать. Но ты хочешь попросить его о любезности, поэтому не прерывай его послеобеденный сон. Помнишь? «Бешеные псы и англичане»²⁰.

– Но в Сингапуре вовсе не полдень, там...

– ...время сиесты, еще жарче, чем в полдень. Так что подожди.

– Дити права, папа, – вмешался я, – но по другой причине. Мне кажется, позвонить ему именно сейчас – это ведь для тебя не вопрос жизни и смерти? Но это может стать вопросом жизни и смерти для нас – если ты сделаешь звонок из этой машины... особенно по твоему кредитному коду. Пока мы не разобрались, кто такие эти «парни в черных шляпах»²¹, я бы советовал выходить на связь с земли, с общественных телефонов, которым можно скормить нью-доллары, а не код твоей кредитки. Скажем, из Пеории. Или из Падьюки. Ведь это может подождать?

– Ну, если ты смотришь на это дело таким образом... да, это может подождать. Хотя я до сих пор не могу поверить, что кто-то хочет меня убить.

– Доступные нам данные говорят об этом.

– Согласен. Но эмоционально я все еще это не принял.

– Чтобы до тебя достучаться, нужна хорошая бейсбольная бита, – заметила Хильда. – Мне пришлось сидеть на нем, чтобы не сбежал, пока Джейн делала ему предложение.

– Ну что ты, Хильда, дорогая, это абсолютно не соответствует действительности. Я написал своей прежней возлюбленной вежливую записку, в которой говорилось...

Я оставил их препираться, а сам попытался дополнить имеющиеся у нас данные:

– «Гэй Обманщица».

– Да, босс?

– Новости, дорогая.

– Готова, босс.

– Параметры поиска. Время – от двадцати одного ноль-ноль. Регион – Калифорния, Невада, Юта. Персоны – твой добрый босс, дорогая; доктор Джейкоб Берроуз; доктор Д. Т. Берроуз; миз Хильда Корнерс... я на секунду заколебался, – профессор Нейл О'Херет Брэйи, – я почувствовал себя глуповато, но добавил «Брэйни», поскольку между ним и папой была

²⁰ «Mad dogs and englishman» – песня 1931 года Noel Coward, в ней поется о том, что под полуденное солнце выходят лишь бешеные собаки и англичане, а все остальные прячутся в тени. – Прим. С. В. Голд.

²¹ В старых вестернах злодеи носили черные шляпы. – Прим. С. В. Голд.

ссора, а много лет назад мой лучший учитель сказал: «Никогда не пренебрегай так называемыми тривиальными корнями уравнения» – и добавил, что за тривиальные корни были присуждены две Нобелевские премии.

– Ввод параметров завершен, босс?

Доктор Берроуз дотронулся до моего плеча.

– Может твой компьютер поискать в новостях упоминания о твоём кузене?

– М-м-м. Может быть. Она хранит шестьдесят миллионов байт, потом стирает по принципу «последним поступило – последним ушло» все, что не перемещено в постоянную память. Но её хранилище под новости на шестьдесят процентов ориентировано на Северную Америку. Я попробую. Умница!

– Жду команду, босс.

– Дополнение. Первый поиск по ранее введенным параметрам. Затем поиск по новой программе. Время – от настоящего момента до самого раннего вхождения. Регион – Сингапур. Персона – Зебулон Эдвард Картер, он же Эд Картер, он же доктор З. Е. Картер, он же профессор З. Е. Картер, он же профессор или доктор Картер из университета Раффлз.

– Две программы поиска обрабатываются последовательно. Принято, Зеб.

– Ты Умница, Гэй.

– Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием.

– Понял, конец связи, Гэй. Выполняй.

– Агентство АП, Сан-Франциско. Таинственный взрыв нарушил академическую тишину... – сообщение закончилось обычным заявлением о том, что виновные будут арестованы «незамедлительно». Оно содержало один интересный факт – все мы числились мертвыми. Начальник местной полиции заявил, что у него есть версия, но он пока ничего не скажет – иными словами, ему было известно еще меньше, чем нам. Поскольку о нас говорили как о «предположительно погибших» и поскольку в новостях ничего не сообщалось о нелегальном взлете и прочих шалостях, которые могли обеспокоить воздушных копов, я рискнул предположить, что в поле зрения полицейских радаров мы не попадались, пока не превратились в одну из безобидных легальных отметок на экране. Отсутствие упоминаний о «Гэй Обманщице» меня не удивило, поскольку я прибыл едва ли не самым последним и мог явиться на такси, в общественной капсуле или вообще пешком. Доктора Брэйна не упомянули, ссору на вечеринке – тоже. Гостей допросили и отпустили. Пять машин, припаркованных рядом с местом взрыва, серьезно пострадали.

– Невада – нулевой результат. Юта – Агентство ЮПИ, Солт-Лейк-Сити. Пожар, случившийся неподалеку от кампуса государственного университета Юты в Логане, разрушил... – снова «Парни в Черных Шляпах», так что Дити и ее папочка оказались мертвыми дважды, поскольку, по версии следствия, они задохнулись в дыму и не смогли выбраться из горящего здания. Больше никто не пострадал и не пропал. Возгорание списали на неисправную электропроводку. – Завершение первого поиска, Зеб. Начинаю второй поиск.

Гэй замолчала.

– Папа, кто-то тебя сильно не любит, – спокойно заметил я.

– Погибло! Все погибло! – простонал он.

– У тебя не осталось копий твоих работ? И твоего... устройства?

– Что? Нет, нет! Это *гораздо* хуже! Моя коллекция антикварных журналов! «Weird Tales», «Argosy», «All-Story», первые выпуски Гернсбека, «The Shadow», «Black Mask» – ооо!

– Для папы это настоящий удар, – прошептала Дити, – я сама сейчас заплачу. Я же училась читать по этой коллекции. «War Aces», «Air Wonder», полный комплект «Astoundings» Клэйтона. Все это оценивалось в двести тринадцать тысяч нью-долларов. Журналы начал собирать дедушка, папа продолжил, ну а я выросла, читая все это.

– Мне жаль, Дити, – я обнял ее. – Вы должны были переснять все на пленку.

- Мы так и сделали. Но это не то же самое, что настоящие журналы у тебя в руках.
- Я понимаю. И... что насчет той штуки в подвале?
- Что за «штука в подвале»? – вмешалась Язва. – Зебби, ты выражаешься как Г. Ф. Лавкрафт!
- Не сейчас, Язва. Утешь Джейка, мы заняты. Гэй!
- Слушаю, Зеб. Какие проблемы?
- Карту на дисплей, пожалуйста.
- Мы были на полпути где-то над северной Невадой.
- Прекратить движение по маршруту и перейти в свободный полет с крейсерской скоростью. Назови ближайшие столицы округов.
- Уиннемакка и Элко находятся на равном расстоянии с погрешностью в один процент. Ориентировочный срок прибытия в Элко раньше, поскольку отклонение от нынешнего курса составит всего одиннадцать градусов к югу.
- Дити, ты хочешь выйти замуж в Элко?
- Зебадия, я в восторге от мысли выйти замуж в Элко.
- Значит, Элко, но надо еще чуточку подождать. Гэй, вектор на Элко и сажай нас. Обычная крейсерская скорость для частного транспорта. Доложи время прибытия в минутах.
- Поняла, выполняю. Элко. Девять минут семнадцать секунд.
- Ну-ну, Джейк, дорогой, успокойся, мамочка с тобой... – проворковала Хильда, а потом добавила обычным сержантским тоном: – Хватит вилять, Зебби! Что за «штука» и в каком она подвале?
- Язва, это тебя никак не касается. У папы была одна штука, теперь она уничтожена, и это все, что тебе необходимо знать.
- О нет, все не так, – сказал доктор Берроуз. – Зеб имеет в виду мой континуумоход, Хильда. Он в безопасности. Его не было в Логане.
- Что такое, во имя Небесного Пса, «континуумоход»?
- Папа имеет в виду свою машину времени, – объяснила Дити.
- Что же он сразу не сказал? Все знают «Машину времени». «Машину времени» Джорджа Пала – классическая вещь. Я сто раз смотрела ее на ночных показах.
- Язва, ты умеешь читать? – спросил я.
- Конечно, я умею читать! «Рем, не рой яму. Роза мерзнет на морозе». Я вам не дурочка какая-то.
- Ты когда-нибудь слышала о Герберте Уэллсе?
- Слышала? Да я с ним *спала!*
- Ты хвастливая старая шлюшка, но ты не настолько стара. Когда мистер Уэллс умер, ты еще была девственницей.
- Клевета! Ударь его, Джейк, он меня оскорбил!
- Я уверен, Зеб не хотел тебя оскорбить. И Дити не позволяет мне бить людей, даже когда это необходимо.
- Мы это изменим.
- Второй поиск завершен, – доложила «Гэй Обманщица». – Жду команду.
- Доложи результаты второго поиска, пожалуйста.
- Агентство «Рейтер», Сингапур. Об экспедиции Марстона на Суматре по-прежнему нет никаких известий, сообщают местные власти в Палембанге. Запланированная дата возвращения истекла тринадцать дней назад. Помимо профессора Марстона, местных проводников и ассистентов, в партию входят доктор З. Э. Картер, доктор Сесил Янг, а также мистер Джайлс Смайт-Белиша. Министр туризма и культуры заявил, что поиски будут продолжаться. Конец результатов поиска.

Бедный Эд. Мы никогда не были близки, но с ним никогда не случилось никаких трагедий. Мне бы хотелось надеяться, что он потерял голову от местной знойной красотки, а не от удара мачете в джунглях, но последнее казалось более вероятным.

– Папа, несколько минут назад я сказал, что кто-то очень тебя не любит. Я начинаю подозревать, что кто-то очень не любит специалистов по n-мерной геометрии.

– Похоже на то, Зеб. Я искренне надеюсь, что твой кузен в безопасности. Такой блестящий ум! Это была бы большая потеря для человечества!

«И для него самого», – добавил я мысленно.

И для меня, поскольку семейный долг требует, чтобы я что-то предпринял в этой связи. Однако в голове у меня сейчас только медовый месяц.

– Гэй.

– Слушаю, Зеб.

– Дополнение. Третья программа поиска новостей. Использовать все параметры второй программы. В регионы добавить Суматру. В объекты поиска добавить все имена собственные и названия, найденные во втором поиске. Результаты поиска поместить в постоянную память. Докладывать о результатах по мере поступления. Старт.

– В работе, босс.

– Ты хорошая девочка, Гэй.

– Спасибо, Зеб. Приземление в Элко через две минуты семь секунд.

Дити крепче сжала мне руку.

– Папа, как только я по закону стану миссис Джон Картер, я думаю, мы должны отправиться в Уютную Гавань.

– Что? Ну, разумеется.

– Ты тоже, тетя Хильда. Тебе может быть небезопасно возвращаться домой.

– Изменение в планах, дорогая. Это будет двойная свадьба. Джейк и я.

Дити выглядела взволнованной, но вовсе не расстроенной.

– Папа?

– Хильда наконец снизошла до того, чтобы выйти за меня.

– Вранье, – сказала Язва. – Джейкоб никогда не просил меня в прошлом, не просил и сейчас. И я сама это сделала. Подловила его, пока он расстраивался из-за своих комиксов и не мог защититься. Так было нужно, Дити. Я пообещала твоей матери позаботиться о Джейке, и я заботилась, с твоей помощью, до настоящего момента. Теперь на тебе будет Зебби, тебе придется смотреть, чтобы он не угодил в неприятности, вытирать ему нос... так что я ухитрилась схватить Джейка за галстук и затащить под венец, чтобы сдержать обещание. Чтобы не забираться к нему в постель тайком, как раньше.

– Хильда, дорогая, ты никогда не бывала у меня в постели!

– Не позорь меня перед детьми, Джейк! Я обеспечила тебе тестовый прогон и только потом позволила Джейн связаться с тобой, и не вздумай это отрицать!

Джейк беспомощно пожал плечами:

– Как тебе угодно, дорогая Хильда.

– Тетя Хильда... ты и в самом деле любишь папу?

– Пошла бы я за него, если бы не любила? Я могла выполнить обещание, данное Джейн, более простым способом – отправив его в тихий домик к мозгоправам. Дити, я люблю Джейкоба дольше, чем ты любишь его. Много дольше! Но он любил Джейн... что говорит о том, что способен здраво мыслить, несмотря на странные выходки. Я не буду пытаться его изменить, я буду только следить, чтобы он носил ботинки и принимал витамины – то, чем занималась ты. Так что я останусь «тетей Хильдой» и не стану «матерью». Твоей мамой была и остается Джейн.

– Спасибо, тетя Хильда. Я думала, заполучив Зебадию, что буду счастлива так, как только может быть женщина. Но ты сделала меня еще счастливее. Мне не о чем теперь тревожиться.

(Зато *мне* было о чем тревожиться: типы без лиц, но в Черных Шляпах. Но я немедленно выкинул их из головы, потому что в этот момент Дити прижалась ко мне и начала убеждать, что все в порядке, что тетя Хильда не стала бы шутить по поводу брака с папой.)

– Дити, где эта ваша Уютная Гавань и что это такое?

– Это... укромное место. Убежище. Земля, которую папа взял в аренду у властей, когда решил построить настоящий искривитель времени, а не просто писать уравнения. Но нам придется дождаться дня. Если только... может, «Гэй Обманщица» умеет находить цель по заданной широте и долготе?

– Конечно, умеет! И очень точно.

– Тогда все в порядке. Я могу дать координаты в градусах, минутах и долях секунд.

– Садимся, – предупредила Гэй.

Клерк округа в Элко не стал возражать, когда его выдернули из кровати, и выглядел довольным, когда я сунул ему сотенную бумажку. Окружная судья оказалась столь же контактной и убрала в карман свой гонорар, даже не взглянув на него. Я запнулся в одном месте, но все-таки сумел произнести: «Я, Зебадия Джон, беру тебя, Дею Торис...» Дити прошла через церемонию так же торжественно и уверенно, словно не раз ее репетировала. А Хильда все время шмыгала носом.

Хорошо, что Гэй умеет точно выходить на заданную цель, поскольку я был не в состоянии вести машину, даже при свете дня. Я дал ей координаты и велел идти зигзагами, чтобы подолгу не светиться на радарх, а последнюю сотню километров пройти в мертвой зоне Аризонской полосы, севернее Большого Каньона. Но перед посадкой я все же велел ей зависнуть и ждать какое-то время, пока я не уверюсь, что тут не случилось третьего пожара.

Но домик был из негорючих материалов, с подземным гаражом для Гэй – и я наконец-то расслабился.

Мы открыли бутылку сабли. Папа, похоже, хотел немедленно отправиться в подвал. Язве это не понравилось, ну а Дити просто проигнорировала.

Я перенес Дити через порог ее спальни, осторожно усадил ее лицом к себе и сказал:

– Дея Торис...

– Да, Джон Картер?

– У меня не было времени, чтобы купить тебе свадебный подарок...

– Мне не нужны подарки от моего капитана.

– Выслушай меня, моя принцесса. У моего дяди Замира не было такой хорошей коллекции, как у твоего отца... но могу я подарить тебе полный комплект «Astoundings» Клэйтона?

Она удивленно улыбнулась.

– ...и первое издание первых шести книг о Стране Оз, несколько потрепанных, но с оригинальными цветными иллюстрациями? И первое издание «Принцессы Марса»²² в почти безупречном состоянии?

Улыбка ее стала шире, и Дити стала похожа на девятилетнюю девочку.

– Да!

– Примет ли твой отец полный комплект «Weird Tales»?

– Примет! Нордвест Смит и Джирел из Джойри²³? Я буду брать их у него почитать, иначе не видать ему моей Страны Оз! Я упрямая, еще какая! И эгоистичная. И *плохая!*

– Упрямество подтверждаю. Все прочее отклоняю.

Дити показала мне язык.

²² Первый роман Эдгара Берроуза о Джоне Картере и Дее Торис.

²³ Серии произведений Кэтрин Мур (будущая жена Г. Каттнера), опубликованная в первой половине 30-х в журнале «Weird Tales». «Нордвест Смит» – один из предтеч «Звездных торговцев» и прочих «Светлячков», «Джирел из Джойри» – собрат Конана и дедушка Элрика из Мельнибонэ. – *Прим. С. В. Голд.*

– Ты меня еще узнаешь! – внезапно ее лицо стало серьезным. – Но мне жаль, мой принц, что у меня нет подарка для моего мужа.

– Он у тебя есть.

– Точно?

– Конечно. Прекрасно упакованный и источающий райское благоухание, от которого у меня кружится голова.

– Ах... – сказала она надменным и безмятежно-счастливым голосом. – Не распакует ли меня мой муж? Пожалуйста!

Я так и сделал.

И это все, что кому-либо позволено знать о нашей первой брачной ночи.

– IV – Дити

Я проснулась рано, как всегда в Уютной Гавани, чувствуя себя абсолютно счастливой. Успела этому удивиться, потом все вспомнила и повернула голову. Мой муж... *муж!*.. что за благословенное слово... мой муж лежал рядом, носом в подушку, слегка похрапывая и пуская слюнку. Я тихонько лежала, смотрела на него и думала о том, какой он красивый, сколько в нем нежности, силы и чуткости.

У меня было искушение разбудить его, но я знала, что моему дорогому нужен отдых. Так что я выскользнула из кровати и бесшумно отправилась в ванную – *нашу* ванную! – где не спеша проделала утренние дела. Ванну я решила принять только после того, как проснется мой капитан.

Я натянула трусики, занялась бюстгальтером, но тут остановилась и посмотрела в зеркало. У меня обыкновенное лицо и крепкое тело, которое я держу в отличной форме. На конкурсе красоты мне никогда не выйти даже в полуфинал.

Слышишь, Дити? Не упряжься, не пытайся командовать, не старайся всегда настоять на своем – а самое главное, не обижайся, если что-то не так. Мама никогда не обижалась, хотя папа не из тех людей, с которыми легко ужиться. Она терпеливо объясняла мне, что логика не имеет никакого отношения к искусству делать мужа счастливым и что тот, кто «выиграл» в семейном споре, на самом деле проиграл. Мама никогда не спорила, и папа всегда делал то, что она хотела. Если она на самом деле этого хотела. Когда в семнадцать лет мне пришлось срочно повзрослеть и попытаться ее заменить, я старалась во всем поступать как она – и не всегда успешно. Я унаследовала часть папиного темперамента и кое-что от маминого спокойствия. Я стараюсь подавлять первое и развивать второе. Но я не Джейн, я Дити.

Неожиданно я задумалась, для чего я натягиваю бюстгальтер. День обещал быть жарким. Бывает, папочка страшно выходит из себя, натываясь на кое-какие вещи по углам, но обнаженная плоть к их числу не относится. (Полагаю, что раньше все было иначе, но мама все переделала так, как ей хотелось.) Мне нравится ходить голой, и в Уютной Гавани я так обычно и делаю, если погода позволяет. Папа почти всегда столь же небрежен. Тетя Хильда – практически член семьи, мы часто пользовались ее бассейном и никогда не брали купальных костюмов – в крайнем случае, просто прикрывались.

Так почему я надеваю этот бюстгальтер?

Потому что две вещи, порознь равные третьей, никогда не равны друг другу. Элементарная математика, если правильно подобрать аксиомы. Люди – не абстрактные символы. Я могла расхаживать голой перед любым из них, но не перед всеми тремя одновременно.

Меня уколола мысль, что папа и тетя Хильда могут подпортить наш медовый месяц. Потом сообразила, что мы с Зебадией можем точно так же испортить их медовый месяц – и перестала беспокоиться; все само устаканится.

На кошачьих лапках я двинулась через нашу спальню, заметила одежду мужа – и остановилась. *Мой дорогой вряд ли захочет надевать к завтраку вечерний костюм. Дити, ты ведешь себя не так, как должна супруга, разберись. Есть что-то из папиной одежды, что я могу позаимствовать, не разбудив остальных?*

Ага! Старая рубашка, которую я освободила от службы и превратила в домашний халат, шорты цвета хаки, в прошлый раз, когда мы были тут, я взяла их зашивать – и все это в шкафу в моей – *нашей!* – ванной комнате. Я прокралась обратно, добыла шмотки и положила поверх вечернего костюма, чтобы он уж точно не проглядел.

Закрыв за собой две звуконепроницаемые двери, я вздохнула с облегчением – можно не соблюдать тишину. Папа не выносит дешевки во всем, и если что-то не работает как должно,

он просто берет это и чинит или заменяет. Бакалавра он получил по инженерному делу, магистра – по физике, а диссертацию защитил по математике: нет *ничего*, что он бы не смог спроектировать и построить. Второй Леонардо да Винчи... или Поль Дирак.

Никого в гостиной, и я решила пока не навещать кухню; если остальные дрыхнут, то я могу потратить утро на себя. Потянуться как следует вверх... ладони на пол, не сгибая коленей... десяти раз достаточно. Вертикальные махи обеими ногами, затем шпагат на полу, подтягиваем голову к лодыжкам – сначала к правой, потом к левой.

Я закидывала ноги за голову, когда услышала:

– Жуткое зрелище. Заезженная невеста. Дити, прекрати это.

Я ухитрилась прямо из этого положения уйти в кувырок и вскочить, чтобы оказаться лицом к лицу с папиной невестой.

– Доброе утро, тетя Хиллбилли²⁴, – сказала я, потом ее обняла и поцеловала. – И совсем не «заезженная». Разве что чуть-чуть «объезженная».

– Побитая, – повторила она, зевая.

Она прервалась, чтобы поцеловать меня еще раз, более душевно, чем в первый раз.

– Я самая счастливая женщина в Америке, – сообщила она.

– Не-а. Вторая. Самая счастливая стоит перед тобой.

Тетя Хильда хмыкнула и сказала:

– Сдаюсь. Мы обе – самые счастливые женщины в мире.

– И самые везучие. Тетя-Козочка, этот папин халат толстый, в нем будет жарко. Давай я принесу тебе что-то из моего. Как насчет бикини на шнурочках, у него универсальный размер?

– Спасибо, дорогая, но ты можешь разбудить Зебби, – тетя Хильда распахнула папин халат и принялась обмахиваться его полами, а я посмотрела на нее новыми глазами.

У нее было три или четыре краткосрочных брачных контракта, никаких детей. В сорок два ее лицо выглядело на тридцать пять, но ниже ключиц она могла сойти за восемнадцатилетнюю. Фарфоровая куколка, рядом с которой я – просто великанша.

– Если бы не твой муж, – добавила она, – я бы просто носила свою старую кожу. Тут жарко.

– Если бы не твой муж, я поступила бы так же.

– Джейкоб? Дити, он менял тебе пеленки. Я знаю, как Джейн воспитывала тебя. Истинная скромность, никакой фальшивой застенчивости.

– Не тот случай, тетя Хильда. Не сегодня.

– Нет, тот. Ты всегда была умницей, Дити. Женщины практичны, мужчины нет. Мы должны защищать их, делая вид, что мы хрупкие создания, чтобы не повредить их хрупкое эго. Впрочем, мне это никогда хорошо не удавалось – я слишком люблю играть со спичками.

– Тетя Хильда, тебе это *очень* хорошо удается, только ты делаешь все по-своему. Уверена, мама знает, что ты делаешь для папы, и она благословляет тебя и рада за папу. Рада за всех нас... за всех пятерых.

– Да ну тебя, Дити, я сейчас заплачу. Давай-ка займемся апельсиновым соком, наши мужчины могут проснуться в любой момент. Первый секрет успешной жизни с мужчиной – накорми его, едва он открыл глаза.

– Это я знаю.

– Конечно, ты знаешь. С того дня, как не стало Джейн. Знает ли Зебби, насколько ему повезло?

– Он говорит, что знает. И я постараюсь его не разочаровывать.

²⁴ *Hillbilly* – «Билли с горы», иначе говоря, «деревенщина». Понятно, что утонченную светскую львицу так можно называть только в шутку, и именно очевидный диссонанс названия и объекта и является шуткой. В каких-то других кругах подобные шутки сочли бы грубостью и амикошонством, но профессорская семейка Берроузов-Картеров больше ценит именно такие шутки. – *Прим. С. В. Голд.*

– V –
Джейк

Я медленно выбирался из дремотной эйфории, когда осознал, что лежу в постели в нашем домике, который моя дочь называет Тихой Гаванью – потом проснулся окончательно и устался на соседнюю подушку – точнее, на вмятину в ней. Это был не сон! Значит, эйфория возникла не на пустом месте, а от самой лучшей из всех причин!

Хильды в поле зрения не было. Я закрыл глаза и притворился, что сплю, поскольку мне нужно было кое-что сделать.

«Джейн?» – позвал я мысленно.

«Я слышу тебя, мой дорогой. Я даю вам мое благословение. Теперь мы будем счастливы все вместе».

«Мы же не рассчитывали, что Дити будет киснуть в старых девах только для того, чтобы заботиться о своем старом вздорном отце. Этот молодой человек – он хорош, даже в энной степени хорош. Я это сразу почувствовал, и Хильда в нем уверена».

«Да, он хорош. Не волнуйся, Джейкоб. Наша Дити никогда не будет киснуть, а ты никогда не будешь старым. Именно так мы с Хильдой все и спланировали пять с лишним лет назад. Все было предрешено. Она ведь сказала тебе об этом прошлой ночью?».

«Да, дорогая».

«Встань, почисти зубы и не забудь быстро ополоснуться. Не возись долго, завтрак уже ждет. Позови меня, когда будет нужда. Целую».

И вот я встал, чувствуя себя маленьким мальчиком в рождественское утро: все было отлично, и Джейн все одобрила и завершила своей печатью. И, кстати, позволь мне заметить, мой несуществующий читатель, сидящий где-то там со снисходительной усмешкой на лице – не будь таким самодовольным. Джейн более реальна, чем ты.

Дух прекрасной женщины нельзя закодировать нуклеиновыми кислотами, свернутыми в двойную спираль. Так может думать только заучившийся болван. Я мог бы доказать это строго математически, если бы математика умела что-то доказывать. Но у математики нет никакого внутреннего содержания. Она мало к чему пригодна. В лучшем случае она – очень редко – помогает описывать некоторые аспекты нашей так называемой физической вселенной.

Но это случайный бонус; большинство разделов математики так же бессмысленны, как шахматы.

Я не знаю *никаких* окончательных ответов. Я – универсальный механик и неплохой математик... но любая из этих специальностей бесполезна, когда пытаешься постичь непостижимое.

Некоторые люди ходят в церковь, чтобы поговорить с Богом, кем бы Он ни был. Когда меня что-то гложет, я общаюсь с Джейн. Я не слышу «голосов», но ответы, что приходят ко мне, для меня столь же бесспорны, как речи любого римского папы *ex cathedra*. Если, по-вашему, это богохульство, то пусть оно так и будет, я останусь при своем. Джейн всегда была, есть и будет, во веки веков, аминь. Мне выпал бесценный дар прожить с ней восемнадцать лет, и никакая сила ее у меня не отнимет.

Хильды в ванной не было, но моя зубная щетка оказалась влажной. Я улыбнулся, осознав это. Логично, поскольку все микробы, которые я носил в себе, за эту ночь перекочевали к Хильде – а Хильда, несмотря на свою легкомысленную игривость, невероятно практична. Она встречает опасность лицом и не трепещет – как вчера вечером, – но может сказать *Gesundheit*²⁵

²⁵ Будьте здоровы (нем.).

проснувшись вулкану, убегая от потока лавы. Джейн столь же храбра, но в такой ситуации обошлась бы без шуточек. Они похожи друг на друга, разве что в... нет, и даже в этом они не похожи. Разные, но равные. Пусть будет так: судьба благословила меня браком с двумя превосходными женщинами... и дочерью, отец которой считает, что она идеальна.

Я принял душ, побрился и почистил зубы за девять минут, а затем оделся за девять секунд. Просто обернул вокруг талии саронг из махровой ткани, который мне купила Дити – день обещал быть жарким. Эта набедренная повязка была уступкой приличиям, поскольку я недостаточно хорошо знал моего новоиспеченного зятя, чтобы сразу явиться к нему в своем обычном небрежном виде. Возможно, это могло бы оскорбить Дити.

Я явился к столу последним и обнаружил, что все пришли к тому же решению, что и я. Дити носила то, что можно было назвать бикини-минимум – непристойно «пристойная» штука, – а моя невеста красовалась в одеянии из шнурков из коллекции моей дочери. Шнурки эти были явно ей велики, поскольку Хильда крошечная, а вот Дити – нет. Полностью одетым оказался один Зеб: он был в моих старых рабочих шортах и изношенной джинсовой рубашке, конфискованной Дити. И в своих вечерних туфлях. В таком виде он бы не выделялся на улице любого городка американского Запада... если бы не одно обстоятельство: я сложен, точно груша, а Зеб – как Серый Ленсмен²⁶.

Шорты мои пришлись ему впору – немного болтались, – но рубашка у него на плечах трещала по швам. Видно было, что он чувствует себя в ней некомфортно.

Я постарался проявить радушие и гостеприимство – доброе утро всем, один поцелуй невесте, второй дочери, рукопожатие зятю; хорошая у него рука, мозолистая. После чего предложил:

– Зеб, сними рубашку. Жарко, а будет еще жарче. Расслабься. Это твой дом.

– Спасибо, папа, – и Зеб стянул с себя мою рубашку.

Хильда тут же встала на свой стул, почти сравнявшись ростом с Зебом.

– Я всегда была яркой поборницей за права женщин, – объявила она, – и мое обручальное кольцо – это не кольцо у меня в носу, и, кстати, ты мне его так и не вручил, старый козел.

– А у меня было на это время? Ты получишь его, дорогая – при первой же возможности.

– Оправдания, одни оправдания! Не перебивай меня, когда я произношу речь. Раз коту масленица, то и мышке в пляс! Если вы, мужские шовинистические свиньи, можете одеваться с комфортом, то мы с Дити тоже имеем право! – и тут моя любимая женушка развязала верх своего бикини и швырнула его прочь с грацией стриптизерши.

– «Не пора ли нам подкрепиться! Что на завтрак? – спросил Пух», – процитировал я, возможно, не совсем точно.

Ответа я не получил. Вместо этого Дити в энный раз доказала, что я могу гордиться ею. Многие годы она советовалась со мной, хотя бы молча, взглядом, принимая «стратегические решения». Сейчас она посмотрела не на меня, а на своего мужа. Зеб изобразил Древнее Каменное Лицо, не выразив ни осуждения, ни одобрения. Дити, глядя на него, затем еле заметно пожалала плечами, а потом завела руку за спину, что-то там развязала или расстегнула и тоже сбросила верх своего бикини.

– Я спросил: «Что на завтрак»? – повторил я.

– Обжора, – ответила моя дочь. – Вы, мужчины, приняли душ, а мы с тетей Хильдой не имели шанса помыться, потому что боялись разбудить вас, лежебок.

– «Что на завтрак»?

– Тетя Хильда, за какие-то часы папа растерял все навыки, которые я ему прививала в течение пяти лет. Папа, все нужное лежит на столе, можно начинать готовить. Как насчет постоять у плиты, пока мы с Хильдой принимаем ванные?

²⁶ Герой романов Э. «Дока» Смита, мускулистый супергерой.

Зеб поднялся с места:

– Я займусь этим, Дити, – сказал он. – Я много лет готовил себе завтраки.

– Придержи коней, дружок, – вмешалась моя невеста. – Сядь, Зебби. Дити, никогда не позволяй мужчине самому готовить завтрак – иначе он начнет задумываться, так ли уж ему нужна женщина. Если ты вовремя подаешь ему завтрак и не вступаешь в дискуссии до того, как он выпьет вторую чашку кофе, то остаток дня можешь творить все, что пожелаешь – тебе все сойдет с рук. Подожди немного, и я тебя всему научу.

Моя дочь очень быстро вернулась в игру: повернувшись к мужу, она мягко проговорила:

– Что мой капитан желает на завтрак?

– Моя принцесса... я приму все, что предложат твои прекрасные руки.

И нам предложили – настолько быстро, насколько Дити могла лить масло на сковороду, а Хильда раскладывать по тарелкам – настоящее пиршество для гурманов, которое взбесило бы шеф-повара «Cordon Bleu», а на мой вкус было пищей богов. «Глазунья по-техасски» – высокая стопка тонких, нежных блинчиков, приготовленных по рецепту Джейн, увенчанная яичницей-глазуньей из одного яйца в окружении жареных сосисок; все это утопает в расплавленном сливочном масле и горячем кленовом сиропе; запивать это полагается большим стаканом апельсинового сока и большой кружкой кофе.

Зеб слопал две стопки блинов, и я понял, что у моей дочери будет счастливый брак.

– VI – Хильда

Мы с Дити помыли посуду, а потом отправились в ее ванную комнату отмочать и сплетничать о наших мужьях. Мы хихикали и болтали с откровенностью женщин, которые доверяют друг другу и уверены, что никакой мужчина их не подслушает. Интересно, говорят ли мужчины так же открыто в похожих обстоятельствах? Из того, что я узнала во время полуночных бесед в горизонтальном положении, когда страсть утолена, мужчины таких разговоров не ведут. По крайней мере мужчины, что побывали у меня в постели. А между тем, «истинная леди» (какой была Джейн, какой является Дити, и какой могу притворяться я) может вести с другой «истинной леди», которой она доверяет, такие разговоры, от которых ее отец, муж или сын упали бы в обморок.

Так что лучше я пропущу наш разговор – эти записки могут попасть в руки одного из представителей слабого пола, и я не хочу, чтобы его смерть отягощала мою совесть.

Принадлежат ли мужчины и женщины к одной расе? Я знаю, что говорят биологи, однако в истории полно «ученых», которые делали заключения на основе поверхностных сведений. Мне представляется, мужчины и женщины, скорее, симбионты. Моими устами говорит вовсе не невежество; мне одного триместра не хватило до степени бакалавра по биологии, и я была отличницей, когда один «биологический эксперимент» завершился скандалом и вынудил меня бросить обучение.

Не то чтобы мне была нужна эта степень – у меня ванная обклеена почетными степенями, в основном докторскими. Говорят, будто есть такие вещи, которые ни одна шлюха не станет делать за деньги, но таких вещей, на которые не пошел бы ректор университета, чтобы заткнуть дыру в бюджете, я пока еще не встречала. Секрет в том, чтобы никогда не обещать постоянного финансирования и жертвовать деньги только в моменты самой острой необходимости, не больше одного раза в учебный год. Действуя таким образом, вы не только приберете к рукам весь кампус, даже городские копы быстро поймут, что связываться с вами – пустая трата времени. Университет всегда отстаивает своих платежеспособных членов-корреспондентов; это главный секрет успеха в академической среде.

Простите мне это отступление, мы ведь говорили о мужчинах и женщинах. Я всегда готова защищать права женщин, но никогда не верила в чепуху о равенстве полов. Равенство меня не привлекает. Я хочу быть настолько неравна, насколько это возможно, со всеми привилегиями и бонусами, которые несет с собой принадлежность к верховному полу. Если мужчина не придержит мне дверь, я отведу глаза и наступлю ему на ногу. Я ни секунды не буду завидовать мужчинам по поводу их естественных преимуществ, пока они будут уважать мои. Я вовсе не хочу быть несчастным псевдомужиком, я *женщина*, и мне нравится ею быть.

Я позаимствовала косметику у Дити, все равно она ей редко пользуется, но духи были у меня в сумочке, так что я нанесла их на все двадцать две классические точки. Дити использует только базовый афродизиак: мыло и воду. Надушить ее – все равно что позолотить лилию: выходя из горячей ванны, она благоухает точно целый гарем. Если бы у меня был ее натуральный аромат, я могла бы за все эти годы сэкономить тысяч десять нью-долларов на духах и кучу часов на нанесение пахучих меток тут и там.

Она предложила мне свое платье, но я сказала, чтобы она не глупила – любое ее платье будет смотреться на мне как палатка.

– Мы добились от наших мужчин права ходить практически голыми, и нам нужно держаться завоеванных позиций. При первой же возможности мы и штанишки скинем, все четверо, и нам для этого даже не понадобится детская игра в карты на раздевание. Дити, я хочу, чтобы мы были настоящей семьей и не стеснялись друг друга. Так, чтобы голый вид не означал

готовность к сексу, а просто говорил, что мы дома, *en famille*²⁷. Никогда не говори мужчине того, что ему не нужно знать, лучше соврать ему в лицо, чем ранить его чувства или уязвить его гордость.

– Тетя Козочка, я тебя обожаю, – ответила она.

Болтая, мы вышли из ванны и отправились на поиски мужчин. Дити сказала, что они наверняка сидят в подвале:

– Тетя Хильда, я не хожу туда без приглашения. Это папина *sanctum sanctorum*²⁸.

– Ты советуешь мне не совершать *faux pas*²⁹?

– Я его дочь, а ты его жена. Это не одно и то же.

– Ну... он не говорил мне, что я не должна – а сегодня, думаю, он мне все простит. Где вы спрятали лестницу?

– Вон за тем книжным шкафом. Он отъезжает в сторону.

– Вот черт! Для так называемого «домика» это место слишком напичкано сюрпризами. Биде в каждой ванной меня не удивили, наверняка это Джейн настояла. Холодильник, в который можно войти, поразил меня только размерами – такой под стать ресторану. Но потайной ход за книжным шкафом – это, как говорила моя двоюродная бабушка Нетти, «Ну уж, знаете!».

– Ты должна увидеть наш канализационный отстойник... нет, уже твой.

– Я видела канализационные отстойники. Мерзкие штуковины, их всегда требуется выкачивать в самый неудобный момент.

– Этот выкачивать не придется. Глубина более трех сотен метров. Тысяча футов.

– Но ради всего... *зачем?*

– Это заброшенный ствол шахты, расположенной прямо под нами, ее выкопал какой-то оптимист лет сто назад. Это была здоровенная дыра, она пропала впустую, и папа ее использовал. А выше в горах есть источник. Папа его расчистил, упрятал в трубы под землей, и теперь у нас сколько хочешь чистой воды под давлением. Остальная часть Уютной Гавани в основном спроектирована по каталогам сборных домиков, огнеупорных, прочных и хорошо изолированных. У нас есть... и у тебя тоже... вот этот большой камин и маленькие в спальнях, но они не нужны, разве что иногда для уюта. Радиаторы здесь такие, что можно ходить голышом, когда снаружи снежная буря.

– А откуда вы берете энергию? Из ближайшего городка?

– О нет. Уютная Гавань – секретное укрытие, никто, кроме меня и папы – ну и теперь вы с Зебадией, – не знает, что оно тут. Сменные энергоблоки и преобразователь спрятаны за задней стенкой гаража. Мы сами привозим энергоблоки и увозим тоже сами, когда они разрядятся. Частным образом. И да, договор аренды на землю похоронен в компьютере в Вашингтоне или Денвере, и только федеральные рейнджеры о нем знают. Но нас они вообще не видят, если мы первыми их увидели или услышали. Как правило, они сюда не заглядывают. Один приезжал на лошади. Папа угостил его пивом снаружи, под деревьями, а снаружи это просто сборный домик, гостиная и две спальни. И ничто не говорит, что главная его часть скрывается под землей.

– Дити, я начинаю думать, что это место – этот ваш «загородный домик» – стоит больше, чем мой таунхаус.

– Ну, может быть.

– Какое разочарование. Видишь ли, сладкая моя, я вышла за твоего папу, поскольку люблю его и хочу заботиться о нем, как обещала Джейн. И я наивно полагала, что моим сва-

²⁷ *En famille* – в кругу семьи (фр.). – Прим. С. В. Голд.

²⁸ *Sanctum sanctorum* – святая святых (лат.). – Прим. С. В. Голд.

²⁹ *Faux pas* – бестактность (фр.). – Прим. С. В. Голд.

дебным подарком жениху будет гора золота, равная его весу, чтобы моему дорогому муженьку никогда больше не пришлось работать.

– Не расстраивайся, тетя Хильда. Папе нужно работать, такова его природа. Моя тоже. Нам необходимо работать, без этого мы места себе не находим.

– Ну... ладно. Но ведь работать только тогда, когда этого хочется – это же лучшее развлечение?

– Верно!

– Вот это я и хотела подарить Джейкобу. Но теперь я не понимаю вот чего: Джейн не была богатой, она жила на стипендию. У Джейкоба не было денег – он тогда был аспирантом, ему оставалось несколько месяцев до защиты. Дити, костюм, в котором он пришел на свадьбу, выглядел поношенным. Я знаю, что все потом изменилось, он очень быстро стал профессором. И думала, что причина в профессорском окладе и хорошем руководстве Джейн.

– Да, так и было.

– Но это не объясняет *ничего*. Прости меня, Дити, но Университет Юты не платит преподавателям на уровне Гарварда.

– У папы было много предложений. Но нам нравился Логан. И город, и то, как цивилизованно ведут себя мормоны. Но... тетя Хильда, я должна тебя кое-что сказать.

Девочка выглядела обеспокоенной. Я сказала:

– Дити, если Джейкоб захочет, чтобы я знала что-то, он сам мне обо всем сообщит.

– О, он не сообщит, а я должна!

– *Нет*, Дити!

– Послушай, пожалуйста! Когда я сказала Зебу «согласна», я ушла с должности папиного менеджера. Когда ты сказала ему «согласна», то эта ноша упала на твои плечи. Все должно быть именно так, тетя Хильда. Папа не будет этим заниматься, у него куча других вещей, о которых он должен думать, потому что он гений. Много лет всем этим занималась мама, потом пришлось научиться мне, а теперь это твоя работа. Поскольку это нельзя отдать на откуп. Ты разбираешься в бухгалтерском учете?

– Ну, я *представляю* себе, что это такое, я прошла курсы. Бухгалтерию надо знать, иначе правительство с тебя шкуру живьем снимет. Но я ей *не занимаюсь*, у меня для этого есть бухгалтеры... и грамотные юристы, чтобы все находилось в рамках закона.

– А ты не любишь выходить за рамки закона? Например, по части налогов?

– Что? Небеса, нет! Но Язва хочет находиться за рамками тюрьмы – мне не нравится казенная диета.

– Ты всегда будешь за пределами тюрьмы. Не беспокойся, тетя Хильда, я научу тебя вести такой двойной учет, который не проходят на курсах. *По-настоящему* двойной. Один набор данных для сборщиков налогов, и другой – для тебя и папы.

– Вот этот второй набор меня и беспокоит. Именно он и отправит меня за решетку. Прогулки на свежем воздухе каждую вторую среду.

– Не-а. Второй набор не на бумаге, он в компьютере кампуса в Логане...

– Еще хуже!

– Ну тетя Хильда, *пожалуйста!* Конечно, мой код доступа остается в компьютере. Конечно, налоговый инспектор может добыть судебный ордер и получить этот код. Но это ему ничем не поможет. Компьютер выдаст ему первый набор данных, а второй тут же уничтожит без следа. Неудобно, но не катастрофично. Тетя Хиллбилли, в чем другом я, может, и не чемпионка, но программист я один из лучших. И я буду рядом до тех пор, пока ты не освоишься.

А теперь о том, как папа разбогател. Все время, что он преподавал, он также изобретал разные устройства – совершенно автоматически, как наседка откладывает яйца. Усовершенствованный консервный нож. Система полива газонов, которая работает лучше, стоит дешевле

и тратит меньше воды. Множество подобных вещей. Но ни на одной из них нет его имени, а авторские капают на наш счет обходными путями.

Но мы вовсе не паразиты. Каждый год мы с папой изучаем федеральный бюджет и решаем, что в нем полезно, а что – просто трата денег, придуманная толстожопыми бездельниками и любителями попилить бюджет. Даже до того, как умерла мама, мы платили *больше* подоходного налога, чем вся папина зарплата, и все годы, что я вела учет, мы платили больше положенного. Чтобы управлять этой страной, *на самом деле* нужна куча денег. Мы не ворчим, когда доллары уходят на дороги, здравоохранение, национальную оборону и прочие важные вещи. Но мы не платим паразитам, если их обнаруживаем.

Теперь это твоя работа, тетя Хильда. Если ты решишь, что все это нечестно или рискованно, я могу сделать так, что компьютер сделает все счета легальными и при этом никто не заметит подлога. Это может занять года три, и папе придется платить куда больше, но теперь *ты* отвечаешь за него.

– Дити, выражайся прилично!

– Я даже не сказала «черт»!

– Ты намекнула, что я *добровольно* отдам этим клоунам из Вашингтона все, что они пытаются выжать из нас. Я бы не кормила столько бухгалтеров и юристов, если бы не была уверена, что нас откровенно грабят. Дити, как насчет того, чтобы поработать менеджером для всех нас?

– Нет, мэм! Я отвечаю за Зебадию. И у меня есть свои собственные интересы. Мама не была такой бедной, как ты думала. Когда я была еще девчонкой, она получила часть фонда, который учредила ее бабушка. Она и папа постепенно перевели эти деньги на мое имя, что позволило избежать налогов на наследство и имущество; все законно, как воскресная школа. Когда мне исполнилось восемнадцать, я превратила все в наличность, а потом заставила ее исчезнуть. Ну а кроме того, я платила себе обалденную зарплату как папиному менеджеру. Я не столь богата, как ты, тетя Хильда, и определенно не столь богата, как папа. Но я и не бедна.

– Зебби, возможно, богаче всех нас.

– Я помню, ты говорила вчера, что он парень с деньгами, но я не обратила внимания, поскольку уже решила выйти за него замуж. Но когда я увидела, какая у него машина, я поняла, что ты не шутишь. Не то чтобы это имело значение... Хотя нет, это *имело* значение – мы же остались в живых только потому, что Зебадия такой смелый, а «Гэй Обманщица» такая крутая машинка.

– Дорогая, боюсь, ты никогда не узнаешь, сколько у Зебби денег. Некоторые люди не позволяют своей левой руке знать, что делает правая. Зебби не позволяет большому пальцу знать, чем заняты остальные.

Дити пожала плечами:

– Мне все равно. Он добрый и нежный, он герой из книги, который спас мою жизнь, и папину, и твою... Давай найдем наших мужчин, тетя Козочка, и я рискну заглянуть в папину святая святых, если ты пойдешь первой.

– И как убрать этот книжный шкаф?

– Включи свет в алькове, потом холодную воду в раковине. Потом выключи свет и выключи воду. Именно в таком порядке.

– «Все страньше и страньше, – сказала Алиса».

Книжный шкаф закрылся за нами, обернувшись с другой стороны дверью с круглой ручкой. Дверь выходила на верхнюю площадку. Вниз вела широкая винтовая лестница с перилами по обе стороны. Ее ступени были невысокими, достаточно широкими и не скользкими – в общем, она совсем не походила на обычную лестницу в подвал, на которой только ноги ломать. Дити шла за мной и держала меня за руку, точно испуганный ребенок.

Помещение было светлым, с хорошей вентиляцией, совсем не похожее на подвал. Наши мужья были у дальней стены, они склонялись над столом и, по всей видимости, нашего появ-

ления не заметили. Оглядевшись в поисках машины времени, я ничего похожего не увидела – по крайней мере, в стиле шоу Джорджа Пала или читанных мной книг. Вокруг было полно всякой техники. Сверлильный станок выглядел вполне обычно, токарный тоже, все остальное было мне незнакомо, но напоминало оборудование ремонтной мастерской.

Мой муж наконец заметил нас, выпрямился и сказал:

– Добро пожаловать, дамы!

Зебби повернул голову и строго сказал:

– Опаздываете на урок! Занимайте места, никакой болтовни на лекции. Делайте заметки, завтра в восемь утра контрольная. Если у вас появятся вопросы, поднимайте руку и ждите, когда вас вызовут. Нарушители дисциплины останутся после уроков и будут мыть классную доску.

Дити показала ему язык и молча села за стол.

Я же погладила его по ежику на макушке и прошептала пару непристойностей ему на ушко. Затем поцеловала мужа и тоже села.

Мой муж обратился к Зебби, возобновляя разговор:

– Так я потерял еще несколько гироскопов.

Я подняла руку.

– Да, Хильда, дорогая? – сказал мой муж.

– В «Monkey Ward» продают отличные «гироскопы»³⁰ – я куплю тебе сразу сто штук.

– Спасибо, дражайшая моя, но они не того сорта. Мои делают «Sperry Division», филиал «General Foods».

– Тогда я куплю их у «Sperry».

– Язва, – вмешался Зеб, – похоже, ты хочешь вымыть и доску, и губки для мела.

– Минутку, сынок. Хильда может быть идеальным человеком для того, чтобы проверить, можно ли кому-то объяснить теорию, что я пытаюсь донести до тебя. Ведь эту концепцию невозможно изложить без уравнений, которые использовал твой кузен Зебулон. И хотя она основана на математике, которая, как ты утверждаешь, тебе незнакома...

– Так и есть.

– ...ее физическую интерпретацию ты, похоже, вполне уяснил. Объяснишь концепцию Хильде? Если она поймет, то, наверное, мы сможем так спроектировать континуумоход, что им сможет управлять человек без технического образования.

– Конечно, – язвительно сказала я, – бедная маленькая Хильда, мозги-с-кулачок. Ей не нужно понимать, куда бегут электрончики, чтобы пялиться в теле- и головизор – она просто умеет тыкать в кнопки. Давай, Зебби, задави меня интеллектом, я жду.

– Я попробую, – согласился он. – Но Язва, не болтай, и пусть твои комментарии будут только по теме. Иначе я попрошу папу тебя побить.

– Он не посмеет...

– Правда? Я собираюсь подарить ему хлыст на вашу свадьбу... помимо «Weird Tales», Джейк, их ты получишь тоже. Но хлыст тебе необходим. Теперь внимание, Язва.

– Да, Зебби. И тебе того же вдвойне.

– Ты знаешь, что такое «прецессия»?

– Определенно. Прецессия равноденствий³¹. Означает, что Вега будет Полярной звездой, когда я стану прабабушкой. Тридцать тысяч лет или около того.

³⁰ Язва опять изображает дурочку: вместо «gyroscope» предлагает Джейку «gyro tops» – популярные в 70-х греческие сэндвичи из жареного перченого мяса с салатом на лепешке пита. У нас они более известны под названием «шаурма» или «донер кебаб». Джейк подхватывает шутку и называет «Сперри» филиалом пищевой корпорации «Дженерал Фудс». – *Прим. С. В. Голд.*

³¹ *Praecessio aequinoctiorum* – по-русски это явление называется «предварение равноденствий», циклическое (с периодом 25 800 лет) смещение точек весеннего и осеннего равноденствия в пределах звездного года. Поскольку наш календарь привязан

– По существу правильно. Но ты пока еще даже не мать.

– Ты же не знаешь, что случилось прошлой ночью. Теперь я будущая мама. Джейкоб не посмеет пустить в ход твой хлыст.

Мой муж явно удивился, но, похоже, обрадовался – и я почувствовала облегчение. Зебби посмотрел на свою жену. Дити торжественно произнесла:

– Это вполне возможно, Зебадия. Никто из нас не предохранялся, и каждая близка к овуляции. У Хильды третья группа крови, резус положительный, а у моего отца четвертая группа, резус положительный. У меня вторая, резус положительный. Могу я поинтересоваться вашей, сэр?

– Первая, положительный. У... да я мог подстрелить тебя первым же залпом.

– Весьма вероятно. Но... ты это одобряешь?

– Одобряю! – Зебби вскочил, опрокинув стул. – Принцесса, ты не могла сделать меня счастливее! Джейк! Это требуется отметить!

Мой муж прекратил целовать меня.

– Несомненно! Дочь, у нас есть охлажденное шампанское?

– Да, папа.

– Погодите, – сказала я. – Давайте не будем сходить с ума из-за обычной биологической функции. Мы с Дити пока *не знаем*, понесли мы или еще нет. Мы лишь надеемся на это. И...

– Ну, так мы попробуем снова, – перебил меня Зебби. – Что там у вас с циклом?

– Двадцать восемь с половиной дней, Зебадия. Мой ритм стабилен как маятник.

– Мой – двадцать семь. Мы с Дити просто случайно совпали по фазе. Но я хотела бы поднять тост за обедом, а потом устроить гавайскую вечеринку на улице. Потом долго не удастся погулять. Дити, у тебя бывает тошнота по утрам?

– Не знаю. Я еще не была беременной.

– Я была, и у меня бывает, и это ужасно. Тогда я потеряла ребенка, хотя изо всех сил пыталась сохранить. Но этого я не потеряю! Свежий воздух, правильные упражнения, аккуратная диета и никакого алкоголя, разве что немножко шампанского сегодня вечером, а потом ни капли. А тем временем... если вы заметили, дорогие профессора, наши занятия еще не закончились. Я хочу знать все о машинах времени и не уверена, что пойму, если шампанское зашумит у меня в голове...

– Язва, временами ты меня поражаешь.

– Зебби, временами я сама себя поражаю. Поскольку мой муж делает машины времени, я хочу знать, что заставляет их тикать. Или, по меньшей мере, на какие кнопки надо нажимать. А то вдруг его укусит Бармаглот, и тогда мне придется везти раненого супруга домой. Так что продолжай свою лекцию.

– Я буду читать громко и отчетливо.

Но мы потратили впустую – впустую? – несколько минут, потому что все принялись целоваться друг с другом. Даже мой муж и Зебби похлопали друг друга по спине и поцеловались в щеки в латинском стиле.

Занятие продолжилось.

– Язва, можешь ты объяснить прецессию у гироскопов?

– Ну, может быть. Когда-то я сдавала физику за первый курс, но это было давно. Толкните гироскоп, и он не двинется в том направлении, в котором вы ожидаете, а под углом в девяносто градусов к линии толчка, энергия которого поглощается вращением. Вроде этого... – я выставила указательный палец, точно мальчишка, изображающий пистолет: бах, ты убит! –

не к звездному году, а к моментам равноденствия, мы замечаем это смещение только по положению звездного неба. – Прим. С. В. Голд.

Мой большой палец – ось вращения, указательный – направление толчка, остальные показывают вращение.

– Молодец, садись на первую парту, к отличникам. Теперь – подумай хорошенько! – предположим, что мы поместили гироскоп в рамку, а затем приложили одинаковые усилия *по каждой из трех* пространственных координат одновременно. Что будет с гироскопом?

Я попыталась это представить.

– Я думаю, он либо упадет в обморок, либо остановится.

– В качестве рабочей гипотезы неплохо. Но если верить Джейку, он исчезнет.

– Они *действительно* исчезают, тетя Хильда. Я сама это видела, несколько раз.

– Но куда они деваются?

– Я не способна понять вычисления Джейка, его преобразования мне приходится принимать без доказательств. Но все базируется на шести пространственно-временных координатах; три обычных пространственных, которые мы знаем: они обозначаются «х», «у» и «z»³²; и три временных: одна обозначается нашей «ти» – «t», другая буквой греческого алфавита «тау» – «τ», а третья буквой кириллицы «тэ» – «Т».

– Похоже на «т» с тильдой сверху.

– Да, так и есть, но это у русских вместо нашего «ти».

– Нет, у русских вместо нашего «ти»³³ «chai». В толстых стаканах с клубничным вареньем.

– Прекрати, Язва. Итак, у нас есть «х», «у» и «z», «t», «тау» и «тэ». Всего шесть измерений. Теория основывается на том, что все эти оси находятся под прямым углом друг к другу и что любую из них можно заменить на любую другую с помощью вращения... или что можно задать новую ось координат, не седьмую, а способную заменить одну из шести, посредством перемещения... скажем, заменить «тау» на «тау-прим», переместившись по оси х.

– Зебби, я думаю, что отрубилась еще четыре координаты назад.

– Покажи ей тривол³⁴, Зеб, – посоветовал мой муж.

– Хорошая идея, – Зеб взял у Джейка какую-то штучку и поставил на стол передо мной: она напоминала игрушку, что была у меня в детстве, только у этой вместо шести шипов имелось четыре: три касались стола, образуя треногу, четвертый смотрел прямо вверх.

– Это оружие, – сказал Зеб, – изобретенное много веков назад. Концы должны быть острыми, тут они сточены, – он подкинул «ежика», и тот снова упал на стол. – Как бы оно ни упало, одна колючка всегда направлена вверх. Разбросай их на пути атакующей кавалерии, и лошадям это вряд ли понравится. В Первую и Вторую мировые их снова использовали – против всего, что ездит на надувных шинах – велосипедов, мотоциклов, грузовиков и тому подобного. Если сделать их достаточно большими, то они способны повредить танки и другие гусеничные машины. Для партизанской войны подходят маленькие, вырезанные из колючих кустов – обычно они бывают отравленные и довольно опасные.

Но сейчас эта смертоносная игрушка – всего лишь геометрическая проекция, изображение координат четырехмерного пространственно-временного континуума. Каждый шип находится под углом девяносто градусов к любому другому.

– Вовсе нет, – возразила я, – эти углы больше прямых.

– Я же сказал, что это *проекция*, Язва, это изометрическое представление четырехмерного пространства в трехмерном. Это искажает углы, ну а возможности человеческого глаза

³² Далее в тексте привычные обозначения осей «х», «у» и «z» заменяют «L», «W» и «H» (от слов Length, Width и High – длина, ширина и высота). – Прим. С. В. Голд.

³³ Слово «ти» (tea) на английском означает «чай». – Прим. С. В. Голд.

³⁴ «Калтрон», он же «тривол», «чеснок» или «макибиси» японских ниндзя, конструкция из четырех равноотстоящих шипов. – Прим. С. В. Голд.

ограничены. Закрой один глаз и посиди тихо, и ты увидишь только два измерения. Иллюзия глубины – это результат работы мозга.

– Я не особенно хороша в «сидении тихо».

– Да, чего нет, того нет, – согласился мой муженек, которого я нежно люблю, но в этот момент готова была придушить.

– Но я могу закрыть глаза и *ощутить* три измерения своими руками.

– Хороший подход. Тогда закрой глаза, возьми эту штуку и представь, что шипы – это четыре направления в четырехмерном пространстве. Тебе что-нибудь говорит слово «тессеракт»³⁵?

– Мой учитель геометрии в школе показывал нам, как их делать – то есть их проекции, – используя модельный воск и зубочистки. Это было прикольно. Я нашла другие четырехмерные фигуры, которые было легко проецировать. И разные методы проекций.

– Язва, у тебя был незаурядный учитель геометрии.

– И он вел незаурядный курс геометрии. Не падай в обморок, Зебби, но я училась с теми, кого называли «опережающими учебный план» после того, как стало «недемократичным» называть их «особо одаренными».

– Вот черт! Почему же ты вечно изображаешь из себя дурочку?

– А почему ты судишь обо всем поверхностно, молодой человек? Когда не смеешь плакать, остается только смеяться. Это безумный мир и единственный способ получать от него удовольствие – относиться к нему как к шутке. Но это вовсе не значит, что я ничего не читаю и не умею думать. Я прочитала все от Элоизы Джиблетт³⁶ до Фреда Хойла, от Поля Сартра до Лайнуса Полинга. Я читаю в ванной, я читаю в туалете, я читаю в кровати, я читаю, когда ем в одиночестве, и я бы читала во сне, если бы умела спать с открытыми глазами.

– О'кей. Я прошу прощения. Профессор, мы можем ускорить наш семинар, мы недооценили нашу опережающую учебный план студентку. Хильда – это сплошной интеллект!

– Зебби, может, поцелуемся и заключим мир?

– Занятие еще не закончено.

– Зебадия, для этого всегда найдется время. Правда, папа?

– Поцелуй ее, сынок, или она будет дуться.

– Я не дуюсь, я кусаюсь.

– И к тому же она просто милашка, – сказал Зебби, после чего сграбастал меня за плечи, подтащил к себе через стол и крепко поцеловал. Потом он резко отпустил меня и продолжил: – Внимание, класс. Два шипа макета, окрашенные в синий цвет, изображают трехмерный мир нашего опыта. Третий, окрашенный в желтый – привычное на *t*-время. Четвертый, красный, изображает одновременно *tau*-время и *tэ*-время, неисследованные временные измерения, необходимые для теории Джейка.

Язва, мы ужали шесть измерений в четыре, и теперь мы либо работаем с ними как с аналогией шести, либо нам придется использовать математику, которую никто не понимает, кроме Джейка или моего брата Эда. Если, конечно, ты не сможешь придумать какой-нибудь способ спроецировать шесть измерений в три – ты, похоже, отлично разбираешься во всяких проекциях.

Я закрыла глаза и хорошенько поразмыслила.

– Зебби, я не думаю, что такое можно проделать. Может быть, Эшер³⁷ сумел бы с этим справиться.

³⁵ Тессеракт – четырехмерный куб. – Прим. С. В. Голд.

³⁶ В оригинале просто «Джиблетт», но это, скорее всего, Э. Джиблетт (1921–2009), выдающаяся ученый-генетик и гематолог. Хайнлайн изучал гематологию и не мог бы пропустить ее имя. – Прим. С. В. Голд.

³⁷ Мауриц Эшер (1898–1972) – нидерландский художник, работы которого отличаются причудливыми пространственными искажениями. – Прим. С. В. Голд.

– Это можно сделать, дражайшая моя, – сказал мой дражайший, – но весьма неудовлетворительным образом. Даже на дисплее, при наличии компьютера такой мощности, что он способен будет схлопнуть одно или несколько измерений одновременно. У супергипертессеракта – a в шестой степени – слишком много граней, углов, сторон, плоскостей и гиперплоскостей, чтобы их можно было охватить глазом. Заставь компьютер схлопнуть измерения, и останется то, что ты уже знаешь. Я боюсь, что это врожденный порок визуальных концепций в человеческом мозге.

– Думаю, папа прав, – согласилась Дити. – Я долго поработала над такой программой. Я не думаю, что сам доктор Марвин Мински³⁸ смог бы лучше показать все в плоской проекции. Головидение? Я не знаю. Я бы попыталась, окажись у меня в руках компьютер с голодисплеем и умением добавлять, схлапывать и вращать шесть координат.

– Но почему измерений шесть? – спросила я. – Почему не пять? Или даже четыре, раз вы говорите, что они замещают друг друга при вращении.

– Джейк? – спросил Зеб.

Мой дорогой выглядел озадаченным.

– Меня беспокоит то, что пространственно-временной континуум, по-видимому, требует три пространственных измерения, но только одно временное. Конечно, Вселенная есть то, что она есть, но мы видим в природе множество проявлений симметрии. И даже после опровержения принципа четности³⁹ ученые продолжают обнаруживать новые. Философы истово преданы симметрии, но я не беру в расчет философов.

– И не надо, – согласился Зеб. – Никакой философ не позволит, чтобы его мнению мешали какие-то там факты. Случись такое, его с позором изгонят из собственной гильдии. Большинство из них – просто упертые теологи.

– Я согласен. Хильда, дорогая, когда я сумел поставить эксперимент, он показал существование шести измерений. Возможно их больше, но я не знаю, как до них добраться.

– Давай посмотрим, – сказала я. – Насколько я поняла, любое измерение можно заменить на другое.

– Да, поворотом на девяносто градусов.

– То есть из шести измерений мы можем создавать наборы по четыре штуки. Сколько их всего?

– Пятнадцать, – ответил Зебби⁴⁰.

– Ничего себе! Целых пятнадцать вселенных? И мы используем только одну?

– Нет, нет, моя дорогая! Столько дадут вращения на девяносто градусов в евклидовой вселенной. Но наша вселенная или вселенные не являются евклидовыми, это известно с 1919 года... или с 1886-го, если угодно. Допускаю, что космология – несовершенная дисциплина, и тем не менее, по соображениям, которые я не могу сформулировать без применения математических формул, я вынужден предполагать, что наше пространство искривлено с положительным радиусом кривизны, иными словами – оно замкнуто. Поэтому количество вселенных, до которых мы можем добраться либо с помощью вращения, либо с помощью перемещения по одной из осей, значительно больше. Это число...

И тут мой муж быстро написал три шестерки.

³⁸ *Марвин Мински* (1927–2016) – американский ученый, занимавшийся созданием искусственного интеллекта. – *Прим. С. В. Голд.*

³⁹ *Принцип четности* (симметрии физических величин) означает, что при смене знака какой-то величины в физическом уравнении оно по-прежнему будет описывать реальный мир. Принцип проявляется в самых разных сферах: пространственная четность – инверсия пространства при смене направлений координат, временная – смена направления потока времени, зарядовая – при смене знака заряда частицы на противоположный и т. п. Нарушение принципа четности было экспериментально подтверждено в 1956 г. – *Прим. С. В. Голд.*

⁴⁰ Формула числа сочетаний по k элементов из n возможных $C_n^k = n! / (n-k)! * k!$ – похоже, Зеб приbedняется насчет своих познаний в математике. – *Прим. С. В. Голд.*

– Шесть шесть шесть, – удивленно сказала я. – Число Зверя.

– Что? А! Откровение Иоанна Богослова. Нет, я слишком небрежно написал. Ты подумала, что это «666», но я хотел написать вот это: $((6)^6)^6$. Шесть в шестой степени и результат тоже возводится в шестую степень. Получается вот такое число: $1,03144 \times 10^{28}$, или, если полностью, то 10,314,424,798,490,535,546,171,949,056. Иными словами, у нас этих вселенных более десяти миллионов секстиллионов.

Да, вот уж откровение!

Пока я его переживала, Джейк продолжал:

– Эти вселенные – наши ближайшие соседи, к ним ведет одно вращение или одно перемещение. Но если включить комбинации вращения и перемещения – представь гиперплоскость, проходящую через супергиперконтинуумы в стороне точки «здесь и сейчас», то результат становится неисчислимым. Это не бесконечность, поскольку у бесконечности нет смысла. Это то, что невозможно сосчитать. Число, которое не может быть субъектом манипуляций той математики, которую мы знаем на данный момент. Все эти вселенные достижимы с помощью континуумохода, но нам неизвестен способ их подсчитать.

– Папа...

– Да, Дити?

– Возможно, тетя Хильда была права. Хоть ты и агностик, ты хранишь Библию, потому что для тебя это история, поэзия и миф.

– Кто сказал, что я агностик, дочь моя?

– Простите, сэра. Я пришла к такому выводу, потому что ты никогда не желал говорить на эти темы. Моя ошибка. Отсутствие данных не может оправдать неверного умозаключения. Но это ключевое число – одна целая три тысячи сто сорок четыре стотысячных на десять в двадцать восьмой степени – возможно, это и есть «Число Зверя».

– Что ты имеешь в виду, Дити?

– Что «Откровение» не просто история, не просто хорошая поэзия и даже не миф. Должна быть какая-то причина, чтобы большое количество ученых мужей включили «Откровение» в состав Библии, выкинув несколько десятков евангелий. Почему бы не использовать бритву Оккама и не принять за рабочую гипотезу, что «Откровение» нужно читать именно так, как оно написано. Как пророчество.

– Хм-м. На полке под лестницей, рядом с Шекспиром. Библия короля Якова. Остальные три не надо.

Дити вернулась через минуту с книгой в черном, изрядно потрепанном переплете – что очень меня удивило. Я читаю Библию, у меня есть на это причины, но я никогда бы не подумала, что Джейкоб способен на такое. Браки всегда заключаются между двумя незнакомцами.

– Вот, – сказала Дити. – Глава тринадцатая, стих восемнадцатый. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его – шестьсот шестьдесят шесть»⁴¹.

– Это нельзя прочесть как возведение в степень, Дити.

– Но это *перевод*, папа. Разве оригинал не был на греческом? Я не помню, когда придумали записывать показатели степени, но греческие математики того времени возводить в степень определенно умели. Предположим, что оригинальный текст гласил: «дзета, дзета, дзета!»⁴², и схоласты, которые не были математиками, ошибочно перевели это как «шестьсот шестьдесят шесть».

– Это... домыслы, дочь.

⁴¹ Здесь и далее – синодальный перевод.

⁴² Шестая буква греческого алфавита, обозначающая также цифру шесть.

– А кто учил меня, что мир не только более странный, чем мы представляем, но и более странный, чем мы *можем* представить? Кто уже показал мне две другие вселенные ... и вернул меня целой и невредимой домой?

– Подожди чуток! – воскликнул Зебби. – Вы с папой уже испытывали машину пространства-времени?

– Разве папа тебе не говорил? Мы сделали одно минимальное перемещение. Все выглядело как обычно, будто мы никуда не смещались, и папа решил, что ничего не получилось. Но потом я попыталась найти один номер в телефонной книге. В ней не было буквы «J». Ни в ней, ни в Британской энциклопедии. Ни в одном из словарей на этих полках. Так что мы быстро залезли обратно, и папа поставил верньеры на ноль, и мы вернулись обратно, и алфавит снова стал, каким должен быть, и меня перестало трясти. А вращение оказалось еще страшнее, мы едва не погибли. Прямо в космосе среди пылающих звезд... но воздух вытекал, и папа едва успел вернуть все в ноль, пока мы не потеряли сознание... и мы вернулись сюда, в Уютную Гавань.

– Джейк, – сказал Зебби очень серьезно, – в твоём устройстве должно быть больше контуров безопасности, в том числе «рычаг мертвеца»⁴³ для возвращения домой, – нахмурившись, он продолжил: – Думаю, стоит иметь в виду оба числа, и шесть шесть шесть, и второе, длинное. Я доверяю интуиции Дити. Дити, где там стих с описанием Зверя? Он должен быть где-то в середине главы.

– Вот он. «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон».

– Хм-м... Я не знаю, как разговаривают драконы. Но если нечто вылезет из земли и у него будут два рога... и если я увижу или услышу любое из этих чисел, то я решу, что это одна из Черных Шляп, и постараюсь разобраться с ним до того, как он разберется с нами. Дити, я мирный человек... но две попытки покушения – это многовато для меня. В следующий раз я стреляю первым.

Зебби не стоило вспоминать «Черных Шляп». Трудно поверить, что кто-то пытается убить такого милого, наивного и безобидного человека, как мой дорогой Джейкоб. Но они *пытались* – и мы знали это.

– И где эта машина времени? – спросила я. – Пока что я видела только тримбла.

– Эта штука называется «тривол», тетя Хильда. А на машину пространства-времени ты прямо сейчас смотришь.

– Что? Где? Почему мы до сих пор не сели в нее и не свалили отсюда ко всем чертям? Я не хочу, чтобы моего мужа убили, он практически совсем новенький. Думаю, пройдут годы, прежде чем он износится.

– Язва, прекрати болтать, – оборвал меня Зебби. – Она на этой скамье, через стол от тебя.

– Я вижу только портативную швейную машинку.

– Это она и есть.

– Что? И как попасть внутрь? Или на ней ездят верхом, как на помеле?

– Ни то, ни другое. Ее намертво закрепляют на транспортном средстве, желательно герметичном и водонепроницаемом. Папа поставил ее в свою машину, но она была недостаточно герметична, и теперь ей капут. Мы с папой собираемся поставить ее в «Гэй Обманщицу», которая *на самом деле* герметична. И с улучшенными контурами безопасности.

– С *еще более* лучшими контурами безопасности, Зебби, – поддержала я.

⁴³ «Рычаг мертвеца» – механический переключатель, который срабатывает, когда оператор теряет сознание – либо под его весом, либо потому, что он перестает давить на рычаг. – *Прим. С. В. Голд.*

– Так и будет. Я обнаружил, что когда ты вступаешь в брак, все меняется. Я привык беспокоиться за собственную шкуру. А теперь я беспокоюсь еще и за Дити. И за твою. И за папину. За шкуры всех четверых.

– Слушайте, слушайте! – сказала я. – Один за всех и все за одного!

– Угу, – буркнул Зебби. – Только за нас четверых, ни за кого больше. Дити, когда ланч?

– VII – Дити

Пока мы с тетей Хильдой занимались ланчем, наши мужчины куда-то исчезли. Вернулись они как раз вовремя, чтобы сесть за стол. Зебадия принес интерком, а папа – провод, который он воткнул в разъем на стене и подсоединил к интеркому.

– Джентльмены, ваше чувство времени идеально, у нас все готово, – поприветствовала их тетя Хильда. – Что это у вас?

– Гостья к ланчу, моя дражайшая, – ответил папа. – Мисс «Гэй Обманщица».

– Еды хватит на всех, – сказала тетя Хильда. – Я поставлю еще одну тарелку.

Она так и сделала, и Зебби поставил на эту тарелку интерком.

– Она будет кофе или чай?

– Она не запрограммирована ни на то, ни на другое, Хильда, – сказал Зебадия, – но я благодарю тебя от ее имени. Дамы, меня очень интересуют новости из Сингапура и Суматры. Поэтому я велел своему автопилоту следить за ситуацией. Джейк пришел мне на помощь и сказал, что у него тут устроена дополнительная проводка на всякий случай, и это как раз такой случай. Гэй подключена к этой линии у себя в гараже, а здесь у нас двусторонний интерком. Я могу вызвать Гэй, а она может вызвать меня, если появится что-то новое – я изменил ее программы, и она продолжает поиск новостей из дома и Логана.

– Я добавлю новый выход в подвале, – подхватил папа. – Но твой дом *здесь*, сынок, а не в Калифорнии.

– Ну...

– Не спорь, Зебби. Это *мой* дом с того момента, как Джейкоб на мне женился... а значит, и мой зять может считать это место своим домом, ты же слышал, что сказал Джейкоб? Я права, Дити?

– Конечно, – согласилась я. – Тетя Хильда – хозяйка дома, а я просто горничная. Однако Уютная Гавань – и мой дом тоже, пока папа и тетя Хильда не выгонят меня пинком на снег. А пока он мой, он и моего мужа.

– Только не на снег, Дити, – поправила тетя Хильда, – Джейкоб будет настаивать, чтобы это случилось в теплый солнечный день, ведь он так добр и ласков. Но ты не останешься без крыши над головой, дочка. Мой дом в Калифорнии – мой и Джейкоба – давно стал твоим вторым домом, а Зебби уже много лет заваливается туда, как только проголодается.

– Видимо, я должен бросить в общий котел свою холостяцкую квартиру.

– Зебби, не подсовывай Дити свой ужасный топчан. Он весь в буграх, Дити! Торчащие пружины. Наутро вся в синяках. Зебби, заberi у них залог и отправь свою мебель обратно в «Гудвилл»⁴⁴.

– Язва, опять ты выдумываешь. Дити, у меня в берлоге нет никакого топчана. У меня кровать королевских размеров, достаточно большая для троих – или шестерых, если они хорошо знакомы... Папа, меня все еще восхищает ваша Уютная Гавань. Вы специально приглашали архитектора?

– Пффф! «Архитектор» – грязное слово. У меня *инженерное* образование. А архитекторы копируют ошибки друг друга и называют это «искусством». Даже Фрэнк Ллойд Райт⁴⁵ никогда не понимал, что делали Гилберты. Его дома прекрасно выглядят снаружи, но внутри они жутко неудобны. Пылесборники. Мрачные. Лабиринты для крыс. Пфуй!

⁴⁴ «Гудвилл» – популярная сеть секунд-хендов. – Прим. С. В. Голд.

⁴⁵ Райт Фрэнк Ллойд (1869–1959) – американский архитектор и теоретик архитектуры. «Ньютра» – одно из построенных им зданий.

– А что насчет «Ньютры»?

– Если бы его не связывало по рукам и ногам строительное законодательство, профсоюзные правила и законы о планировке, то «Ньютра» могла бы стать шедевром. Но людям не нужны эффективные машины для жизни, они предпочитают горбиться в средневековых лачугах, как делали их одолеваемые блохами предки. Холод, сквозняки, антисанитария, плохое освещение – а ведь без этого можно было прекрасно обойтись!

– Я уважаю ваше мнение, сэр. Папа, здесь три камина... и никаких труб. Как? Почему?

– Зеб, я люблю камины, а в горах несколько поленьев могут спасти тебе жизнь. Но я не вижу причин обогревать окрестности и подавать сигналы о том, что мы здесь, и не желаю доверять искрогасителям, когда вокруг сплошные леса. Когда ты разжигаешь огонь в одном из каминов, автоматически включается вытяжной вентилятор. Дым и сажа удаляются электростатически, а фильтры автоматически очищаются, когда температура в вытяжке опускается ниже двадцати пяти по Цельсию. Горячий воздух проходит по лабиринту труб под ванными и под полами, проходит по всем этажам, оттуда в каменный радиатор под гаражом, затем в камеру, которая приводит в действие тепловой насос, что качает воду для дома. Когда воздух наконец выходит наружу вдали от дома, его температура почти не отличается от температуры окружающей среды, так что его может засечь только самый чувствительный теплоискатель. Тепловая эффективность плюс полная конфиденциальность.

– А если снег будет идти так долго, что ваше энергоблоки разрядятся?

– В запасе Франклиновы печи, трубы к ним и заглушки в стенах, которые можно убрать и подсоединить трубы к вытяжке.

– Папа, – вмешалась я, – а что у нас с Правилу Номер Один? Или его отменили прошлой ночью в Элко?

– Э? Президиум обязан заявить, что его действие приостановлено, пока Хильда не ратифицирует или отменит его. Хильда, любимая, много лет назад Джейн установила Правило Номер Один...

– Я его ратифицирую!

– Спасибо. Но сначала послушай. Оно имеет отношение к принятию пищи. Никаких новостей...

– Папа, – снова влезла я, – пока Правило Номер Один еще в подвешенном состоянии, может, у «Гэй Обманщицы» есть новости? Я на самом деле беспокоюсь!

– Нулевой результат, дорогая. Откуда вытекает тот забавный факт, что мы с тобой все еще считаемся погибшими *дважды*, и службы новостей, похоже, пока не заметили этого противоречия. Однако мисс «Гэй Обманщица» непременно сообщит нам, если появится новый бюллетень. Правило Номер Один никогда не применяется в чрезвычайных ситуациях. Зеб, хочешь, поставим интерком на ночь в вашей спальне?

– Я не хочу, но придется. Оперативное оповещение может спасти наши шкуры.

– Этот интерком я оставлю тут, а второй подключу параллельно в спальне и добавлю громкости, чтобы он мог тебя разбудить. Возвращаясь к Правилу Номер Один: никаких новостных программ во время еды, никаких газет. Никаких профессиональных дискуссий, никаких деловых или финансовых вопросов, никаких обсуждений здоровья. Никаких политических дискуссий, никаких упоминаний о налогах, внешней или внутренней политике. Чтение художественной литературы дозволено *en famille*, но не в присутствии гостей. Разговоры ограничиваются легкими темами...

– Ни скандалов, ни сплетен? – осведомилась тетя Хильда.

– На твое усмотрение, дорогая. Забавные сплетни о друзьях и знакомых, скандальные истории о тех, кто нам не нравится – ради бога! А теперь – желаешь ли ты ратифицировать, отменить, поправить или выдвинуть на обсуждение это правило?

– Я ратифицирую его без изменений. Кто-нибудь знает какой-нибудь свежий пикантный скандал, в который вляпался кто-то, кто нам не нравится?

– Мне известно кое-что о «Но Брэйне» – докторе Нейле Брэйне, – предложил Зебадия.

– Валяй.

– Я получил информацию из надежного источника, но не могу ее подтвердить.

– Не имеет значения, если это интересно. Вперед, Зебби.

– Ну, одна аппетитная студентка рассказала, что с ней случилось. Она попыталась предложить себя Брэйни в обмен на проходной балл по общему курсу математики, который требуется, чтобы получить *хоть какую-то* степень в нашем университете. Он рассчитан на то, чтобы выдающиеся, но не слишком умные спортсмены могли получать свои дипломы. Мисс Аппетитная ухитрилась завалить его, что требует исключительных способностей. Поэтому она явилась на прием к декану, именно к Брэйни, и выложила карты на стол. Он может давать ей горизонтальные уроки прямо здесь и сейчас, или на ее квартире, или на его квартире, или в мотеле, и везде, когда и где бы он этого ни пожелал. Но она *должна* сдать этот экзамен.

– Такое случается в любом кампусе, сынок, – заметил папа.

– Я еще не дошел до сути. Она всем растрепала эту историю, но ситуация ее не разозлила, а, скорее, оставила в недоумении. Она говорила, что так и не сумела донести до него свои намерения (по-моему, это невозможно, я видел эту девицу). Брэйни не принял ее предложения, не отказался, не выглядел оскорбленным и, похоже, вообще не понял, о чем речь. Он сказал, что ей лучше договориться с преподавателем о дополнительных занятиях и о переэкзаменовке. А мисс Аппетитная теперь всем рассказывает, что Брэйни у нас евнух или робот. Совершенно лишен сексуального чувства.

– Он, конечно, глуп, – заметила тетя Хильда. – Но я никогда не встречала мужчин, которые не понимают намеков, если немного постараться. Они всегда реагируют, даже если не питают интереса к моей симпатичной тушке. Правда, я никогда не испытывала свои чары на профессоре Брэйне, поскольку меня не интересует *его* тушка.

– Но, Хильда, дорогая, тогда почему ты пригласила его на вечеринку?

– *Что?* Из-за твоей записки, Джейкоб. Я всегда делаю тебе одолжения.

– Но Хильда, я не понимаю. Когда я говорил с тобой по телефону, я попросил тебя пригласить Зеба, поскольку я думал, что он – его кузен Зебулон, и я сказал, что не помешают еще два или три гостя с математического факультета, чтобы наша встреча не привлекла слишком много внимания. Но я не упоминал доктора Брэйна. И я ничего тебе *не писал*.

– Джейкоб, у меня *есть* твоя записка. В Калифорнии. На бланке университета с твоим именем.

Папа печально покачал головой.

– Язва, – спросил Зебадия, – записка была от руки или напечатана?

– Напечатана. Но с подписью! Подожди, сейчас все вспомню. Мое имя и адрес были внизу слева. Имя Джейкоба тоже было напечатано, но рядом была подпись «Джейк»... Ага... Вот текст: «Моя дорогая Хильда, спешу уточнить по поводу вчерашнего звонка... Не будешь ли ты столь любезна, чтобы пригласить доктора Нейла О' Брэйна, декана математического факультета? Не знаю, что на меня нашло, но я забыл его упомянуть. Должно быть, от радости, когда услышал твой милый голос.

Дити шлет тебе свою любовь, как и я. Всегда твой, Джейкоб Дж. Берроуз»... И сверху над именем подпись от руки «Джейк».

Зебадия сказал мне:

– Ватсон, вы знаете мои методы.

– Конечно, мой дорогой Холмс. Черная Шляпа. В Логане.

– Мы это и так знали. Что *нового* мы узнали?

– Ну... папа звонил из дома, я это помню. Значит, у нас в телефоне стоит «жучок». Стоял, я имею в виду, поскольку огонь его наверняка уничтожил.

– Да, «жучок». Пожар могли затеять ради того, чтобы уничтожить его и прочие улики. Но теперь мы в курсе, что «Парни в Черных Шляпах» знали, что твой папа – и ты, но их интересовал именно папа – были прошлым вечером в Калифорнии. «Убив» его в Калифорнии, они разрушили все, что могли, в Юте. Профессор, я предсказываю, что скоро мы узнаем, что ваш офис был ограблен прошлой ночью – кто-то унес все работы, посвященные шестимерным пространствам.

Папа пожал плечами:

– Они мало что найдут там. Я отложил работу над итоговой статьей после того унижительного приема, который получила моя предварительная работа. Я работал над ней только дома, или здесь, и всякий раз, когда мы сюда приезжали, привозил заметки, сделанные в Логане, в этот подвал.

– Тут что-нибудь пропало?

– Я уверен, что сюда никто не вламывался. Да эти бумаги и не имеют особого значения – я все держу в голове. И к континуумоходу точно никто не прикасался.

– Зебадия, доктор Брэйн – одна из Черных Шляп? – спросила я.

– Я не знаю, Дити. Он может быть марионеткой или наемником в чужой игре. Однако он точно участник заговора, иначе они не рискнули бы подделать письмо, чтобы провести его в дом Хильды. Джейк, насколько сложно украсть бланк с твоим именем?

– Это легко. У меня нет секретарши, а за стенографисткой я посылаю, когда она нужна. И я редко запираю кабинет, когда я в кампусе.

– Дити, можешь принести бумагу и ручку? Я хочу посмотреть, как Джейк подписывается «Джейком».

– Конечно, – я все принесла. – Подпись у папы простая, я часто за него расписываюсь. У меня же его доверенность.

– Простые подписи сложнее всего подделать так, чтобы одурачить эксперта. Но им и не требовалось одурачивать эксперта – куда сложнее было сформулировать текст записки... а ведь Хильда не заподозрила в ней фальшивку.

– Похоже на правду, сынок. Текст очень походит на то, что я сам написал бы, если бы решил обратиться к Хильде.

– Изготовитель фальшивки наверняка прочитал множество твоих писем и прослушал множество твоих разговоров. Джейк, напиши тут «Джейк» четыре или пять раз, так, как ты изобразил бы имя на записке к другу.

Папа это сделал, и мой муж принялся изучать образцы.

– Нормальные вариации, – сказал Зебадия, а потом написал «Джейк» около дюжины раз, посмотрел на свою работу, взял чистый лист, расписался «Джейк» и передал его тете Хильде. – Ну, Язва?

Тетя Хильда посмотрела на подпись.

– Мне бы и в голову не пришло сомневаться – на листе с шапкой от Джейкоба, да еще и под запиской, составленной из его фраз. И к чему мы пришли?

– Застряли по дороге в грязи. Но теперь у нас есть новая информация. В это дело вовлечены по меньшей мере три человека, две «Черные Шляпы» и доктор Брэйн, который может быть, а может и не быть «Черной Шляпой». Как минимум он работает за деньги, или невольный союзник, или марионетка, которую они могут двигать, как игроки пешку по шахматной доске.

Хотя два плюс Брэини – это минимум, вероятно, их больше. Подобную схему не придумаешь в одночасье. В нее входят поджог, подделка документов, минирование автомобиля, прослушка телефона, воровство и секретная связь между отдаленными пунктами, координация преступных действий в каждом из них... и, возможно, то, что случилось с моим кузенном

Зебулоном. Мы можем предположить, что «Черные Шляпы» знают, что я не тот Зеб Картер, который спец в n-мерной геометрии, и меня списали как случайную жертву.

Которая их совершенно не беспокоит. Это ребята с фантазией, они могут прибить муху кувалдой или лечить кашель с помощью гильотины. Они умны, организованны, эффективны и лишены предрассудков. Единственный ключ к разгадке – их интерес к шестимерной неевклидовой геометрии.

У нас нет ни малейшего представления, кто они такие – кроме доктора Брэйна, чья роль не ясна. Но Джейк, кажется, я знаю «почему», и отсюда мы узнаем «кто».

– *Почему*, Зебадия? – потребовала я.

– Принцесса, твой отец мог работать над другими бесчисленными разделами математики, и они бы не обратили на него внимания. Но так случилось... хотя не случайно, я не верю в «случай», что он выбрал именно эту область геометрии – единственную, которая *правильно* описывает, как устроено пространство-время. А поскольку он гений, как в теории, так и в практике, он увидел, что можно создать простое устройство – ошеломительно простое, величайшее изобретение со времен колеса – континуумоход, машину пространства-времени, которая открывает доступ ко всем вселенным Числа Зверя. Плюс к бесчисленным вариациям этого множества вселенных.

Однако у нас есть одно преимущество.

– Я не вижу никаких преимуществ! Они стреляли в моего Джейкоба!

– Одно серьезное преимущество, Язва. «Черные Шляпы» знают, что Джейк проработал всю математику. Но они не знают, что он построил свой искривитель пространства-времени, они думают, что у него есть только символы на бумаге. Они попытались дискредитировать его работу и добились успеха. Затем попытались убить... и промазали. Скорее всего, они думают, что Джейк мертв... и, похоже, они убили Эда. Но они *не знают* об Уютной Гавани.

– Почему ты так думаешь, Зеб? О, я надеюсь на это! Но почему ты так уверен?

– Поскольку эти парни не шутят. Они взорвали твою машину и сожгли квартиру. Что бы они сделали с Гаванью, если бы узнали? Сбросили атомную бомбу?

– Сынок, ты думаешь, что у преступников может быть доступ к атомному оружию?

– Джейк, это не *преступники*. «Преступник» – это элемент подмножества большего множества «человеческие существа». Но эти создания не являются людьми.

– Э, Зеб? Твоя логика ускользает от меня.

– Дети, прогони это через компьютер. Тот, что у тебя между ушами.

Я не ответила, я просто сидела и думала. Через несколько минут неприятных раздумий я сказала:

– Зебадия, «Черные Шляпы» не знают об устройстве в нашем подвале.

– Убедительное предположение, – согласился мой муж, – ведь мы все еще живы.

– Они полны решимости уничтожить новое направление в математике... и уничтожить тот мозг, который его создал.

– Вероятность близка к ста процентам, – вновь согласился Зебадия.

– Поскольку с его помощью можно путешествовать по разным вселенным.

– Логичный вывод, – подтвердил мой муж.

– Исходя из этой цели, люди делятся на три группы. Те, кто не интересуется математикой более сложной, чем нужна для подсчета денег. Те, кто немного знаком с другой математикой. И третья, маленькая группа, которая способна понять, какие возможности она открывает.

– Да.

– Но наша раса не знает *ничего* о других вселенных, насколько я в курсе.

– Да, не знает. Необходимое допущение.

– Но эта третья группа не стала бы мешать попытке путешествовать между вселенными. Они с большим интересом будут ждать, что из этого выйдет. Они могут верить или не верить,

или не высказывать суждения. Но они *не будут* препятствовать; они будут рады узнать, что мой отец добился успеха. Радость от интеллектуального открытия – это свойство истинного ученого.

Я вздохнула и добавила:

– Других групп я не вижу. Если не брать в расчет кучку больных психов, эти три группы полностью описывают картину. Но наши противники вовсе не психи, они умны, коварны и неплохо организованны.

– В чем мы имели возможность убедиться, – эхом отозвался Зебадия.

– Следовательно, наш противник – не люди. Они разумные пришельцы из... откуда угодно.

– Или из когда угодно, – пробормотал мой муж.

Я снова вздохнула и промолчала. Быть оракулом – не самая приятная профессия!

– Язва, ты можешь убить?

– Кого убить, Зебби? Или что?

– Можешь ты убить, чтобы защитить Джейка?

– Можешь поставить свою чертову жизнь, что я убью ради него!

– Я не спрашиваю тебя, моя принцесса, я знаю Дею Торис, – продолжил Зебадия. – Такова ситуация, дамы. У нас есть самый ценный человек на планете, и мы должны его защищать, хотя мы не знаем – от чего. Джейк, твой отряд телохранителей состоит из двух амазонок, одна миниатюрная, другая среднего размера, обе, вероятно, в положении, и одного Трусливого Льва. Я бы нанял дорсай⁴⁶, если бы знал, на какую почту им писать. Или Серого Ленсмена и всех его приятелей. Но у нас есть мы, и мы постараемся! *Avete, alieni, nos morituri vos sperminus!*⁴⁷ А теперь давайте откроем шампанское.

– Мой капитан, ты думаешь, стоит? – спросила я. – Я напуганна.

– Конечно, стоит. Сегодня я больше не в состоянии работать, да и Джейк тоже. Завтра мы начнем устанавливать аппаратуру в «Гэй Обманщицу», переделывать там все и перепрограммировать, чтобы она отзывалась на команды любого из нас. А пока нам нужно немножко повеселиться и хорошенько выспаться. Пить жизнь до дна лучше всего, когда ты знаешь, что каждый час может быть последним.

Тетя Хильда пихнула Зебадию кулаком в ребра.

– Ах ты болтливый засранец! Я собираюсь веселиться до чертиков и выставлять себя дурой, а потом взять мужа и уложить его спать, применив Патентованное Лекарство Матушки Язвы. Дити, ту же самую терапию я прописываю и тебе.

Внезапно мне стало легко на душе, и я сказала:

– Принято, тетя Хильда! Капитан Джон Картер всегда побеждает. Трусливый Лев? Как же! Кто тогда папа? Маленький Волшебник Оз?

– Я думаю, да.

– Все может быть. Папа, откроешь бутылку? У меня от этих пробок пальцы болят.

– Сию минуту, Дити. Я имею в виду, Дея Торис, царственная супруга Владыки.

– Нет нужды быть таким официальным, папа. Это будет неформальная вечеринка. Очень неформальная! Папа! Мне обязательно ходить одетой?

– Спроси своего мужа. Ты теперь *его* проблема.

⁴⁶ Герои цикла романов Гордона Диксона, профессиональные воины.

⁴⁷ Привет вам, чужаки! Идущие на смерть плюют на вас! (Перевод гадательный, с латыни.)

– VIII – Хильда

Когда на старости лет я, шамкая беззубым ртом перед камином, стану перебирать свои давние прегрешения, я буду вспоминать эти дни как самые счастливые в моей жизни. До того у меня было три медовых месяца, по одному на каждого мужа-контрактника: два были хороши, один – нормальный и (в конечном итоге) весьма прибыльный. Но наш медовый месяц с Джейкобом был *райским*.

Дыхание опасности лишь обостряло удовольствие. Джейк не выглядел обеспокоенным, а у Зебби было чутье, как у игрока на скачках. Видя, что он расслабился, Дити сама перестала нервничать... а я даже и не начинала, поскольку надеялась завершить жизнь как фейерверк, в огненной вспышке, а не цепляться за нее, уродливая, беспомощная и бесполезная...

Оказалось, привкус опасности добавляет яркости жизни. Даже в медовый месяц... особенно в медовый месяц.

Очень странный медовый месяц. Не групповой брак, а две пары, которые составляют одну семью и которым комфортно друг с другом. Я отбросила большую часть образа энергичной сучки, и Зебби иногда называл меня «Хильда» вместо «Язвы».

Мы с Джейкобом сошлись в браке точно ветчина и яичница. Он не очень высок – метр семьдесят восемь, – но по сравнению с моими жалкими метр пятьдесят два это достаточно много. Волосы у него редеют, и у него есть брюшко, заработанное годами сидячей работы, но для меня он выглядит как надо. А когда мне хотелось полюбоваться мужской красотой, я могла пялиться на великана, доставшегося Дити.

Когда он появился в кампусе, я решила сделать из него своего домашнего питомца – не из-за внешности, а из-за необычного чувства юмора. Но если когда и существовал мужчина, способный сыграть роль Джона Картера, Владыки Марса, то это был Зебадия Картер, чье второе имя как раз «Джон». В комнатах, в гражданской одежде и фальшивых очках в роговой оправе, он выглядит неловким, слишком большим и неуклюжим. Я не понимала, что он красив и грациозен, пока однажды он не явился ко мне в бассейн.

Бродя на свежем воздухе или в Уютной Гавани почти или совсем без одежды, Зебби всюду выглядел естественно – горный лев, исполненный силы и грации. Инцидент, случившийся однажды вечером, показал мне, насколько он похож на Владыку Марса. Я знаю эти старые истории. В свое время мой отец купил переиздания в мягкой обложке от «Бэллантайн/Дель Рей», и они были в доме, где я провела детство. Когда я научилась читать, я прочитала их все и предпочитала повести о Барсуме «книжкам для девочек», которые мне дарили на день рождения и Рождество. Я себя отождествляла с Тувией и хотела сменить имя на Тувию, когда стану взрослой. Но когда мне исполнилось восемнадцать, я об этом уже не думала. Я всегда была «Хильда», и новое имя меня не привлекало.

Отчасти я несу ответственность за имя Дити, которого она стеснялась, пока она не поняла, что оно нравится ее мужу. Джейкоб хотел назвать дочь «Дея Торис» (хотя он выглядит как профессор и им *является*, он неизлечимый романтик.) Джейн возражала. Тогда я сказала ей: «Не глупи, Джейни. Если твой муж что-то хочет и ты можешь ему это дать без особой печали, то дай ему это! Ты хочешь, чтобы он любил вашего ребенка, или хочешь, чтобы он его раздражал?» Джейн тогда задумалась, и «Дорис Энн» к моменту крещения превратилась в «Дею Торис», а затем в «Дити» – раньше, чем она научилась говорить, и это всех устроило.

Мы привыкли жить по распорядку: ранний подъем каждое утро, наши мужчины работают с приборами, проводами и прочими штуками, устанавливая пространственно-временную машинку в нутро «Гэй Обманщицы», в то время как мы с Дити занимались домашней работой... совсем немного, поскольку благодаря гению Джейкоба наш горный домик не требо-

вал много внимания. А затем мы развлекались одной технической проблемой, которую Дити решала с моей помощью.

От меня мало толку, когда речь идет о технической работе, биология – единственный предмет, который я изучала глубоко и за который так и не получила диплома. Познания мои расширились благодаря шести тысячам часов волонтерской работы в качестве медсестры в медицинском центре нашего кампуса. А еще я проходила курсы, которые сделали меня медсестрой без сертификата, медтехником без удостоверения и даже парамедиком без диплома, так что я не кричу при виде крови, могу убрать лужу блевотины, не поморщившись, и без колебаний заменяю медсестру в операционной. Жить в кампусе «университетской вдовушкой» с кучей денег весело, но пусто для души. Мне нравится знать, что я выплатила аренду за тот кусок земли, который занимаю.

Помимо этого я нахваталась понемногу обо всем благодаря любви к печатному слову, плюс посещала все лекции в университете, название которых звучало интригующе... и даже иногда записывалась вольным слушателем на соответствующие курсы. Например, я прошла курс описательной астрономии и сходила на итоговый экзамен, где получила высший балл. Я даже правильно рассчитала орбиту кометы, к большому своему удивлению (и удивлению профессора).

Я могу подключить дверной звонок или прочистить засорившуюся канализацию тросом, но для решения настоящих технических проблем я нанимаю специалистов.

Так что Хильда может кому-то помогать, но не способна проделать всю работу в одиночку. «Гэй Обманщицу» нужно было перепрограммировать, а Дити, которая не выглядит гением, на самом деле одна из них. Дочь Джейкоба уже *обязана* быть гением, но у ее матери был такой коэффициент интеллекта, что напугал даже меня, ее ближайшую подругу. Я наткнулась на результаты теста, когда помогала придавленному горем бедняге Джейкобу решить, что сохранить, а что сжечь. (Я сожгла не самые удачные фото, ненужные бумаги и одежду. Одежду умершего человека нужно либо отдавать, либо сжигать. Не стоит хранить то, что не вызывает счастливых воспоминаний. Я, конечно, немного поплакала, но это избавило Джейкоба и Дити от слез в дальнейшем.)

У нас у всех есть права на вождение фибии, а у Зебби, как у капитана З. Дж. Картера, Аэрокосмические силы США, имеется еще и «командирский» рейтинг. Он сказал нам, что его космический рейтинг скорее почетный, чем действительный – немного времени в невесомости и одна посадка на шатле. Но Зебби – лживый мальчишка, он любит шутить и выдумывать небылицы. У меня был случай заглянуть в его летные записи, и я не постеснялась сделать себе копию. Там написано куда больше, чем одна поездка по обмену в Австралию. Когда-нибудь я усядусь ему на грудь и заставлю его рассказать всю правду маме Хильде. Это будет интересно... если я смогу отличить факты от вымысла. Например, я *не верю*, что у него был интимный контакт с самкой кенгуру.

Зебби и Джейкоб решили, что любой из нас должен управлять «Гэй Обманщицей» во всех четырех вариантах: на земле, в воздухе, в космосе (она не является космическим кораблем, но может делать прыжки за пределы атмосферы) и в пространстве-времени, то есть среди вселенных Числа Зверя, плюс их вариаций, которые невозможно сосчитать.

Я не верила, что способна все это освоить, но мужчины заверили меня, что они разработали контур безопасности, который вытащит меня из любой передраги, даже если я буду предоставлена самой себе.

Частично проблема заключалась в том, что «Гэй Обманщица» – девушка-однолюб. Ее двери отпирались только голосом ее хозяина или прикосновением его большого пальца... или выстукиванием кода, если он не хотел или не мог использовать и голос, и большой палец правой руки. Зеб старался все спланировать заранее. «Обмануть Закон Мерфи – вот как он это

называл. – Потому что все, что может пойти не так, *обязательно* пойдет не так». (Бабушка называла это *Правилом Бутерброда Маслом Вниз*.)

Первым делом нужно было представить нас всех «Гэй Обманщице», научить ее принимать все четыре наших голоса и отпечатки больших пальцев правой руки. На это ушла всего пара часов, потому что Зебби помогала Дити. На код понадобилось еще меньше, он базировался на старой военной мелодии – предполагалось, что никакой вор не заподозрит, что машина открывается на стук, а если догадается, то не сможет угадать правильную мелодию. Зебби называл этот марш «Пьяный солдат», Джейкоб сказал, что это «Маркитантская лодка», а Дити заявляла, что песня называется «День получки», потому что так говорил ей дедушка Джейн.

Мужчины решили, что она права, поскольку Дити помнила все слова. В них говорилось о «пьяном матросе» вместо «пьяного солдата», и упоминались и «маркитантская лодка», и «день получки».

Закончив процесс знакомства, Зебби выкопал откуда-то документацию на Гэй: один том на ее тело, второй на ее мозги. Вторым он вручил Дити, а первый унес в наш подвал. Следующие два дня были легкими для меня и тяжелыми для Дити – я держала фонарик и делала заметки на планшете, пока она изучала эту книгу, хмурилась, а затем потела и пачкалась, занимая разные невозможные положения под машиной, а однажды даже выругалась в такой манере, которая заставила бы Джейн нахмуриться.

Дити добавила:

– Тетя Козочка, твой зять совершил с этой кучей «спагетти» такие вещи, которым нельзя подвергать достойный компьютер! Это какой-то ублюдочный гибрид.

– Ты не должна называть Гэй «это», Дити. И она вовсе не ублюдок.

– Она нас не слышит, я отсоединила ее «уши», за исключением того кусочка, который следит за новостями, а он замкнут на вот этот уходящий в стену провод. Сейчас она может разговаривать с Зебадией только в подвале. О, я уверена, она была хорошей девочкой, пока эта горилла ее не изнасиловала. Тетя Хильда, не бойся задеть чувства Гэй, у нее их нет. Для компьютера она довольно туповата. Любой заштатный колледж и большинство школ имеют в собственности или арендуют компьютеры куда мощнее. Гэй, в сущности, кибер, автопилот с небольшой цифровой емкостью и ограниченной памятью. И модификации, которые наспех прикрутил ей Зебадия, сделали из нее нечто большее, чем автопилот, но не превратили в компьютер общего назначения. Скособоченный гибрид. У нее куда больше опций случайного выбора, чем требуется, и у нее есть дополнительные функции, о которых IBM никогда и не мечтала.

– Дити, а зачем ты снимаешь панели? Я думала, ты всего лишь программист? Твоя работа – программы, а не механизмы.

– Я *и есть* математик-программист. Я не стала бы пытаться модифицировать этого монстра, даже получив письменный приказ от своего любимого-но-хитрого мужа. Но как, во имя Аллаха, специалист по программам может думать об оптимизации кода, если он не знает, как тут все устроено? Первая часть этой книги рассказывает, ради чего был создан этот автопилот... а вторая часть, ксерокопированные страницы, показывают те непристойности, которым Зебадия выучил сам ее. Эта долбаная кучка чипов теперь говорит на трех логических языках в едином интерфейсе, хотя была создана только для одного. И она не воспримет *ни один* из них, пока не услышит одну из двусмысленностей Зебадии. И даже тогда она редко отвечает на кодовые фразы одинаково два раза подряд. Что она говорит в ответ на «Ты Умница, Гэй»?

– Я помню: «Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием».

– Иногда. Чаще всего, поскольку у этого ответа выставлена частота появления в три раза выше, чем у любого другого. Но послушай это:

«Зеб, я такая умная, что сама пугаюсь»

«Тогда почему ты отказал мне в повышении?»

«Мне не интересны комплименты! Убери лапу с моего колена»

«Не так громко, дорогой. Я не хочу, чтобы мой парень услышал»

...и там есть еще. Как минимум по четыре ответа на любую из кодовых фраз Зебадии. Она использует только один список, но автопилот отвечает в разных вариантах на каждую из его фраз – и все они означают либо «Принято», либо «Неизвестная команда. Перефразировать».

– Мне нравится эта идея. Забавно.

– Ну... мне тоже. Я одушевляю компьютеры, думаю о них как о людях... а такой наполовину рэндомный список ответов делает «Гэй Обманщицу» еще более живой... хотя она не живая. И даже не особенно гибкая, по сравнению с наземным компьютером. Но... – тут Дити улыбнулась, – я собираюсь приготовить мужу несколько сюрпризов.

– Как, Дити?

– Ты знаешь, как он говорит: «Доброе утро, Гэй. Как ты?», когда мы усаживаемся завтракать.

– Да, мне это нравится. Так дружелюбно. Она обычно отвечает: «У меня все хорошо, Зеб».

– Да, но это код, запускающий тесты. Он приказывает автопилоту выполнить программу самопроверки и доложить о наличии действующих инструкций. Это занимает меньше миллисекунды. Если он не получит этот или эквивалентный ответ, он бросится напрямик сюда, чтобы разобраться – что не так. Но я собираюсь добавить еще один ответ. Или даже не один.

– Я думала, ты отказалась что-либо модифицировать.

– Тетя Хиллбилли, это *программы*, а не провода и микросхемы. Мне разрешили вносить изменения и поручили расширить диапазон ответов для каждого из нас, используя наши голоса. Это элементарное программирование. Ты говоришь «доброе утро» этому устройству, и оно – когда я закончу – ответит тебе и назовет Хильдой или миссис Берроуз.

– О, пусть она зовет меня «Хильда».

– Хорошо, но давай позволим ей назвать тебя время от времени «миссис Берроуз» для разнообразия.

– Ну... хорошо. Оставим ей индивидуальность.

– Я могу даже заставить ее называть тебя... с очень небольшой вероятностью... Козочкой. Я захохотала:

– Сделай это, Дити, пожалуйста. Но я хочу быть рядом, чтобы видеть лицо Джейкоба.

– Ты увидишь, ведь я не запрограммирую ее отвечать таким образом только на твой голос. Просто не говори ей: «Доброе утро, Гэй», если папа *не* слушает. А вот штука для моего мужа: Зебадия говорит: «Доброе утро, Гэй. Как ты?», а динамик отвечает: «Я-то в порядке, Зеб. А вот у тебя ширинка нараспашку и глаза красные. Ты что, с похмелья *опять?*».

Дити такая серьезная и в то же время игривая.

– Сделай это, дорогая! Бедный Зебби – он пьет меньше любого из нас. Но ведь на нем может не быть штанов на молнии.

– Зебадия всегда надевает что-то к столу. У него даже трусы на молнии. Эластик ему не нравится.

– Но он узнает твой голос, Дити.

– Не-а. Потому что это будет *твой* голос – модифицированный.

Так и получилось. У меня контральто с диапазоном вполне под стать актрисе – или подружке, которая одолжила «Гэй Обманщице» ее оригинальный голос. Не думаю, что у меня есть та знойная, похотливая нотка, что у нее, но я прирожденный имитатор. Дити позаимствовала какой-то вихлескоп – осциллоскоп? – у своего отца, моего Джейкоба, и я репетировала, пока мои фразы для «Гэй Обманщицы» не стали соответствовать ее оригинальному репертуару, и Дити сказала, что не может их различить без тщательной проверки.

– IX – Дити

Мы с тетей Хильдой закончили перепрограммирование как раз за то время, что понадобилось Зебадии и папе, чтобы придумать и создать контуры безопасности и другие узлы, которые должны были превратить «Гэй Обманщицу» в континуумоход – когда в нее установят машину пространства-времени. Задние сиденья пришлось убрать, чтобы разместить папино устройство на переборке и приварить его к корпусу, а потом сиденья пришлось сдвигать на двадцать сантиметров назад, чтобы добавить пространства для ног. Приборы управления гироскопами и тройные верньеры переместились на приборную панель водителя, все управление ручное, но была одна голосовая команда: если кто-то из нас скажет «“Гэй Обманщица”, верни нас домой!», то машина и пассажиры вмиг окажутся в Уютной Гавани.

Я доверяю папе. Он дважды благополучно вернул нас домой, сделав это без контуров безопасности и рычага мертвеца. Последний был запараллелен с командой «Домой!», в обычном состоянии был зафиксирован и спрятан, но его можно было вынуть и зажать в кулаке. Имелись другие контуры безопасности – температуры, давления, состава воздуха, радар столкновений и датчики иных угроз. Если мы возникнем внутри звезды или планеты, то ничто из этого нас не спасет, но нетрудно посчитать, что шансы упасть с лестницы и свернуть себе шею намного выше, чем шансы занять одно пространство с другой материей – пространства много, массы мало, по крайней мере, в нашей родной вселенной. Мы надеялись, что это будет верно и для других вселенных.

Заранее узнать, как обстоят дела в других пространствах Числа Зверя, невозможно, но «трус не пустится в дорогу, слабый вымрет по пути»⁴⁸. Никто из нас ни слова не сказал о том, что отправляться в другие вселенные *совсем не обязательно*. Да и наша родная планета стала недружелюбной. Мы больше не говорили о «Черных Шляпах», но помнили, что они никуда не делись и что мы до сих пор живы лишь потому, что затаились и позволили всем считать, что мы мертвы.

По утрам за завтраком у нас улучшался аппетит, когда «Гэй Обманщица» вместо обзора найденных новостей докладывала: «нет данных». Зебадия, я совершенно уверена, считал, что его кузен мертв. Не сомневаюсь, что он все равно отправился бы на Суматру в безнадежной попытке его разыскать – если бы у него появилась жена, а в перспективе и ребенок. Я пропустила месячные, как и Хильда. Наши мужчины подняли тосты за наши пока еще не раздувшиеся животики; мы с Хильдой неохотно пообещали быть хорошими девочками – есть, сэр! – и осторожными. Хильда присоединилась к моей утренней разминке, мужчины тоже, едва поймали нас за этим занятием.

Зебадия мог бы обойтись без физических упражнений, но он, похоже, получал от них удовольствие. А папа убавил в талии всего за неделю пять сантиметров.

Вскоре после тостов Зебадия испытал оболочку «Гэй Обманщицы» на герметичность, нагнав четыре атмосферы внутри и выведя наружу манометр.

Пока наш пространственно-временной кораблик был запечатан, мы мало что могли сделать и потому закончили работу рано.

– Поплаваем? – предложила я.

В Уютной Гавани не было бассейна городского типа, а горный ручей слишком *холодный*. Папа исправил этот недостаток, когда спрятал его под землю: через трубы отвел воду под землей в заросли кустарника, где создал «природную» горную речушку, что протекала рядом

⁴⁸ Слова американского поэта Х. Миллера (1837–1913). – Прим. С. В. Голд.

с домом. Потом он закатил в русло огромный валун, добавил к нему несколько поменьше, чтобы получился бассейн, который можно было наполнять и сливать. Для стыков он использовал окрашенный цемент, чтобы бассейн казался творением природы.

После моих слов можно подумать, что папа у меня настоящий Пол Баньян⁴⁹. Папа и вправду *мог бы* построить Уютную Гавань только собственными руками. Но все подземные этажи вырыли испаноязычные рабочие из Ногалеса, и они же смонтировали сборный домик на поверхности. Воздушный кран доставил детали и материалы из строительной компании Альбукерке, которую мама Джейн купила для папы через подставных юристов в Далласе. Краном управлял сам менеджер компании. Он был уверен, что это заказ богатого клиента юридической фирмы и что самым разумным будет выполнить работу и обо всем забыть. Папа командовал процессом на тexasском диалекте мексиканского, с помощью своей секретарши, то есть меня – испанский был одним из языков, которые я изучала в аспирантуре.

Рабочие и механики не имели ни малейшего представления, где они находятся, но им хорошо платили, их хорошо кормили, они комфортно жили в сборных домиках, которые привез тот же кран, все тяжелые работы выполняла техника – а в таких условиях кого волнует, что именно делают «gringos locos»⁵⁰? Два пилота должны были знать, где идет строительство, но они летали на сигнал радиомаяка, которого тут больше нет.

Вся эта секретность была вызвана вовсе не Черными Шляпами; о законе джунглей я узнала от мамы: никогда не давай налоговой инспекции никаких зацепок. Плати наличными, держи рот на замке, не проводи через банки ничего, что позже не будет отражено в декларации. Плати налоги чуть выше, чем ожидают при твоём уровне жизни, и соответственно декларируй доходы. Нас проверяли трижды после смерти мамы; каждый раз правительство возвращало небольшую «переплату», ну а я получила репутацию девушки туповатой, но честной.

Мое предложение насчет поплавать было встречено молчанием.

Затем папа сказал:

– Зеб, твоя жена слишком энергична. Дети, позже вода будет теплее, а тени под деревьями больше. Тогда мы сможем неспешно прогуляться до бассейна. Зеб?

– Я согласен, Джейк. Мне нужно сохранять энергию.

– Поспать?

– Даже на сон моих сил недостаточно. Что ты говорил сегодня утром по поводу перестройки системы?

Тетя Хильда выглядела ошарашенной.

– Я думала, что мисс «Гэй Обманщица» уже готова. Вы хотите все переделать?

– Спокойно, дорогая Язва. «Гэй Обманщица» и правда готова. Осталось только загрузить в трюм некоторые вещи, которые мы уже взвесили и прикинули размещение для сохранения центра масс.

Я могла бы ей кое-что рассказать об этом – разбираясь с тем, что можно рассовать по всем углам и отделениям, не лишив Гэй баланса, я обнаружила, что у моего мужа имеется совершенно незаконная лазерная пушка. Я ничего не сказала, я просто включила в расчеты ее массу и расстояние от оптимального центра тяжести. Иногда я размышляю, кто из нас больше нарушает закон: Зебадия или я? У большинства мужчин есть нездоровая склонность повиноваться законам, но эта нелегальная лазерная пушка заставила меня призадуматься.

– Почему бы не оставить все как есть? – осведомилась тетя Хильда. – Джейкоб и Господь знают, насколько я счастлива тут... Но Вы Все В Курсе, Почему Мы Не Можем Оставаться Тут Дольше, Чем Нужно.

⁴⁹ Пол Баньян – герой американского фольклора, великан-лесоруб и первопроходец. – Прим. С. В. Голд.

⁵⁰ Безумные гринго (исп.).

– Мы говорили не о «Гэй Обманщице». Мы с Джейком обсуждали перестройку Солнечной системы.

– *Солнечной системы?* А что с ней сейчас не так?

– Много чего, – сообщил Зебадия. – Она собрана кое-как. Куча недвижимости пропадает зря. Наша старая измученная планета набита людьми и местами обветшала. Понятно, промышленность и энергостанции на орбите нас слегка спасают, и поселения в точках Лагранж-Четыре и Лагранж-Пять сидят на самообеспечении... все, кто вначале инвестировал в космические станции, сделали кучу денег.

(Как мой папа, Зебадия.)

– Но это ерунда по сравнению с тем, что можно сделать, – продолжал он, – а у нашей планеты с каждым годом дела все хуже. Но шестимерный принцип Джейка может изменить все.

– Переместить людей в другие вселенные? А они поедут?

– Мы не думали об этом, Хильда. Мы пытаемся применить закон Кларка.

– Я такого не помню. Может быть, его проходили, когда я болела свинкой?

– Артур Кларк, – сказал ей папа. – Великий человек... как жаль, что его ликвидировали во время Чистки. Кларк вычислил, как совершить великое открытие или сделать важное изобретение: сначала выясни, что, по мнению самых уважаемых авторитетов, сделать *невозможно* – а потом сделай это. Мой континуумоход – крестник Кларка через его закон. Его озарение вдохновило меня на изучение шестимерных континуумов. А этим утром Зеб подкинул мне кое-какие следствия моего открытия.

– Джейк, не пудри дамам мозги. Я задала конкретный вопрос, а ты уводишь разговор в сторону.

– Э-э-э, ну, мы объединили две идеи. Хильда, ты знаешь, что для путешествий во времени-пространстве не нужна энергия?

– Боюсь, что я не в курсе, дорогой мой. Зачем тогда энергоблоки в «Гэй Обманщице»?

– Для вспомогательных нужд. Чтобы тебе не пришлось готовить на открытом огне, например.

– Да, сам искривитель континуума не потребляет энергии, – подтвердил Зебадия. – Только не спрашивай почему. Я спросил, Джейк начал писать уравнения на санскрите, и у меня дико заболела голова.

– Он не потребляет энергии, тетя Хильда, – внесла свою лепту и я. – Есть утечки через паразитную мощность излучения. Еще несколько микроватт, чтобы поддерживать вращение гироскопов, милливатты для приборной панели и верньеров... но сам аппарат ничего не потребляет.

– А что случилось с законом сохранения энергии?

– Язва, – начал мой муж, – я сносный механик, схемотехник-любитель и парень, который гонял по небу совершенно немыслимую рухлядь. Меня не волнуют теории, пока техника делает то, для чего она предназначена. Я начинаю волноваться, только когда машина поворачивается и начинает меня кусать. Именно поэтому я специализируюсь на контурах безопасности, аварийных системах и тройном резервировании. Пытаюсь сделать так, чтобы машина *никогда* меня не подводила. Этого нет в теориях, но это знает каждый инженер.

– Хильда, любимая, наш континуумоход не нарушает закон сохранения массы-энергии; он просто не имеет к нему отношения. Как только Зеб понял, что...

– Я не говорил, что понял.

– ...как только Зеб принял это предположение, у него тут же появились интересные вопросы. Например, Юпитер не нуждается в Ганимеде...

– А вот Венере бы он очень пригодился. Хотя Титан, возможно, подошел бы лучше.

– Мм-м... возможно.

– Да. Быстрее получится создать обитаемую базу. Но более срочная задача, Джейк, состоит в том, чтобы засеять Венеру, перенести атмосферу на Марс и прогнать их через ускоренное старение. Потом переместить в... Троянские точки на земной орбите⁵¹?

– Определенно. За нами миллионы лет эволюции именно на этом расстоянии от Солнца. Ясно, что для нас лучше всего жить не ближе и не дальше. И нужно особое внимание к стратосферной защите. Но у меня все еще есть сомнения по поводу того, как поместить якорь в кору Венеры. Мы же не захотим потерять эту планету на оси «тау».

– Исключительно вопрос НИОКР, Джейк. Рассчитать давление и температуру, предусмотреть соответствующую прочность транспортного средства – оно должно быть сферическое, за исключением внешних якорей, – а потом заложить в него четырехкратную надежность. Для автоматического управления – пятикратное резервирование. Мы подхватим ее, когда она вернется в нашу вселенную, переведем на земную орбиту, в шестидесяти градусах от нас⁵², и начнем продавать участки размером со старые испанские латифундии. Джейк, нам нужно собрать достаточно массы, чтобы создать новые Земли во *всех* троянских точках, чтобы получился шестиугольник вокруг Солнца. Пять новеньких Земель дадут нам достаточно пространства для размножения. Когда отправимся в первое путешествие, надо будет все хорошенько изучить.

Тетя Хильда глянула на Зебадию с ужасом:

– Зебби! Создание планет – вы совсем рехнулись?!

– Дорогая теща, те вещи, которые мы обсуждаем с Джейком, вполне возможно реализовать – если вспомнить, что искривитель пространства-времени не потребляет энергии. Двигай что угодно куда угодно – в любые пространства, в любые времена. Да, я говорю о них во множественном числе, сначала я не понимал, что имеет в виду Джейк, когда говорит об ускоренном старении планеты. Поверни Венеру по оси «тау», двинь ее назад по оси «тэ», установи ее на столетия или тысячелетия позже на оси «т». Возможно, сдвинь ее на год или около того в будущее – наше будущее, – чтобы подготовиться к ее возвращению, когда она возникнет вся зеленая и красивая, готовая растить детей, щенков и бабочек. Терраформированная, но девственная.

Немного позже Зебадия, растянувшись на диване, разглядывал стену над камином и вдруг неожиданно спросил:

– Папа, ты служил на флоте?

– Нет, в армии. Если можно так назвать «офисных пехотинцев». Благодаря докторской степени в математике мне присвоили офицерское звание, сказали, что я нужен для решения баллистических задач. А потом я весь срок провел в кадровом отделе, бумажки подписывал.

– Стандартный порядок действий. Тут у тебя на стене морская шпага и португез. Я подумал, они твои.

– Они принадлежат Дити, а к ней перешли от Роджерса, дедушки Джейн. У меня есть парадная сабля. Принадлежала отцу, а он отдал ее мне, когда меня прибрали в армию. Парадная форма тоже имеется. Только я никогда ее не надевал – повода просто не было, – папа поднялся и отправился в свою – их – спальню, откуда крикнул: – Пойдем, я покажу тебе саблю.

Мой муж повернулся ко мне:

⁵¹ Троянские точки – точки Лагранжа L_4 и L_5 , в которых силы притяжения Земли и Солнца создают условия равновесия: объект небольшой массы, находясь в этой точке, может следовать за Землей по орбите на стабильном расстоянии. Объекты большой массы в этих точках, очевидно, дестабилизируют систему. Теоретически вблизи орбиты Земли должны существовать точки стабильности для Марса или Венеры (для их определения нужно всего-навсего решить Задачу трех тел), но эти точки некорректно называть «троянскими». – Прим. С. В. Голд.

⁵² В идеальном случае Земля, Солнце и классическая троянская точка образуют равносторонний треугольник, углы в котором равны 60° . В случае с массивным телом в троянской точке это правило уже не работает (см. выше), однако шесть планет равной массы, построенные кольцом вокруг Солнца, действительно могут образовать устойчивую систему с углами 60° . – Прим. С. В. Голд.

– Дити, ты не возражаешь, если я возьму твою шпагу?

– Мой капитан, эта шпага твоя.

– Ну нет, дорогая, я не могу принять семейную реликвию.

– Если мой вождь не примет в дар от своей принцессы сей клинок, он останется висеть на стене! Я так хотела сделать тебе свадебный подарок – и не сообразила, что у меня уже есть идеальный дар для капитана Джона Картера.

– Мои извинения, Дея Торис. Я принимаю твой дар и обещаю, что клинок сей не потускнеет. Им я буду защищать мою принцессу от всех врагов.

– Гелиум горд принять такого защитника. Если ты подставишь руки, я встану на них и сниму его со стены.

Зебадия ухватил меня повыше колен, и я неожиданно выросла до трех метров. Шпага и португепя висели на крючках, я сняла их, после чего меня саму аккуратно опустили на пол. Мой муж стоял прямо, пока я застегивала на нем португепю, а потом опустился на колени и поцеловал мою руку.

Мой муж безумен от норд-Нордвеста⁵³, но его безумие меня устраивает. Глаза мои наполнились слезами в этот момент – с Дити такого почти не бывает, а вот с Деей Торис иногда случается, после того, как Джон Картер сделал ее своей женой.

Папа и тетя Хильда понаблюдали, а затем повторили церемонию, включая – я видела! – слезы в глазах Хильды после того, как она пристегнула к его поясу саблю, а он опустился на колени и поцеловал ей руку.

Зебадия обнажил шпагу, проверил балансировку и осмотрел лезвие.

– Ручная работа, сбалансирован близко к рукояти. Дити, твой прадедушка заплатил немалые деньги за этот клинок. Это честное оружие.

– Я не думаю, что он знал, сколько оно стоит. Ему вручили эту шпагу.

– И я уверен, на то была особая причина, – Зебадия отступил назад, поднял клинок «на караул», сделал стремительные вертикальные мулине влево, вправо, затем горизонтальные – по часовой и против, внезапно перешел в защиту мечника – сделал выпад, прикрылся, быстрый, как нападающий кот.

Я тихо сказала папе:

– Ты заметил?

Папа отозвался так же негромко:

– Умеет обращаться с саблей. И со шпагой.

Хильда воскликнула:

– Зебби! Ты никогда не говорил мне, что посещал Гейдельберг⁵⁴!

– Ты никогда не спрашивала, Язва. В «Красном Воле» меня звали «карой Неккара»⁵⁵!

– А где твои шрамы от поединков?

– Ни одного не получил, дорогая. Хотя провел там лишний год именно ради этого. Однако никто не сумел прорваться через мою защиту – ни разу. Даже не хочу вспоминать, сколько немецких лиц я расчертил, как шахматную доску.

– Зебадия, это там ты получил докторскую степень?

Мой муж улыбнулся и сел, все еще с клинком на поясе.

– Нет, в другой школе.

– Массачусетский технологический? – спросил папа.

⁵³ Игра слов, объединяющая цитату из «Гамлета» и имя Нордвеста Смита, героя К. Мур. – Прим. С. В. Голд.

⁵⁴ Старейший университет Германии, славный фехтовальными традициями.

⁵⁵ «Красный Вол» – таверна в Гейдельберге. Неккар – река, на которой стоит город. – Прим. С. В. Голд.

– Едва ли. Папа, это должно остаться внутри семьи. Я решил доказать, что можно получить степень в одном из основных университетов, не зная ничего и ничего не добавляя к человеческим знаниям.

– Я думаю, у тебя степень по аэрокосмической инженерии, – небрежно заметил папа.

– Признаю, посещал все нужные занятия. У меня две степени – бакалавриат в гуманитарных науках... как-то просочился... и докторат от старой и престижной школы – доктор философии по педагогике.

– Зебадия! *Не может быть!* – я была в ужасе.

– Но я это сделал, Дити. Чтобы доказать, что степени *сами по себе* ничего не стоят. Часто они почетные, ими украшают истинных ученых, вдохновенных преподавателей и настоящих исследователей. Но гораздо чаще они служат фальшивым лицом для заучившихся баранов.

Папа сказал:

– Я не стану спорить, Зеб. Докторская степень – что-то вроде профсоюзного билета для того, чтобы получить постоянную работу. Она вовсе не означает, что ее обладатель мудр или даже образован.

– Да, сэр. Я узнал об этом, еще сидя на дедушкиных коленях – моего деда Захария, из-за которого все его потомки теперь носят имена на букву «З». Дити, его влияние на меня было таким сильным, что я должен объяснить... нет, это невозможно, я должен рассказать о нем, чтобы объясниться... и объяснить, как я получил эту бесполезную степень.

Хильда сказала:

– Дити, он опять собрался травить байки.

– Тихо, женщина. «Уходи в монастырь; прощай!»⁵⁶

– Я не принимаю указаний от собственного зятя. Построй монастырь, и я подумаю.

Я держала рот на замке – выдумки моего мужа меня развлекают. (Если это, конечно, выдумки.)

– Дедушка Зак был таким сварливым древним старикашкой, какого только можно себе представить. Он ненавидел правительство, ненавидел законников, ненавидел чиновников, ненавидел проповедников, ненавидел автомобили, государственные школы, телефоны, презирал большинство редакторов, большинство писателей, большинство профессоров, короче говоря, почти все на свете. Но давал очень щедрые чаевые официанткам и носильщикам и изо всех сил старался не наступать на насекомых.

У дедушки было три докторские степени: биохимия, медицина и юриспруденция – и всякого, кто не умел читать латынь, греческий, иврит, французский или немецкий, он считал безграмотным.

– Зебби, а ты умеешь читать на всех этих языках?

– К счастью для меня, дедушку хватил удар во время заполнения налоговой декларации, и произошло это раньше, чем он смог задать мне этот вопрос. Я не знаю иврит, могу читать на латыни, разбирать греческий, читаю и говорю на французском, читаю технический немецкий, понимаю некоторые его диалекты, ругаюсь на русском – это очень полезно! – и болтаю на грамматически неправильном испанском, которого нахватался в кафетериях и у «горизонтальных словарей».

Дедушка наверняка считал бы меня неграмотным, поскольку ни одного из языков я толком не знаю, а еще я иногда пускаю в ход расщепленный инфинитив⁵⁷, это привело бы его в ярость. Он практиковал судебную медицину, медицинское право, был экспертом в токсикологии, патологии и травматологии, задирали судей, терроризировал адвокатов, студентов-меди-

⁵⁶ В. Шекспир, «Гамлет». Акт 3. Сцена 1. Перевод М. Лозинского. Разговор Гамлета с Офелией. – Прим. С. В. Голд.

⁵⁷ Инфинитив с отделенной от глагольной основы частицей «to». С XIX в. считается синтаксической ошибкой. – Прим. С. В. Голд.

ков и студентов-юристов. Однажды он вышвырнул из своего кабинета налогового инспектора и потребовал, чтобы тот вернулся с ордером на обыск, оформленным в соответствии с конституционными требованиями. Подходный налог, Семнадцатую поправку⁵⁸ и прямые первичные выборы он считал признаками упадка республики.

– А что он думал по поводу Девятнадцатой⁵⁹?

– Хильда, дедушка Зак поддерживал избирательное право для женщин. Я помню, как он говорил – если уж женщины настолько безумно глупы, что хотят взвалить на себя эту ношу, им нужно поскорее ее отдать; все равно они не принесут нашей стране больше вреда, чем уже наделали мужчины. Лозунг «право голоса – женщинам» его не раздражал, в отличие от девяти тысяч других вещей. Он постоянно жил на точке кипения и в любой момент мог готов был сорвать крышку.

У него было одно хобби: он собирал гравюры на стали.

– Гравюры на стали? – переспросила я.

– Портреты мертвых президентов, моя принцесса. Особенно Мак-Кинли, Кливленда и Мэдисона, хотя не брезговал и Вашингтоном⁶⁰. У него было удивительное чутье подходящего момента, которое так необходимо коллекционеру. В 1929 году, к «Черному четвергу»⁶¹, у него не осталось на руках ни одной обычной акции, кроме тех, которыми он играл на понижение. Когда в 1933 году наступил «банковский выходной»⁶², все его деньги, кроме наличности, были уже в Цюрихе, в швейцарских франках. Вскоре гражданам США «чрезвычайным» постановлением запретили иметь золото даже за границей.

Дедушка Зак быстренько рванул в Канаду, обратился за швейцарским гражданством, получил его и после этого проводил жизнь между Европой и Америкой, не боясь инфляции и законов о конфискации, что заставили нас в конечном итоге убрать три ноля со старых долларов и создать нью-доллары.

Так что он умер богатым, в Локарно – прекрасное место, я провел с ним два лета, когда был мальчишкой. Его завещание было составлено в Швейцарии, и налоговые шакалы из США не могли до него добраться.

Большую часть он вложил в трастовый фонд, предназначенный для его отпрысков задолго до его смерти, иначе бы меня не назвали Зебадия.

Отпрыски женского пола получали пропорциональные доли дохода без каких-либо условий, а вот мужчинам требовались имена на букву «З», но даже это не давало им ни единого швейцарского франка: было дополнительное условие в духе «сделай или умри!». Захария верил в то, что должен позаботиться о дочерях, но сыновья и внуки должны были отправляться на все четыре стороны и выкручиваться без какой-либо помощи от предков. Они должны были вкалывать, пока не заработают, накопят или добудут – не попав при этом в тюрьму – сумму, равную их доле капитала в трастовом фонде. Только тогда им начинал с нее капать доход.

– Сексизм, – сказала тетя Хильда. – Грубый, неприкрытый сексизм. Любая феминистка плюнула бы на его старые грязные деньги, услышав о таких условиях.

– А ты отказалась бы, Язва?

⁵⁸ Принята в 1913 г., изменила порядок выбора членов Сената: они стали избираться всеобщим голосованием. – *Прим. С. В. Голд.*

⁵⁹ Принята в 1920 г., предоставила избирательные права всем гражданам, независимо от пола. – *Прим. С. В. Голд.*

⁶⁰ Эти президенты изображены на долларовых банкнотах.

⁶¹ 24.10.1929 г. произошло массовое падение котировок на Нью-Йоркской фондовой бирже. В этой ситуации выиграли те, кто «сидел в шортах», т. е. ставил на понижение стоимости акций. – *Прим. С. В. Голд.*

⁶² 09.03.1933 г. президент Ф. Рузвельт особым указом прекратил работу банков, объявив «банковские каникулы». – *Прим. С. В. Голд.*

– Я? Зебби, дорогой, ты не заболел? Я бы тут же загребла их обеими руками. Конечно, я всегда за права женщин, но я не фанатик. Язва хочет, чтобы ее холили и лелеяли, и мужчины в этом хороши, это их природная функция.

– Папа, тебе не нужна помощь, чтобы с ней управляться?

– Нет, сынок. Мне нравится холить и лелеять Хильду. И я что-то не вижу, чтобы ты «управлялся» с моей дочерью.

– Я не смею, ты же мне сказал, что она прекрасно владеет карате.

(Это правда, папа сделал все, чтобы меня научили всем грязным приемчикам.)

– Когда я закончил школу, папа вызвал меня на разговор. «Зеб, – сказал он мне. – Пришло время. Ты можешь выбрать любой университет, какой захочешь, и я оплачу твою учебу. Или ты можешь взять все свои сбережения и в одиночку попробовать добиться своей доли в завещании дедушки. Решай сам, я не буду на тебя давить».

Мне тогда пришлось хорошо подумать. Младшему брату отца перевалило за сорок, а он *все еще* не получил наследства. Размер трастового фонда был таков, что для получения своей доли наследник мужского пола должен был разбогатеть собственными усилиями – стать как минимум состоятельным – после чего он тут же становился вдвое богаче. Но учитывая, что половина населения этой страны живет за счет налогов небольшого числа граждан, сегодня не так легко разбогатеть, как это было в дедушкины дни.

Выбрать оплаченное папой обучение в Принстоне или Массачусетском технологическом? Или плюнуть на это и попытаться разбогатеть, имея за плечами только школьное образование? Я немногому научился в старших классах, поскольку специализировался на девушках.

Поэтому мне пришлось серьезно и долго подумать. Примерно десять секунд. Назавтра я оставил дом, имея при себе чемоданчик и жалкую сумму денег.

Осел я в кампусе университета, который был хорош двумя вещами: курсы подготовки офицеров резерва для аэрокосмических сил, которые бы взяли на себя часть платы за обучение, и факультет физвоспитания, где готовы были дать мне стипендию в обмен на ежедневные синяки и ушибы, а также за то, что буду выкладываться по полной на всяческих соревнованиях. Сделка эта меня устроила.

– Чем ты занимался?

– Футбол, баскетбол и легкая атлетика – будь у них возможность, они бы заставили меня подписаться на что-нибудь еще.

– Я думал, что ты упомянешь фехтование.

– Нет, это другая история. Но стипендии все равно не хватало. Поэтому я ради еды подрабатывал официантом в забегаловке – еда была такая, что тараканы разбегались. Но это закрыло дыру в бюджете, и я пополнил его репетиторством по математике. Так я начал сколачивать капитал, чтобы пройти квалификацию.

Я спросила:

– Разве репетиторством по математике можно хоть что-то заработать? Я занималась этим еще до смерти мамы, и почасовая ставка была низковата.

– О, это были занятия *особого* сорта, моя принцесса. Я учил юных обеспеченных оптимистов не зарываться, набрав «стрит», и тому, что покер – вовсе не азартная игра, в отличие от крэпса, и что она подчиняется математическим законам, которые нельзя игнорировать безнаказанно. По словам дедушки Захарии: «Человек, который ставит на жадность и нечестность, редко ошибается». Удивительно много жадных людей, а выиграть у нечестного игрока даже легче, чем у честного... и никто из них, как правило, не умеет подсчитывать шансы при игре в крэпс, особенно на побочных ставках, или подсчитывать шансы в покере, то, как они меняются в зависимости от количества игроков, от того, где кто сидит относительно сдающего, и как рассчитывать вероятности, когда карты ложатся на стол.

Вот с тех пор я и не пью, моя дорогая, кроме особых случаев. Любая «дружеская» игра заканчивается тем, что некоторые остаются внакладе, другие остаются с прибылью, и тот, кто намерен попасть во вторую группу, не должен быть ни пьяным, ни усталым. Папа, тени удлиняются, и я не думаю, что кому-то еще интересно слушать, как я добыл свою бесполезную ученую степень.

– Мне интересно! – воскликнула я.

– И мне! – добавила тебя Хильда.

– Сынок, ты проиграл это голосование.

– Хорошо. Получив диплом, я два года провел на действительной службе. Небесные жокеи – еще более оптимистичные ребята, чем студенты, и денег у них побольше. А тем временем я продолжал изучать математику и инженерные дисциплины. Меня отправили в запас как раз вовремя, чтобы снова призвать на Войну Судорог. Обошелся без ранений; я был в большей безопасности, чем гражданские. Но это отняло у меня еще год, несмотря на то, что бои практически закончились, когда я прибыл на место несения службы. Это сделало меня ветераном со всеми ветеранскими льготами. Я отправился на Манхэттен и снова пошел учиться, уже в аспирантуру. Педагогика. Поначалу совсем несерьезно, просто хотел использовать свои ветеранские льготы, одновременно наслаждаясь возможностью снова побыть студентом. Большую часть времени я занимался накоплением денег, чтобы добраться до своего наследства.

Я знал, что в педагогических университетах самые тупые студенты, самые глупые профессора и самые идиотские курсы обучения.

Записавшись на вечерние лекции по общим предметам и очень непопулярные утренние – на восемь утра, я рассчитывал потратить большую часть своего времени на изучение фондового рынка. И я изучил его, работая на бирже, прежде чем рискнул хотя бы десятью центами.

В конце концов, мне пришлось выбирать тему для исследования или отказаться от прелестей ученической жизни. Мне надоела учеба, это был торг из сплошного безе, без всякой начинки, но я держался, потому что знал, как надо отвечать, когда ответы – это всего лишь мнения, а единственное мнение, которое имеет значение, принадлежит профессору. И знал, как справиться с вечерними лекциями по общим предметам: надо просто купить готовые конспекты. Прочитай все, что когда-либо опубликовал профессор. Не пропускай лекции слишком часто, а когда приходишь, приходи пораньше, садись в центре первого ряда и убедись, что проф ловит твой взгляд, когда смотрит в твою сторону, то есть попросту не отводи глаз от него. Задай ему тот единственный вопрос, на который он точно сможет ответить, потому что ты вычитал его в одной из опубликованных работ – и называй свое имя, когда вылезешь с вопросом. К счастью, такое имя, как «Зебадия Картер», легко запомнить. Эх, семья, я получил отличные оценки по всем курсам и семинарам... поскольку я не изучал педагогику, я изучал профессоров педагогики.

Но от меня все еще ждали, что я сделаю «оригинальный вклад в человеческие знания», без которого кандидат не может получить докторскую степень в большинстве так называемых дисциплин... а в тех немногих, где этот вклад не требуется, нужно пахать как лошадь.

Я изучил свой ученый совет, прежде чем связать себя темой для исследований... Я не только прочел все, что опубликовал каждый из них, но даже купил их публикации или заплатил библиотеке, чтобы мне сделали копии тех работ, которых уже не было в продаже.

Муж взял меня за плечи:

– Дея Торис, сейчас ты услышишь название моей диссертации. Если что, то ты сможешь получить развод на своих условиях.

– Зебадия, не говори так!

– Тогда держись крепче. «Специализированное исследование относительно оптимизации инфраструктуры институтов начального образования на стыке между администрированием и преподаванием с особым вниманием к пробелам в групповой динамике».

- Зебби, что это значит?
- Это не значит ничего, Хильда.
- Зеб, хватит издеваться над дамами. Такое название никогда бы не утвердили.
- Джейк, похоже, ты никогда не учился в педагогическом университете.
- Ну... нет. Это не требуется для преподавания на уровне университета, но...
- Никаких «но», папа. У меня есть экземпляр диссертации, ты можешь сам проверить

ее подлинность. Хотя эта работа совершенно лишена смысла, она является литературным шедевром, в том же смысле, как успешная подделка «старого мастера» сама по себе является предметом искусства. Она полна жужжащих слов. Средняя длина предложения – восемьдесят одно слово. Средняя длина слова, если убрать предлоги, артикли и прочие грамматические частицы – одиннадцать с лишним букв, то есть чуть меньше четырех слогов. Библиография длиннее самой диссертации, в ней упомянуты по три работы каждого из членов ученого совета и четыре – председателя... но все цитаты в тексте нарезаны так, чтобы избежать любого упоминания тем, по которым члены совета имеют разные, пусть и одинаково глупые, мнения.

Но лучшим моим достижением было разрешение на проведение полевых работ в Европе, которые были зачтены как время, проведенное в кампусе. Половина цитат была на иностранных языках – от финского до хорватского, – а переведенные фрагменты ничем не противоречили мнениям моего ученого совета. Мне пришлось аккуратно изымать их из контекста, чтобы этого добиться, но зато я был уверен, что этих работ нет в кампусе и что никто из оппонентов не озаботится их поиском, даже если бы они вдруг там были. Большинство членов совета не в ладах с другими языками, даже такими простыми, как французский, немецкий и испанский.

Но я не тратил время на поддельные полевые работы, я просто хотел отправиться в Европу по студенческим тарифам на авиабилеты и использовать студенческие hostels – самый дешевый способ путешествовать. И заодно посетить дедушкиных поверенных...

Хорошие новости! Фонд вложился в «голубые фишки», гособлигации с высшим рейтингом и спекулятивные акции, котировки которых в этот момент росли. Из-за этих вложений текущая денежная стоимость фонда снизилась, хотя доходы его выросли. Вдобавок парочка моих двоюродных братьев и один дядя добились своей доли, и это еще больше снизило мой порог вхождения в наследство... итак, вот он, момент истины! – до цели было рукой подать. Я привез с собой все свои сбережения, поклялся перед нотариусом, что это все мое, никаких займов, никаких папочкиных денег – и положил на депозит в Цюрихе, под присмотр тех же поверенных. А потом рассказал им о моей коллекции марок и монет.

Хорошие марки и монеты никогда, никогда не падают в цене, они только поднимаются. В моей коллекции были исключительно корректурные оттиски, конверты первого дня и неразрезанные листы марок с полями, все в идеальном состоянии – я захватил с собой нотариально заверенный каталог и заключение эксперта. Поверенные заставили меня поклясться, что все это приобретено на заработанные деньги (истинная правда, первые экземпляры я купил на гонорары от стрижки газонов), и обещали сохранить за мной мою долю наследства по курсу на текущую дату (или по более низкому, если снижение стоимости фонда будет продолжаться), если я по возвращении в Штаты продам свою коллекцию и незамедлительно переведу полученные деньги на счет в Цюрихе.

Я согласился. Один из поверенных пригласил меня на обед, попытался спойть, а потом предложил десять процентов сверх оценочной стоимости, если я продам ему всю коллекцию сегодня, а потом переправлю в Швейцарию курьером, за его счет, благо курьеры мотаются между Европой и Америкой каждую неделю.

Мы пожали друг другу руки, вернулись и проконсультировались с другими поверенными. Я подписал бумаги о передаче права собственности, поверенный подписал свой чек, а я уведомил поверенных о переводе денег на мой счет в Цюрихе. Через три недели пришло сообщение, что коллекция полностью соответствует описанию, и я получил наследство.

Через пять месяцев мне была присуждена степень доктора философии, *summa cum laude*⁶³. И это, дорогие мои, самая постыдная история моей жизни. Ну что, кто-то набрался энергии, чтобы поплавать?

– Сынок, если во всем этом есть хоть слово правды, то это на самом деле постыдная история.

– Папа! Ты несправедлив! Зебадия играл по *их* правилам – и обыграл их!

– Я не говорю, что *Зеб* должен чего-то стыдиться. Это относилось к американской системе высшего образования. Диссертация, которую, по словам Зеба, он написал, ничуть не хуже того мусора, что принимается диссертационными советами в наши дни – я это *знаю*. Его случай – единственный на моей памяти, когда умный и способный ученый – ты, Зеб – решился показать, что «заслуженная» степень «д.ф.» может быть присвоена известным учебным заведением – я знаю каким – в обмен на намеренно бессмысленное псевдоисследование. Более типичная ситуация, когда глупые, лишенные чувства юмора юнцы занимаются подсчетом пуговиц под руководством глупых и лишенных чувства юмора старых дураков. Я не знаю, как это прекратить, болезнь зашла слишком далеко. *Единственный* выход – срубить систему под корень и начать с нуля, – тут мой отец пожал плечами. – Но это невозможно.

– Зебби, – вмешалась тетя Хильда, – что ты делаешь в нашем кампусе? Я никогда не спрашивала.

Мой муж ухмыльнулся:

– Во многом то же, что и ты, Язва.

– Я ничего не делаю. Я наслаждаюсь жизнью.

– Вот и я тоже. Если полистать списки – я записан как «профессор-исследователь», проживающий по месту работы. Изучение бухгалтерских книг университета подтвердит, что мне платят жалованье, соответствующее ученой степени. Дальнейшее исследование покажет, что несколько большую сумму переводят в общий фонд университета некие поверенные из Цюриха... все время, пока я остаюсь в кампусе, хотя это условие нигде не записано. Мне нравится жить в кампусе, Язва. Это дает мне привилегии, которые недоступны варварам, обитающим за его стенами. Иногда я читаю курс-другой, когда нужно заменить кого-то, кто взял академический отпуск или заболел.

– Что? Какие курсы? На каком факультете?

– На любом, кроме педагогического. Математика для инженеров. Курс общей физики. Термо – чтоб ее – динамика. Детали машин. Фехтование – сабля и дуэльный меч. Плавание и – не смейся! – английская поэзия от Чосера до эпохи Елизаветы. Мне нравится преподавать что-то стоящее. Никакой платы за эти курсы я не беру – мы с ректором хорошо понимаем друг друга.

– Зато я не уверена, что понимаю тебя, – сказала я, – но все равно тебя люблю. Давайте пойдем, поплаваем.

⁶³ *Summa cum laude* – с высшим отличием (лат.). – Прим. С. В. Голд.

– X – Зебадия

Прежде чем отправиться к бассейну, наши жены поспорили насчет того, как одевались воины Барсума. Дискуссию осложнил тот момент, что я был единственным полностью трезвым в компании. Пока я рассказывал свою «постыдную историю», Джейк не раз обновил свой стакан со скотчем и обрел дар красноречия. Супруги наши ограничились хайболом каждая, но если Дити после одного стакана лишь развинулась, то масса Язвы столь мала, что после той же дозы она просто окосела.

Мы с Джейком решили отправиться плавать во всеоружии, раз наши принцессы нацепили на нас клинки, мы будем их носить. Только Дити попросила, чтобы я снял испачканные в машинном масле шорты, в которых я работал.

– Капитан Джон Картер никогда не носит одежды, – заявила она. – Он прибыл на Барсум нагим, и после этого он никогда не носил ничего, кроме собственной кожи и оружия воина. Украшенные драгоценными камнями кожаные доспехи для торжественных случаев, обычные кожаные доспехи для битвы и шелка для сна по ночам. Барсумцы не носят одежд. Когда Джон Картер впервые увидел Дею Торис... – тут Дити закрыла глаза и процитировала: – «Она была так же лишена одежды, как и сопровождающие ее зеленые марсианки. За исключением украшений очень тонкой работы, она была совершенно обнажена...»⁶⁴ – Дити открыла глаза и посмотрела на меня торжественно. – Женщины никогда не носят одежду, только украшения.

– Слишком нн... ик! ххладно, – икнув, заметил ее отец, – Пршу прщен'я.

– Если становилось холодно, они закутывались в меха, папа. Я хотела сказать, Морс Каяк, мой уважаемый отец.

– Да не пр... хладно, а нн-накладно, – ответил Джейк, старательно выговаривая слова. – Звон клинков и сверканье мечей, мужчине не захочется, чтобы его фамильные сокровища болтались на ветру, стуча по коленям, и все такое прочее... Отвлекает! Кроме того, их могут срубить. Верн', капитан Джон Картер?

– Логично, – согласился я.

– Кром' того, на иллюстрациях рисуют мужчин в набедренных повязках. Возможен' с осталь... со стальными прокладками. Я бы носил.

– Эти картинки рисовали в начале двадцатого века, папа. Время цензуры. А по тексту все очевидно – оружие для мужчин, украшения для женщин, меха для холодной погоды.

– Я знаю, как мне нужно одеться, – влезла Язва. – Тувия носила драгоценности на лентах полупрозрачной ткани – я помню картинку на обложке. Никакой одежды. Так, кое-что, куда можно прикрепить украшения. Дити... я имею в виду, Дея Торис... у тебя есть легкий шарф, который я могу позаимствовать? К счастью, на мне были жемчуга, когда Морс Каяк похитил меня.

– Язва, ты не можешь быть Тувией, – возразил я. – Она вышла замуж за Карториса. Морс Каяк – или Морс Ка Джейк, возможно, разница в произношении, – вот кто твой муж.

– Именно Морс Джейк и есть мой муж! Но я его *вторая* жена, это все объясняет! Однако недостойно военного вождя обращаться к принцессе Дома Птарса как к «Язве», – тут миссис Берроуз вытянулась во все свои сто пятьдесят два сантиметра и попыталась выглядеть оскорбленной.

– Мои искренние извинения, ваше высочество.

Язва захихикала:

⁶⁴ Э. Берроуз, «Принцесса Марса», перевод Э. Бродерсен. – Прим. С. В. Голд.

– Не могу долго злиться на нашего вождя. Дея Торис, дитя, найдешь зеленый тюль? Голубой? Только не белый.

– Я посмотрю.

– Леди, – возразил я, – если мы не пойдем прямо сейчас, то бассейн остынет. Можете заняться пришиванием жемчужин сегодня вечером. И кстати, откуда жемчуг на Барсуме? Дно мертвых морей пусто, никаких устриц.

– Из Коруса, потерянного Моря долины Дор, – объяснила Дити.

– Они сделали тебя, сынок. Но я либо пойду купаться прямо сейчас, либо выпью еще стаканчик... а потом еще один и еще. Я так много работал. Сплошной напряг. Столько всего свалилось.

– Хорошо, папа. Идем плавать. Тетя Хи... Тувия?

– Готова, Дея Торис. Чтобы спасти Морса Джейкоба от него самого. Но я *не надену* земных одежд. Ты можешь прихватить мою норковую накидку, вдруг будет холодно возвращаться.

Джейк превратил свой саронг в набедренную повязку, которую подоткнул под ремень сабли. Я заменил грязные шорты на плавки, которые Дити снисходительно назвала «почти барсумскими». К этому моменту я больше не зависел от гардероба Джейка, поскольку в моем дорожном наборе, который всегда в багажнике, есть все от паспорта до пончо. Язва облачилась в жемчуга и кольца, которые носила на вечеринке, еще она обмотала вокруг талии шарф, на который повесила всю бижутерию, которую Дити смогла откопать. Дити же несла норковую накидку Хильды, а потом завернулась в нее.

– Мой капитан, подари мне когда-нибудь такую же.

– Я лично освежую несколько норок, – пообещал я.

– О боже! Я думала, она синтетическая.

– Я так не думаю. Спроси Хильду.

– Я лучше не буду спрашивать. И – я согласна на синтетику.

Я сказал:

– Моя возлюбленная принцесса, ты ешь мясо. Норки – злобные хищники, и те из них, что идут на мех, выращиваются именно для этой цели, их вовсе не ловят по лесам. Их содержат в хороших условиях, потом гуманно убивают. Если бы твои предки не проливали крови ради мяса и меха во время последнего оледенения, то тебя бы тут просто не было. Нелогичные чувства ведут к трагедиям, которые можно увидеть в Индии и Бангладеш.

Дити некоторое время молчала, пока мы шли за Джейком и Хильдой в сторону бассейна.

– Мой капитан... Зебадия...

– Да, Дити?

– Я горжусь тем, что ты сделал меня своей женой. Я постараюсь быть хорошей женой... и твоей принцессой.

– Ты уже и то, и другое. И всегда будешь. Дея Торис, моя принцесса и единственная любовь, пока я не встретил тебя, я был всего лишь мальчишкой, что развлекался с большими игрушками. Сейчас я мужчина. И у меня есть жена, которую нужно защищать и лелеять... и ребенок, которого мы запланировали. Я наконец-то живу по-настоящему! Эй! Ты чего это носом шмыгаешь? Прекрати!

– Прости, не могу сдержаться!

– Ну... не закапай накидку Хильды.

– Дай мне платок.

– У меня даже салфетки с собой нет, – я утер ее слезы собственными пальцами. – Успокойся. Поплачешь на мне позже. В постели.

– Давай ляжем пораньше.

– Сразу после ужина. Ну все, больше не шмыгаешь?

– Кажется, нет. Интересно, беременные все время плачут?

– Говорят, да.

– Ладно... но я больше не собираюсь это делать. У меня нет причин плакать, ведь я ужасно счастлива.

– Полинезийцы умеют, как они говорят, «плакать от счастья». Возможно, ты именно этим и занимаешься.

– Я думаю, что да. Но я постараюсь этого не делать на людях, – Дити начала стаскивать накидку с плеч. – Слишком жарко, и без нее хорошо... – тут она остановилась и неожиданно вернула накидку на место. – Кто это к нам поднимается?

Я поднял глаза и увидел, что Джейк и Хильда добрались до бассейна, и еще увидел фигуру, что поднималась к ним из-за валуна, запрудившего ручей.

– Я не знаю. Держись сзади, – и я поспешил к бассейну.

Незнакомец был одет как федеральный рейнджер. Подойдя ближе, я услышал, как он обратился к Джейку:

– Вы – Джейкоб Берроуз?

– А почему вы спрашиваете?

– Так вы или нет? Если да, то у меня есть к вам дело. Если нет, то вы нарушитель. Это федеральная земля, доступ сюда ограничен.

– Джейк! – позвал я. – Кто это?

Чужак повернул голову:

– А вы кто?

– Неверный ход, – ответил я. – Вы не назвали себя.

– Не смешите меня, – сказал незнакомец. – Вам известна эта униформа. Я Бенни Хайбл, местный рейнджер.

Я ответил, осторожно подбирая слова:

– Мистер Хайболл, вы человек в униформе, с кобурой на поясе и значком. Но это не делает из вас федерального служащего. Покажите документы и изложите свое дело.

Чужак в форме вздохнул.

– У меня нет времени слушать ваши умные речи, – он положил ладонь на рукоятку пистолета. – Если кто-то из вас Берроуз, назовитесь. Я собираюсь обыскать ваш домик и участок. Из Соноры возят наркоту, и совершенно ясно, что тут перевалочный пункт.

Дити неожиданно выступила вперед и быстро встала рядом с отцом.

– Где ваш ордер на обыск? Покажите документы! – накидка была обернута вокруг нее, лицо дрожало от негодования.

– Еще одна! – тут этот клоун взял и расстегнул кобуру. – Федеральная земля – вот мои документы!

Дити резко сбросила накидку и оказалась перед ним обнаженной.

Я выдернул клинок, сделал выпад и полоснул его одним движением – рассек запястье, прикрылся клинком, потом выпад вверх, в живот повыше ремня. Когда острое вошло в его тело, сабля Джейка ударила с такой силой, что чужак едва не лишился головы. Он рухнул, точно марионетка с перерезанными струнами, и остался лежать на краю бассейна, из трех ран лилась кровь.

– Зебадия, прости!

– За что, моя принцесса? – спросил я, вытирая лезвие о форму якобы рейнджера.

Цвет его крови вызвал у меня отвращение.

– Он не отреагировал! Я думала, что мой стриптиз даст тебе больше времени.

– Ты отвлекла его, – заверил я. – Он следил за тобой и не смотрел в мою сторону. Джейк, у каких тварей бывает сине-зеленая кровь?

– Я не знаю.

Подошла Язва, присела на корточки, мазнула палец кровью и понюхала.

– Гемоцианин, я думаю, – проговорила она спокойно. – Дити, ты была права. Чужак. Самый крупный представитель земной фауны, который использует такой метод переноса кислорода – омар. Но эта тварь не омар, это «Черная Шляпа». *Как вы догадались?*

– Я не догадалась. Но он неправильно себя вел. Рейнджеры вежливы. И никогда не отказываются предъявить документы.

– И я не догадался, – признался я. – Никаких подозрений, просто раздражение.

– Ты двигался очень быстро, – одобрил Джейк.

– Я никогда не понимаю, почему делаю что-то, пока ситуация не завершится. Однако ты и сам не терял времени зря, *tovarishch*. Вытащить саблю, пока он потянулся за пистолетом – это требует смелости и скорости. Но не время болтать – *где его дружки?* Нас могут перехватить по дороге к дому.

– Посмотри на его штаны, – заметила Хильда. – Он не приехал сюда верхом на лошади. И не слишком долго карабкался в гору. Джейк, тут нет рядом дороги, где может пройти джип?

– Нет. Сюда не добраться на джипе, только верхом.

– И сверху никто не пролетал. Ни вертолет, ни аэрокар.

– Континуумоход, – сказала Дити.

– Что?

– Зебадия, «Черные Шляпы» – чужаки, которые не хотят, чтобы папа создал машину времени-пространства. Мы это *установили*. Отсюда следует, что *у них* есть свой континуумоход. Что и требовалось доказать.

Я подумал над этим.

– Дити, я готов приносить тебе завтрак в постель. Джейк, как мы можем засечь континуумоход чужаков? Он ведь не обязан выглядеть как «Гэй Обманщица»?

Джейк нахмурился:

– Нет. *Любой* формы. Но одноместный будет не больше телефонной будки.

– Если он одноместный, то должен быть припаркован в тех кустах, – я показал пальцем. – Мы можем его найти.

– Зебадия, у нас *нет времени* на поиски! – воскликнула Дити. – Мы должны *убраться* отсюда! *Быстро!*

Джейк сказал:

– Моя дочь права, но не по этой причине. Его машина вовсе не должна его ждать. Ее можно припарковать на бесконечно малом расстоянии по любой из шести осей, и она либо возвращается автоматически по заранее введенной программе, либо по какому-то сигналу, наличие которого мы можем предполагать, но природу которого не в состоянии описать. Континуумохода чужаков там нет *сейчас*... но он *будет* там – позже. Чтобы забрать пассажира.

– В таком случае, Джейк, мы с тобой и девчонки обязаны смыться из здесь-и-сейчас в там-и-тогда. Исчезнуть. Сколько продолжается наш тест на герметичность? Который сейчас час?

– Семнадцать семнадцать, – мгновенно отозвалась Дити.

Я посмотрел на жену.

– Голая как лягушка. Где ты прячешь свои часы, дражайшая моя? Очевидно, не там.

Она показала мне язык.

– Дурачок. Часы у меня в голове. Я стараюсь не упоминать об этом, потому что люди начинают странно на меня смотреть.

– У Дити врожденное чувство времени, – подтвердил ее отец, – с точностью до тринадцати секунд плюс минус четыре секунды. Я измерял.

– Мне жаль, Зебадия, – я не хотела выглядеть уродцем.

– Жаль *чего*, моя принцесса? Я впечатлен. А что ты делаешь с часовыми поясами?

– То же самое, что и ты. Прибавляю или вычитаю, если это необходимо. Дорогой, внутри *каждого из нас* есть встроенный суточный ритм. Просто мой чуть более точный, чем у большинства людей. Это как абсолютный слух – у одних он есть, у других нет.

– Может быть, ты еще и человек-калькулятор?

– Да... но компьютеры настолько быстрее, что я теперь этим почти не занимаюсь. За исключением одной вещи – у меня чутье на глюки в программе – я вижу неверные ответы. А заметив, начинаю искать мусор в программе. Если не нахожу ошибок, то приглашаю спеца по оборудованию. Но сладкий мой, давай обсудим мои странности позже. Папа, давай утопим это *создание* в отстойнике и уедем. Я нервничаю, и даже очень.

– Не так быстро, Дити, – Хильда все еще сидела на корточках рядом с трупом. – Зебби, проверь свою интуицию. Мы в опасности?

– Ну... не в данный момент.

– Хорошо. Я хочу анатомировать это существо.

– Тетя Хильда!

– Дити, прими милтаун. Джентльмены, Библия или кто-то еще сказал: «узнай врага своего». Это единственная «Черная Шляпа», которую мы видели... и он не человек и не рожден на Земле. Перед нами лежит кладезь знаний, и ее не следует сбрасывать в отстойник, пока мы не узнаем как можно больше. Джейк, пощупай здесь.

Муж Хильды опустился на колени, она взяла его за руку и провела ей по волосам «рейнджера».

– Чувствуешь эти шишки, дорогой?

– Да!

– Похоже на рожки только что родившегося ягненка, ведь так?

– О... «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон»!

Я тоже присел на корточки и пощупал набухшие рожки.

– Вот проклятье! Он вышел из земли – по крайней мере, поднялся по этому склону – и говорил как дракон. То есть недружелюбно, а все драконы, о которых я слышал, говорили злобно или вообще изрыгали огонь. Хильда, когда ты будешь разделывать эту тварь, то поищи в ней Число Зверя.

– Так и сделаю. Кто поможет мне доставить этот образец в дом? Ищу троих добровольцев.

Дити глубоко вздохнула:

– Я один из них. Тетя Хильда... ты обязательно должна это делать?

– Дити, это нужно делать в институте Джона Хопкинса, где есть рентген, надлежащие инструменты и цветное головидение. Но здесь и сейчас я лучший биолог, поскольку я единственный биолог. Девочка моя, ты вовсе не обязана на это смотреть. Тетя Язва ассистировала в операционной неотложке, когда туда сносили пациентов после аварии из пяти машин... для меня кровь – просто грязь, которую нужно убрать. Зеленая кровь в этом смысле меня особенно не беспокоит.

Дити сглотнула.

– Я помогу нести. Я же *сказала*, что помогу!

– Дея Торис!

– Сэр? Да, мой капитан?

– Отойди в сторону. Возьми это. И это, – я отстегнул шпагу, снял ремень и плавки и отдал все это Дити. – Джейк, помоги мне поднять его на плечи... да, «захват пожарного».

– Я лучше помогу нести, сынок.

– Нет, в одиночку я управлюсь с ним лучше, чем мы вдвоем. Язва, где ты хочешь работать?

– На обеденном столе.

– Тетя Хильда, я не хочу, чтобы эта штука была на моем... Ой! Прошу прощения, теперь это *твой* обеденный стол.

– Прошу, если признаешь, что это *наш* обеденный стол. Дити, сколько раз я должна повторять, что *не собираюсь* выжить тебя из твоего собственного дома? Мы со-домохозяйки, и мое старшинство просто означает, что я на двадцать лет старше. К моему сожалению.

– Хильда, дорогая, что ты скажешь насчет верстака в гараже, покрытого клеенкой, и бес-теневого лампы над ним?

– Я скажу «клево»! Я не думаю, что обеденный стол – это место для вскрытия. Но я не смогла придумать ничего другого.

С помощью Джейка я взгромоздил эту чертову тушу себе на плечи в «захвате пожарного». Дити отправилась вперед, держа мою шпагу, ремень и плавки в одной руке, чтобы другой цепляться за мою свободную ладонь – несмотря на предупреждение, что она может испачкаться кровью чужака.

– Нет, Зебадия, это были детские страхи. Я не позволю им овладеть мной снова. Мне нужно победить всякую брезгливость, ведь скоро мне придется менять пеленки.

Потом она немного помолчала и добавила:

– Я первый раз видела смерть. Человека, я имею в виду. Следовало бы сказать «чужака-гуманоида»... но я-то думала, что это был человек. Однажды я видела, как щенок попал под колеса, и меня тогда стошнило. Хотя это был не мой щенок и близко я не подходила. Взрослый человек должен встречать смерть лицом, разве не так?

– Встречать лицом, да, – согласился я. – Но вовсе не черстветь душой при этом. Дити, я видел слишком много смертей. Но я так и не сумел к этому привыкнуть. Нужно принять смерть, научиться ее не бояться, а после никогда не беспокоиться по этому поводу. «Пусть только сегодня идет в счет»⁶⁵ – как сказал мне друг, чьи дни были сочтены. Живи в таком состоянии духа, и когда смерть придет, она придет как долгожданный друг.

– Ты говоришь во многом так же, как моя мама говорила мне перед смертью.

– Твоя мать наверняка была необычной женщиной. Дити, за две недели, что мы знакомы, я слышал так много о ней от вас троих, что мне кажется, будто я знал ее. Друг, которого не видел последнее время. Все говорит, что она была мудрой женщиной.

– Я тоже так думаю, Зебадия. И конечно, она была доброй женщиной. Иногда, если передо мной стоит тяжелый выбор, я спрашиваю себя: «Что бы сделала мама?» – и все становится на свои места.

– И мудрая, и добрая... и ее дочь такая же. Да, сколько тебе лет, Дити?

– Это имеет значение, сэр?

– Нет. Любопытство.

– Я написала дату рождения на заявлении о вступлении в брак.

– Любимая, моя голова тогда кружилась так сильно, что я едва помнил, когда сам родился. Но я не должен был спрашивать, ведь возраст у мужчин, а у женщин – дни рождения. Я хочу знать, когда твой день рождения, и мне не нужен год.

– Двадцать второго апреля, Зебадия, на день раньше Шекспира.

– «Ни возрасту не иссушить ее»...⁶⁶ Женщина, а ведь ты хорошо сохранилась!

– Спасибо, сэр.

– Этот дурацкий вопрос возник потому, что я решил, что тебе двадцать шесть... исходя из того, что у тебя есть докторская степень. Хотя ты выглядишь моложе.

– Я думаю, что двадцать шесть – вполне подходящий возраст.

⁶⁵ Возможно, цитата из Мухаммеда Али: «Не считай дни, пусть каждый день идет в счет». – Прим. С. В. Голд.

⁶⁶ В. Шекспир, «Антоний и Клеопатра», пер. О. Сороки.

– Я не спрашивал, – поспешно сказал я. – Я запутался, потому что знаю возраст Хильды... потому что слышал, как она заявляет, что на двадцать лет старше тебя. И все это никак не бьется с моей более ранней оценкой, которая базируется на предполагаемом возрасте окончания школы и сроке, необходимом для получения двух степеней.

Джейк и Хильда задержались у бассейна, где Джейк отмывал руки и убирал с тела пятна крови чужака. Не обремененные грузом, они поднимались по дорожке быстрее нас и оказались точно позади в тот момент, когда Дити ответила:

– Зебадия, я вообще не заканчивала школу.

– Ого.

– Это правда, – подтвердил ее отец. – Дити приняли в университет по результатам вступительных экзаменов. В четырнадцать. Никаких проблем, поскольку она оставалась дома и не занимала места в общежитии. Степень бакалавра получила за каких-то три года... И это было очень здорово, поскольку Джейн успела дожить до того, чтобы увидеть, как Дити лихо трясет кисточкой на академической шапочке. Джейн сидела в инвалидном кресле, счастливая как ребенок – врач сказал, что такие эмоции ей точно не повредят... он имел в виду, что она все равно умирает, – он помолчал и добавил: – Если бы ее матери было отпущено еще три года, она бы увидела, как Дити получает доктора... это было два года назад.

– Папа... иногда ты такой болтун!

– Я сказал что-то не то?

– Нет, Джейк, – заверил я его. – Но я только что узнал, что связался с малолеткой. Я, конечно, подозревал, но не знал точно. Дити, дорогая, тебе двадцать два.

– Двадцать два – неподходящий возраст?

– Нет, моя принцесса. То, что надо.

– Мой капитан сказал, что у женщин дни рождения, а у мужчин – возраст. Позволено ли мне узнать ваш возраст, сэр? Я тоже не уделила особенного внимания той форме, которую мы заполняли.

Я торжественно ответил:

– Но Дея Торис знает, что капитану Джону Картеру несколько веков, что он не помнит собственного детства и всегда выглядит на тридцать лет.

– Зебадия, если это твой возраст, то у тебя это были очень занятые тридцать лет. Говоришь, что покинул дом, закончив школу, потом у тебя был колледж, три года на действительной службе, затем получение докторской степени...

– Фальшивой!

– Срок обучения в аспирантуре это не уменьшает. Тетя Хильда говорит, что ты был профессором четыре года.

– Хм... тебя устроит разница между нами в девять лет?

– Меня устроит все, что ты скажешь.

– Опять начал свои увертки, – вмешалась Язва. – Его выгнали из двух других кампусов. Скандалы со студентками. Потом он обнаружил, что в Калифорнии это никого не волнует, и перебрался на запад.

Я постарался изобразить оскорбленную невинность.

– Дорогая Язва, я *всегда* женился на них. Но одна девочка оказалась уже замужней, а в другом случае ребенок был не от меня, она просто задурила мне голову.

– Правды ты в нем не найдешь, Дити. Но он храбрый, моется каждый день, и он богат... и мы все равно его любим.

– Правды не найдешь и в тебе, тетя Хильда. Но мы все равно тебя любим. В «Маленьких женщинах» говорится, что невеста должна быть в два раза моложе жениха плюс семь лет. У нас с Зебадией все почти по канону.

– Это правило делает из меня старую каргу. Джейкоб, мне столько же, сколько Зебби – тридцать один. Но нам с ним уже целую вечность тридцать один.

– Готов поспорить, что он почувствует весь груз прожитых лет, когда затащит эту тварь на гору. Атлант, ты сможешь поддержать свою ношу еще немного, пока я открываю гараж, вытаскиваю и готовлю верстак? Или помочь положить ее на землю?

– Тогда мне придется поднимать ее снова, так что нет. Но ты давай, не тяни.

– XI – Зебадия

Я ощутил себя лучше после того, как сгрузил тело «рейнджера», а двери гаража закрылись за нашими спинами. Я сказал Хильде, что не чувствую «непосредственной» опасности, но мой неприрученный талант не предупреждает меня до самого Момент Истины. «Парни в Черных Шляпах» нашли, где мы прячемся. А может, никогда и не теряли; наши уловки сработали бы, имей мы дело с гангстерами-людьми, но это были чужаки, о чьих способностях, мотивах и планах мы не могли догадываться.

Возможно, мы наивны, как котенок, который спрятал голову в убежище и думает, что его никто не видит, не подозревая, хотя его маленький хвостик предательски торчит наружу.

Они были чужаками, могущественными и многочисленными (сколько их, три тысячи? три миллиона? мы не знаем Число Зверя) – и они знали, где мы прячемся. Правда, мы убили одного из них – но только потому, что нам повезло, а не потому, что мы это спланировали. «Рейнджера» скоро хватятся, и нам придется иметь дело с большими силами.

Геройское безрассудство меня никогда не привлекало. Если есть шанс удрать, я удираю. Я, конечно, не брошу ведомого перед лицом неприятеля и тем более не оставлю жену и неродившегося ребенка. Чего я хотел, так это того, чтобы *мы все* убрались отсюда – я, моя жена, мой кровный брат, который также и мой тесть, и его жена, моя подружка Язва, смелая, практичная, умная и не брезгливая (ее способность шутить в зубах Молоха вовсе не недостаток, это источник воодушевления).

Я хотел, чтобы мы *свалили* отсюда как можно скорее – по оси «тау», по оси «тэ», вращением, перемещением – как угодно и куда угодно, лишь бы там не кишела эта мерзость с зеленой кровью.

Я проверил манометр и почувствовал себя получше: внутреннее давление Гэй не упало. Не стоило ожидать, что она станет космическим кораблем – у нее нет оборудования для рециркуляции воздуха. Но было приятно знать, что она в состоянии держать давление много дольше, чем потребуется для возвращения домой в экстренной ситуации – если противник не понадевает дырок в ее изящной оболочке.

Из гаража я прошел в дом, вымылся горячей водой с мылом, повторил процедуру, вытерся насухо и только после этого почувствовал себя достаточно чистым, чтобы поцеловать жену – что я и сделал. Дети, не размыкая рук, доложила:

– Ваши вещи упакованы, сэр. Сейчас закончу со своими, только запланированный вес и объем, ничего, кроме практичной одежды...

– Милая.

– Да, Зебадия?

– Возьми ту одежду, в которой мы вступали в брак. И то же самое для Джейка и Хильды. Плюс парадную форму твоего отца. Или она сгорела в Логане?

– Но Зебадия, ты же сам сказал: только походную одежду.

– Все верно. Чтобы напомнить, что мы не знаем, в каких условиях окажемся, и не знаем, как долго будем отсутствовать и вернемся ли вообще когда-нибудь. Поэтому я внес в список все, что может пригодиться первопроходцам на девственной планете – на случай, если мы там застряем и не сможем вернуться домой. Все от микроскопа Джейка и приборов для тестирования воды до инструментов и технических справочников. И еще оружие – и порошок от блох. Но, возможно, нам придется играть роль посланцев человечества при дворе Его Беспредельного Величества, Повелителя Галактической Империи в тысяча третьем континууме. И тогда нам понадобятся самые пышные одеяния, какие мы только сможем добыть. Мы *ничего* не знаем и *не можем* предугадать.

– Я бы предпочла остаться первопроходцем.

– У тебя может не оказаться выбора. Когда ты рассчитывала вес, ты не забыла о местах, промаркированных «Предназначено для массы такой-то и такой-то – список последует»?

– Конечно. Общая масса ровно сто килограмм, что мне показалось странным. Пространства чуть меньше одного кубического метра, оно распределено по разным уголкам.

– Это для тебя, курносая моя. И для папы и Хильды. Массу можно превысить на пятьдесят процентов, если что, я скажу Гэй подправить баланс. Захватишь старую куклу? Любимое одеялко, под которым пряталась от чудовищ? Книгу стихов? Семейные фото? Бери все, что хочешь!

– Обалдеть!

(Мне больше всего нравится смотреть на жену, когда у нее загораются глаза и она становится похожей на маленькую девочку.)

– Мне места не нужно. У меня и так все с собой. А что насчет обуви для Хильды?

– Она заявила, что ей никакая обувь не нужна и что у нее на ногах мозоль на мозоли. Но я знаю, что мы сделаем – когда мы тут обустроивались, я купила папе несколько обувных вкладышей доктора Шолла. Три пары у меня еще остались, и я могу их немного подрезать. Вкладыши и парочка носков подгонят ее ноги к размеру моих башмаков. И у меня есть памятный сувенир – теннисные туфли, которые папа купил мне, когда я впервые отправилась в детский лагерь. Мне тогда было десять лет, и они должны подойти тете Хильде.

– Вот молодец! – сказал я. – Кажется, ты уже обо всем подумала. Что насчет еды? Я не про ту, что мы берем с собой, я о том, чтобы поесть сейчас. Кто-нибудь позаботился об обеде? Убийство инопланетян нагоняет аппетит.

– У нас будет фуршет, Зебадия. Сэндвичи и прочее на кухонной стойке, а еще я разморозила и разогрела яблочный пирог. Один сэндвич я скормила Хильде из своих рук, она говорит, что должна закончить работу и отмыться после нее, и до этого она ничего есть не будет.

– Язва жевала сэндвич, пока разделявала эту *тварь*?

– Тетя Хильда женщина закаленная, Зебадия, – почти такая же закаленная, как ты.

– *Более* закаленная, чем я. Если нужно, я смогу провести вскрытие, но только не во время еды. Я думаю, Джейк тоже на такое не способен.

– Насчет папы ты прав. Он увидел, как я ее кормлю, позеленел и куда-то убежал. Сходи посмотри, что она там делает, Зебадия. Она нашла интересные вещи.

– Хм-м... А где та маленькая девочка, которая вздрагивала при мысли о вскрытии мертвого чужака?

– Нет, сэр, это не она. Я решила, что пора вырасти. Это не так легко. Но так будет лучше. Взрослая женщина не паникует при виде змеи, она просто проверяет, не гремучая ли она. Я больше не буду визжать. Я наконец-то выросла, стала женой, а не избалованной принцессой.

– Ты всегда будешь моей принцессой!

– Я надеюсь на это, мой вождь. Но чтобы заслужить это, мне придется научиться быть матерью-пионеркой – сворачивать шею петухам, резать свинью, заряжать, пока муж стреляет, заменять его с ружьем в руках, если он ранен. И я научусь – я же упрямая. Возьми кусок пирога и отправляйся к Хильде. Я уже знаю, как использовать дополнительные сто килограмм: книги, фотографии, папины микрофильмы и переносной проектор, папина винтовка и ящик патронов, который раньше не вписывался по весу...

– Не знал, что у него есть винтовка... *какой калибр?*

– Семь шестьдесят два миллиметра, длинный патрон.

– Вот это да! Мы с папой используем одну и ту же амуницию.

– Не знала, что у тебя есть винтовка, Зебадия.

– Я это не рекламирую, она нелицензионная. Надо будет всем показать, где она лежит.

– Нам пригодится дамский пистолетик? Стреляет иголками, производство «Шкоды». Не так далеко, но иглы либо отравленные, либо разрывные... и одного магазина хватает на девять выстрелов.

– Ничего себе, Дити! Ты у нас Почетный Член Клуба Убийц?

– Нет, сэр. Папа купил мне его на черном рынке, когда я начала работать по вечерам. Он сказал, что уж лучше наймет крючкотворов, чтобы меня оправдали – или добились условного срока, – чем отправится в морг на опознание трупа. Ни разу его не использовала, в Логане он едва ли был нужен. Зебадия, папа потратил немало сил на то, чтобы как следует обучить меня самозащите. Он сам тоже неплохо подготовлен, поэтому я не позволяю ему ни с кем драться. Потому что это будет бойня. Они с мамой решили так, когда я была ребенком. Папа говорит, что копы и суды больше не защищают граждан, и граждане должны защищать себя сами.

– Боюсь, что он прав.

– Муж мой, я не могу оценить мои суждения о правильном и неправильном, поскольку получила их от своих родителей и прожила недостаточно долго, чтобы у меня сформировались собственные суждения, отличные от родительских.

– Дити, твои родители поступили правильно.

– И я так думаю... но это все субъективно. Но так уж вышло, что мне не пришлось выживать в джунглях государственных школ, пока мы не переехали в Юту. И меня научили сражаться – с оружием или без. Мы с папой заметили, как ты держишь клинок. Твои мулине безупречны. А когда ты уходишь в защиту, твои предплечья хорошо прикрыты.

– Джейк и сам не промах. Сабля оказалась в его руках так быстро, что я даже не заметил, и ударил он точно над воротником.

– Папа говорит, что ты лучше.

– Хм-м... у меня руки длиннее. Зато он, видимо, быстрее. Дити, лучший фехтовальщик, которого я когда-либо встречал, был твоего роста, и руки у него были как у тебя. Я даже не мог скрестить с ним клинки, если он мне того не позволял.

– Ты так и не сказал, где ты научился фехтованию.

Я улыбнулся:

– Ассоциация Молодых Христиан на Манхэттене. В школе я тренировался с рапирой. Шпагу и саблю взял в руки в колледже. Но я никогда не сталкивался с настоящим *мастером*, пока не перебрался на Манхэттен. Вернулся к тренировкам, поскольку понял, что теряю форму. Во время моей так называемой исследовательской поездки в Европу я встречал потомственных фехтовальщиков – сыновья, внуки и правнуки *maître d'armes*⁶⁷. Узнал, что это образ жизни и что я обратился к нему слишком поздно. Дити, я рассказал Хильде байку, на самом деле я никогда не дрался на студенческих дуэлях. Но я тренировался в Гейдельберге под руководством настоящего *Säbelmeister*⁶⁸, про которого ходили слухи, что он подпольно тренировал целый корпус бойцов. Именно он был тем мелким парнем, с которым я не мог скрестить клинки. Он был *быстрый!* До нашей встречи я думал, что это я – быстрый. Но под его руководством я стал еще быстрее. В тот день, когда я уходил, он сказал мне, что хотел бы заполучить меня в свои руки лет на двадцать раньше – тогда бы из меня получился фехтовальщик.

– Но сегодня ты был достаточно быстрым!

– Нет, Дити. Ты отвлекла его, а я атаковал с фланга. Эту битву выиграла ты, а не я и не папа. Хотя то, что сделал папа, куда опаснее того, что сделал я.

– Мой капитан, я не позволю тебе преуменьшать собственные заслуги! Я не желаю это слышать!

⁶⁷ *Maître d'armes* – учитель фехтования (фр.). – Прим. С. В. Голд.

⁶⁸ *Säbelmeister* – мастер сабли (нем.). – Прим. С. В. Голд.

Женщины, да благословит бог их добрые сердца и причудливые умы – Дити назначила меня своим героем, и этим все сказано. Мне оставалось только соответствовать. Я отрезал кусок яблочного пирога и поспешил его съесть, пока неспешно шел по коридору к гаражу – не хотелось с едой в руках оказаться в «морге».

«Рейнджер» лежал на спине, одежда разрезана, вскрытый от подбородка до паха. Безымянные куски внутренностей были разложены вокруг трупа и омерзительно пахли.

Хильда все еще работала, щипцы для льда в левой руке, нож в правой, зеленая слизь на запястьях. Когда я подошел, она отложила нож и взяла бритву. Пока я не заговорил, она меня не замечала.

– Узнала много нового, Язва?

Она положила инструменты, вытерла руки полотенцем и отбросила предплечьем волосы со лба.

– Зебби, ты не поверишь.

– Посмотрим.

– Что ж... взгляни вот сюда, – она дотронулась до правой ноги трупа и обратилась к самому покойнику: – Зачем такой девочке, как ты, этот симпатичный суставчик?

Я видел, о чем она говорит: на длинной, тонкой конечности, пониже обычного, человеческого колена, имелось дополнительное, оно сгибалось назад. Взглянув выше, я обнаружил, что такие же дополнительные сочленения есть и на руках.

– Ты сказала «девочка»?

– Я сказала «девочка». Зебби, этот монстр либо женского пола, либо гермафродит. Полностью развитая матка, двурогая, как у кошки, и над каждым рогом по яичнику. Но, похоже, под ними находятся яички и штукавина, которая вполне может быть выдвигающимся фаллосом. То есть тело женское, но в то же время может быть и мужским. Двуполое, но оплодотворить себя не может: конструкция не позволяет. Полагаю, что эти твари могут одновременно зачинать и вынашивать.

– По очереди? Или одновременно?

– Если одновременно – то это был бы номер. Нет, исходя из механики процесса, я думаю, что по очереди. Но происходит это через десять минут или через десять лет – сказать не могу. Однако я бы дорого дала, чтобы посмотреть на процесс в их исполнении!

– Язва, у тебя на уме только одно.

– Но это же самое главное! Размножение – самый важный момент. Методы и обычаи сексуальных отношений – это центральная характеристика всех высокоразвитых форм жизни.

– Ты игнорируешь деньги и телевидение.

– Пфф! Вся человеческая деятельность, включая научные исследования, сводится либо к брачным танцам и заботе о молодняке, либо к сублимации, которой вынуждены заниматься неудачники, проигравшие в единственной игре в городе. Не пытайся шутить с Язвой. Зебби, я ненавижу этих монстров, они вмешались в мои планы – коттедж, увитый розами, младенец в люльке, жаркое в духовке, я в льняном платице, и мой муж, идущий по дорожке к дому после тяжелого дня, потраченного на унижение первокурсников, а я жду его с тапочками, трубкой и сухим мартини! Небеса! Все остальное – суета и тлен. Четыре полностью сформированные молочные железы, однако лишённые избыточности объемов, характерных для человеческих женщин – кроме меня, черт подери. Двойной желудок, кишечник в одно отделение. Сердце из двух камер, которое, похоже, качает кровь за счет перистальтики, а не за счет сжатия. Сердце-видное. Я не изучала мозг, поскольку у меня нет подходящей пилы, но он должен быть столь же развитым, как и у нас. Определенно гуманоидное существо, возмутительно не похожее на человека. Не опрокинь эти бутылочки, в них образчики телесных жидкостей.

– Что это за штуки?

– Накладки, чтобы спрятать нечеловеческие сочленения. Еще была пластическая операция на лице, я в этом почти уверена, и изменена форма черепа. Волосы поддельные, у этих Буджумов волосы не растут. Нечто вроде татуировки, или очень плотная маска – я не смогла это снять, – чтобы скрыть сине-зеленый цвет лица и других открытых участков кожи и придать им человеческий вид. Зеб, готова поставить семь к двум, что они использовали в качестве морских свинок множество пропавших людей, прежде чем отработали методы такого маскарада. *Вжжжжуух!* Садится летающая тарелка, и очередная парочка морских свинок отправляется в лабораторию.

– Летающих тарелок не видели много лет.

– Это была поэтическая вольность, дорогой. Если у них есть искривители пространства-времени, они могли выскакать где угодно, красть что угодно или заменять настоящих людей на убедительные подделки – и тут же исчезать, будто выключателем щелкнули.

– Этот не мог быть создан давно. Рейнджеры регулярно проходят медосмотры.

– Этого могли сделать на скорую руку, специально для нас. Подделка, приготовленная для постоянной замены, может одурачить кого угодно, кроме рентгеновского снимка... а может, и рентген не поможет, если доктор – один из них... поразмысли над этой идеей, Зебби, а мне нужно вернуться к работе. Хочется так много узнать, и так мало времени. Я не могу выяснить и доли того, что это тело могло бы рассказать настоящему специалисту по сравнительной биологии.

– Могу я чем-то помочь?

(На самом деле я совсем не рвусь.)

– Ну...

– Мне нечем заняться, пока Джейк и Дити не закончат собирать вещи в дорогу. Поэтому – чем я могу помочь?

– Я могла бы работать вдвое быстрее, если бы ты взял на себя съемку, а то мне приходится прерываться, чтобы вытереть руки прежде, чем взяться за камеру.

– Я в твоём распоряжении, Язва. Просто говори, откуда, с какого расстояния и когда.

Хильда облегченно улыбнулась:

– Зебби, я говорила, что люблю тебя, хотя ты похож на гориллу и у тебя улыбка идиота? Под всем этим прячется душа херувима. Мне сейчас так хочется принять ванну – возможно, это будет последняя ванна с горячей водой в ближайшие годы. И воспользоваться биде – вершиной декадентской цивилизации. Я боялась, что так и буду резать это мерзкое мясо, пока Джейкоб не скажет, что пора уезжать.

– Режь спокойно, дорогая, ты получишь свою ванну, – я взял камеру, ту самую, которую Джейк использовал для фиксации экспериментов: «Поляроид-Стерео-Инстаматик» с автоматической фокусировкой, автоматической диафрагмой, автоматической обработкой изображения; идеальный инструмент для инженера или ученого, которому нужна непрерывная запись процесса.

Я делал бесчисленное количество фото, пока Хильда трудилась в поте лица.

– Язва, ты не боишься работать голыми руками? Можешь подцепить то, что мало не покажется.

– Зебби, если бы этих тварей могли убить наши микробы, то они явились бы сюда без иммунитета и быстро передохли. Но поскольку этого не случилось, то весьма вероятно, что и мы не можем заразиться их микробами. Радикально разная биохимия.

Это звучало логично, но я не мог забыть закон Кеттеринга: «логика – организованный способ надежно впасть в заблуждение».

Появилась Дити, поставила на пол битком набитую корзину для пикника.

– Это последняя.

Ее волосы были собраны в пучок, а на ней были одни резиновые перчатки.

– Привет, дорогой. Тетя Хильда, я готова помогать.

– Тут не так много работы, милая, если хочешь, можешь сменить Зебби.

Дити смотрела на труп и явно не испытывала радости – ее сосочки совсем обвисли.

– Иди, вымойся пока, – сказал я ей. – Брысь!

– Я так ужасно воняю?

– Ты воняешь роскошно, сладкая моя. Но Язва верно заметила, что, возможно, сейчас у нас последняя возможность вымыться горячей водой с мылом. Поэтому я пообещал ей, что мы не «отправимся в Каноп, повернув на восток», пока она не примет ванну. Так что сделай это сейчас, а потом, когда она займется своими санитарными процедурами, поможешь грузиться.

– Хорошо, – Дити отступила, ее сосочки слегка набухли – не встали торчком, но она явно повеселела. Моя дорогая редко показывает свои чувства на лице, но эти прелестные розовые штучки служат барометром ее боевого духа.

– Секунду, Дити, – остановила ее Хильда. – Помнишь, ты сказала «он не отреагировал!». Что ты имела в виду?

– То, что сказала. Разденься прямо перед мужчиной, и он отреагирует, так или иначе. Даже если он попытается тебя проигнорировать, глаза его выдадут. Но он не отреагировал. Конечно, это не мужчина – но я этого не знала, когда пыталась его отвлечь.

Я сказал:

– Но он обратил на тебя внимание, Дити – и тогда у меня появился шанс.

– Разве что как собака, лошадь или другое животное отмечают любое движение. Он меня заметил, но проигнорировал, никакой реакции.

– Зебби, это ничего тебе не напоминает?

– А должно?

– В первый день здесь ты рассказал нам историю об одной аппетитной студенточке.

– Точно?

– Она завалила математику и пыталась завалить математика.

– О! Брэйни!

– Да, профессор Н. О'Хэррет Брэйни. Не видишь параллелей?

– Но «Не Мозг» живет в кампусе много лет... И лицо у него иногда краснеет. Это не татуировка.

– Я сказала, что «рейнджер» может быть поделкой на скорую руку. И кто может лучше дискредитировать математическую теорию, чем руководитель математической кафедры в очень известном университете? Особенно если он знаком с этой теорией и *знает*, что она верна.

– Эй, подожди минутку, – влезла Дити. – Ты говоришь о том профессоре, что спорил с папой? Тот, с фальшивым приглашением? Я думала, он просто марионетка. Папа говорит, что он дурак.

– Он ведет себя как напыщенный старый дурак, – согласилась Хильда. – Я его терпеть не могу. Думаю, ему я тоже сделаю вскрытие.

– Но он еще не умер.

– Это можно поправить! – язвительно сказала Язва.

– XII – Хильда

К тому времени, когда я вылезла из ванной, Джейкоб, Дити и Зебби загрузили «Гэй Обманщицу» всем необходимым, все проверили по спискам (консервный нож, камеры и т. д.) – и даже пристроили образцы телесных жидкостей и тканей чужака, поскольку в чудо-машине Зебби есть маленький холодильник. Дити была недовольна тем, что мои образцы лежат в холодильнике, но они были очень хорошо упакованы, в несколько слоев пластика, и уложены в морозильник. Кроме того, холодильник в основном был занят пленками для камер, запалами для динамита и другими несъедобными предметами. Большая часть продуктов, кроме тех, что долго не портятся, была обезвоженной, в заполненных азотом упаковках.

К этому моменту мы устали как собаки, так что Джейкоб предложил сначала поспать и только потом оставить дом.

– Зеб, если ты не ожидаешь новой атаки в ближайшие восемь часов, то надо отдохнуть. Мне требуется свежая голова, чтобы крутить верньеры. Этот дом – почти крепость, ночью тут кромешная тьма, а он не излучает ни в одной части спектра. Они могут решить, что мы удрали отсюда сразу после того, как уложили их парня... я имею в виду, гермафродита, поддельного рейнджера. Что скажешь?

– Джейк, я бы не удивился, напади они в любой момент. Но поскольку этого не произошло... В общем, мне не нравится садиться за руль, когда я плохо соображаю. Ошибки в сражениях совершают больше из-за усталости, чем по любой другой причине. Так что давайте поспим. Кому-нибудь нужно снотворное?

– Мне нужна только кровать.

– Принцесса, все решено, мы спим. Но я предлагаю встать до рассвета. Не будем испытывать судьбу.

– Разумно, – согласился Джейкоб.

Я пожала плечами:

– Вам, мужчинам, придется пилотировать. Мы с Дити не более чем груз, и мы можем подремать на задних сиденьях. Ну, пропустим парочку вселенных, и что с того? Если видел одну вселенную, ты видел их все. Что скажешь, Дити?

– Если бы все зависело от меня, я бы ломанулась отсюда так, что туфли на месте остались. Но Зебадии придется вести, а папе крутить верньеры... и они оба устали и не хотят рисковать. Не сердись, Зебадия, но я буду отдыхать с открытыми глазами и держать ушки на макушке.

– Но Дити... *почему?*

– Кто-то должен стоять на страже. Это может дать нам преимущество в доли секунды. Именно доли секунды дважды спасли нас в прошлом. Не беспокойся, дорогой, я часто не сплю ночами, чтобы поработать с большой программой, а допуск к компьютеру днем ограничен. Никаких последствий, подремлю на следующий день и опять готова кусать гремучих змей. Скажи ему, папа.

– Это верно, Зеб, но...

Зебби прервал его:

– Вы, девочки, можете дежурить посменно и заодно присмотреть за завтраком. Я сейчас подключу «Гэй Обманщицу» к нашей спальне, чтобы она могла со мной связаться. Дити, я могу добавить программу, чтобы она слушала, что происходит вокруг домика. Если Гэй правильно запрограммировать, она лучшая сторожевая собака, чем любой из нас. Этого хватит, чтобы приглушить твои порывы к караульной службе?

Дити ничего не сказала, так что и я промолчала.

Зебби, нахмурившись, отправился к машине, открыл дверцу и принялся подсоединять Гэй к трем интеркомам.

– Хочешь переместить интерком из подвала в свою спальню, Джейк?

– Неплохая идея, – согласился мой муж.

– Подожди минутку. Я спрошу, что она нарыла. Привет, Гэй.

– Привет, Зеб. Вытри подбородок.

– Программа. Текущий поиск новостей. Доложи о новых поступлениях с момента последнего отчета.

– Результат нулевой, босс.

– Спасибо, Гэй.

– Не за что, Зеб.

– Программа, Гэй. Дополнение в текущий поиск новостей. Регион: Аризона к северу от Большого Каньона плюс Юта. Персоны: все персоны, перечисленные в программах текущего поиска новостей плюс рейнджеры, федеральные рейнджеры, лесные рейнджеры, рейнджеры национального парка, рейнджеры штата. Конец добавленной программы.

– Новая программа запущена, босс.

– Программа. Добавить в отчет текущий акустический фон, максимальное усиление.

– Новая программа запущена, Зеб.

– Ты Умница, Гэй.

– Не пора ли тебе на мне жениться?

– Спокойной ночи, Гэй.

– Спокойной ночи, Зеб. Спи с руками поверх одеяла.

– Дити, ты развратила Гэй. Я выведу наружу провод для микрофона, пока Джейк переместит интерком в свою спальню. Но на максимальном усилении будет слышен койот, подавший голос в десяти милях отсюда. Джейк, я могу попросить Гэй не включать акустический фон в отчет для твоей спальни.

– Хильда, любовь моя, ты хочешь, чтобы акустический фон убрали?

Я не хотела, но не сказала об этом, поскольку вмешалась Гэй:

– Текущий поиск новостей, босс.

– Доклад!

– Агентство «Рейтерс», «Стрейтс таймс», Сингапур. Трагические новости об экспедиции Марстона. Индонезийская служба новостей, Палембанг. Два тела, опознанных как доктор Сесил Янг и доктор З. Эдвард Картер, были доставлены из джунглей в штаб-квартиру национальной милиции, Телукбетунг. Комендант округа сообщил, что они будут доставлены воздушным транспортом в Палембанг для дальнейшей транспортировки в Сингапур, как только главный комендант передаст их министерству туризма и культуры. Профессор Марстон и мистер Смайт-Белиша до сих пор не обнаружены. Коменданты обоих округов признают, что надежда обнаружить их живыми с каждым днем уменьшается. Тем не менее пресс-секретарь министерства туризма и культуры заверил представителей прессы, что индонезийское правительство будет продолжать поиски еще более интенсивно.

Зебби присвистнул и после паузы спросил:

– Какие будут мнения?

– Он был замечательным человеком, сынок, – проговорил мой муж. – Невосполнимая потеря. Трагедия.

– Эд был хорошим парнем, Джейк. Но я не это имею в виду. Наша тактическая ситуация.

Сейчас. Здесь.

Мой муж подумал и только потом ответил:

– Зеб, что бы ни случилось на Суматре, оно, очевидно, случилось месяц назад. Эмоционально я в смятении. Логически я вынужден заявить, что не вижу изменений в нашей текущей ситуации.

– Хильда? Дити?

– Отчет о поиске новостей, – объявила Гэй.

– Доклад!

– АП, Сан-Франциско, через спутник с Сайпана, Марианские острова. Сверхзвуковой полубаллистический лайнер компании TWA «Вингед Виктори», вылетевший из международного порта Сан-Франциско в двадцать часов по тихоокеанскому времени согласно показаниям радаров и визуальным наблюдениям, взорвался при входе в атмосферу.

АП, Гонолулу, официальный представитель ВМС США. Подводный авианосец «Флайинг Фиш», находящийся вблизи острова Уэйк, получил приказ следовать на максимальной скорости к месту падения «Вингед Виктори». Авианосец поднимется на поверхность в оптимальной точке и запустит поисковые аппараты. Пресс-секретарь ВМС по Индо-Тихоокеанскому региону на вопрос о том, что значит «оптимальная точка», ответил «без комментариев». Редактор военной тематики «Ассошиэйтед Пресс» сообщил, что подводная скорость авианосцев класса «Флайинг Фиш», а также тип и характеристики размещенных на нем аппаратов являются секретной информацией.

АП-ЮПИ, Сан-Франциско, катастрофа «Вингед Виктори». Пресс-служба TWA заявляет – цитата – «если полученные сообщения относительно «Вингед Виктори» верны, есть основания предполагать, что выживших обнаружено не будет. Однако наш технический департамент отрицает, что причиной катастрофы мог быть взрыв судна. Столкновение с орбитальным мусором, попавшим в верхние слои атмосферы, или даже удар метеорита могли – повторяем, могли – стать причиной катастрофы, но их вероятность настолько мала, что эти варианты следует считать непредсказуемыми форс-мажорными обстоятельствами» – конец цитаты. По требованию Гражданского аэрокосмического управления представитель TWA опубликовал список пассажиров. В списке: Калифорния...

Список оказался длинным, и я не узнала ни одного имени, пока Гэй не произнесла:

– Доктор Нейл О’Брэй.

Я ахнула, но никто не произнес ни единого слова, пока Гэй не объявила:

– Конец доклада по текущему поиску новостей.

– Спасибо, Гэй.

– Всегда рада, Зеб.

Зебби сказал:

– Профессор?

– Жду ваших распоряжений, капитан!

– Очень хорошо, сэр! Внимание всем – действуют «правила спасательной шлюпки».

Ожидаю от всех быстрых действий и никакой болтовни. Расчетное время вылета – пять минут! Во-первых, всем пописать! Во-вторых, надеть одежду, в которой собираетесь путешествовать. Джейк, все выключить и запереть – все, что ты делаешь, надолго уходя из дома. Дити – сопроводь Джейка и убедись, что он ничего не упустил, – а потом *ты*, а не Джейк, выключи свет и закрой все двери. Хильда, упакуй все, что осталось от ланча, и принеси – быстро, но без суеты. Проверь холодильник на предмет твердой пищи – никаких жидкостей, – и впихни все, что можно, в холодильник Гэй. Не трать время на размышления. Вопросы есть? Двигаемся!

Я пропустила Джейка первым в нашу ванную, поскольку он выглядел очень уж напряженным. Это время я потратила, чтобы засунуть бутерброды в один пакет для заморозки, а половинку пирога в другой. Картофельный салат? Выскребла в третий и добавила пластиковую ложку – одну, поскольку микробы у нас у всех теперь общие. Все это и немного солений я сложила в самый большой пакет для заморозки, который выдала Дити, и закрыла его.

Джейк вышел из ванной, я *en passant*⁶⁹ поцеловала его в щеку, проскочила внутрь, пустила воду в раковину, присела и почитала мантры – обычно это помогает, когда я нервничаю, – потом воспользовалась биде, нежно потрепала его по боку и попрощалась – и все это, не задерживаясь ни на секунду. Мое дорожное одеяние состояло из детских теннисных туфель Дити, ее же зеленой джинсовой мини-юбки с золотой аппликацией; она доходила мне до колен, но с шарфом на поясе выглядела не слишком ужасно.

Я расстелила свою накидку перед холодильником, бросила на нее сумочку и всю еду для пикника и занялась спасением остального имущества, просто выхватывая его с полок – кусок ветчины, немного сыра, полторы буханки хлеба, два фунта масла; все в пакетах для заморозки, и, если бы у Дити не было их запаса, мне бы не удалось спасти так много, а тем более избежать жирных пятен на накидке. Я решила, что джемы и варенье, а также кетчуп Зебби посчитает жидкостями, и захватила только те, что в тубиках. Еще половина шоколадного торта – и холодильник опустел.

Используя накидку как мешок Санта-Клауса, я отнесла еду в гараж и положила рядом с Гэй; было приятно узнать, что я оказалась первой.

Зебби вошел сразу за мной, одетый в пилотский комбинезон с карманами на бедрах.

– А где слон? – спросил он, поглядев на мою накидку.

– Капитан Зебби, ты не сказал, *сколько* брать, ты просто сказал, *что*. Если что-то не влезет – оставим ей, – я показала большим пальцем на распотрошенный труп.

– Извини, Хильда, ты была права, – Зебби глянул на наручные часы со множеством циферблатов, их называют «штурманскими».

– Капитан, в этом доме куча всяких гаджетов, наворотов, звоночков и свисточков. Они не уложатся в твой график.

– Я сделал это нарочно, дорогая. Давай посмотрим, сколько еды мы сможем упихать.

Холодильник Гэй спрятан под палубой перед креслом водителя. Зебби велел Гэй открыть дверцу, потом боком протиснулся внутрь и поднял крышку.

– Передавай мне по одной.

Я похлопала его по заднице:

– Вылезай оттуда, карлик-переросток, и позволь Язве заняться укладкой. Я дам знать, когда он будет под завязку.

Пространство, в котором Зебби кряхтел и пыхтел, для меня было просторным. Он передавал мне вещи, а я укладывала так, чтобы вместились как можно больше.

Третьим он подал мне остатки фуршета.

– Это будет наш ланч, – сказала я и отложила пакет на его сиденье.

– Нельзя оставлять его болтаться по кабине.

– Капитан, мы съедим его раньше, чем он испортится. Я буду пристегнута, что плохого, если я подержу его на коленях?

– Язва, я хоть раз переспорил тебя?

– Только с помощью грубой силы, дорогой. Можешь болтать и передавать жратву.

С помощью Господа и рожка для обуви все удалось упихать внутрь. Затем я переместилась на заднее сиденье, накидка подо мной, упаковка с ланчем – в руках. Наши супруги все еще не появлялись.

– Капитан Зебби, почему новость о смерти Брэйни заставила тебя изменить планы?

– Ты не одобряешь, Язва?

– Совсем наоборот, шкипер. Хочешь мою догадку?

– Да.

⁶⁹ *En passant* – на ходу (фр.). – Прим. С. В. Голд.

– «Вингед Виктори» была заминирована. А дорогого доктора Брэйни, который вовсе не был таким болваном, каким я его считала, на борту не было. Все эти несчастные люди погибли, чтобы он мог исчезнуть.

– Пересядь на первую парту, Язва. Слишком много совпадений... и они, эти «Парни в Черных Шляпах», знают, где мы.

– И это значит, что профессор Безмозглый, вместо того чтобы погибнуть в Тихом океане, может появиться здесь в любую секунду.

– Он и банда чужаков с зеленой кровью, которым не нравятся геометры.

– Зебби, как ты думаешь, каков их план?

– Не имею представления. Они могут обрызгать планету фумигатором и забрать себе. Или завоевать нас, превратив в домашний скот или рабов. Единственное, что нам о них известно – что они чужаки, что они могущественны и что они убивают нас без угрызений совести. Поэтому и я буду убивать их без угрызений совести. К сожалению, я не знаю – как. Поэтому я убегаю – убегаю в испуге, – захватив с собой вас троих, потому что вам явно грозит опасность.

– Сможем ли мы когда-нибудь найти их и убить их?

Зебби не ответил, поскольку явились Дити и мой Джейкоб, оба запыхавшиеся, оба в комбинезонах. Дити выглядела милой и самоуверенной, мой дорогой выглядел подтянутым, но обеспокоенным.

– Мы опоздали. Извиняемся.

– Вы не опоздали, – ответил Зебби. – Но быстро по местам.

– Сейчас, только открою дверь гаража и выключу свет.

– Джейк, Джейк... Гэй запрограммирована делать это сама. Принцесса, забирайся внутрь и пристегнись. Ремни, Язва. Второй пилот, закройте дверцу по правому борту и проверьте, как прилегает уплотнитель – на ощупь, по всему контуру. После этого пристегнитесь.

– Есть, капитан.

По моей спине побежали мурашки, когда я услышала, как мой дорогой выражается по-военному. Он по секрету сказал мне, что он полковник артиллерии в отставке, но Дити пообещала не говорить об этом нашему храброму молодому капитану, и он хочет, чтобы я тоже пообещала не говорить, поскольку порядок подчинения у нас сложился такой, какой и должен быть: Зебби будет командовать, в то время как Джейкоб займется машиной пространства-времени, каждому свое. Еще Джейкоб попросил меня принимать приказы от Зеба без комментариев... что меня слегка разозлило. Конечно, я необученный член экипажа, но я вовсе не глупа и прекрасно все понимаю. В экстренной ситуации я могу попытаться вернуть нас домой, но даже Дити подготовлена лучше меня.

Проверка завершилась, Гэй выключила свет, открыла дверь гаража и вырулила на посадочную площадку.

– Второй пилот, вам видно показания верньеров?

– Капитан, мне нужно ослабить грудной ремень.

– Сделай, если нужно. Но твое сиденье сдвигается вперед на двадцать сантиметров. Вот тут, сейчас подрегулирую... – Зеб наклонился и что-то нажал между сиденьями. – Скажи, когда хватит.

– Все, сейчас хорошо. Я их вижу и могу дотянуться, не трогая ремня. Жду дальнейших указаний, сэр.

– Где была ваша машина, когда вы с Дити отправились в пространство-время без буквы «J»?

– Примерно там же, где мы сейчас.

– Можешь отправить нас туда же?

– Думаю, да. Минимальное перемещение, в положительном направлении – энтропия возрастает – вдоль оси «тау».

Мой муж прикоснулся к верньерам.

– Готово, капитан.

Я не увидела никаких изменений – наш дом остался темным силуэтом на фоне неба, а перед нами зияла черная пасть гаража. Звезды даже не мигнули.

– Давай проверим, – сказал Зебби и включил фары, чтобы они осветили гараж. Он был пуст и выглядел обычно.

– *Ого!* – вдруг сказал Зебби. – Взгляните на *это!*

– Взглянуть на *что?* – спросила я, пытаюсь выглянуть из-за спины Джейкоба.

– Если точно – на пустое место. Язва, твой чужак?

И тут я поняла: никакого трупа, никакой зелено-синей крови, верстак стоит у стены и нет бестеневой лампы.

– «Гэй Обманщица», верни нас домой! – сказал Зебби.

Та же сцена... только уже со вскрытым трупом. Я судорожно сглотнула.

Зебби выключил фары. Я почувствовала себя получше, но ненамного.

– Капитан?

– Второй пилот.

– Может, все-таки стоило проверить насчет этой буквы «J»? Это позволило бы мне проверить калибровку.

– Я проверил, Джейк.

– Что?

– У задней стенки гаража стоят аккуратно подписанные мусорные баки. Тот, что в центре слева, помечен «Junk metal» – «Металлолом».

– А!

– Да, и твой аналог в этом пространстве – твой двойник, Джейк-прим или как тебе угодно – столь же аккуратен, как и ты. На левом баке было написано «Junk metal» с буквой «I» вместо «J». Шкафчик справа сверху подписан «Jugs&Iars» вместо «Jugs&Jars» – «Канистры и банки». Поэтому я и велел Гэй вернуть нас домой. Я испугался, что они нас застукают. Неловкая ситуация.

– Зебадия, – начала Дити, – я имею в виду – «капитан», неловкая в чем, сэр? Пропавшая буква в алфавите напугала меня тогда, но больше не пугает. Теперь я больше нервничаю по поводу чужаков, «Черных Шляп».

– Дити, в тот первый раз вам повезло. Поскольку Дити-прим не оказалось дома. Однако сегодня вечером она могла быть. Вероятно, в постели с мужем, назовем его Зебадия-прим. Это очень нервный тип. Может выстрелить в чужую машину, которая светит фарами в гараж его тестя. Он склонен к насилию.

– Ты смеешься надо мной.

– Нет, принцесса, я этого действительно опасался. Параллельный мир с таким небольшим отличием, как отсутствие одной ненужной буквы, но с домом и участком, которые ты спутала со своими, предполагает наличие отца и дочери с именами «И-акоб» и «Де-и Торис».

(Капитан Зебби произнес эти имена, подчеркнув замену «J» на «I».)

– Зебадия, теперь это пугает меня почти так же, как чужаки.

– Чужаки пугают меня куда больше. Привет, Гэй.

– Привет, Зеб. У тебя из носа течет.

– Умница, ускорение в один «же» вертикально до высоты один километр. Зависнуть.

– Лечу, мой командир – не испачкайте мундир!

Несколько секунд нас вдавливало в спинки и подголовники, а затем, испытав внезапный подъем желудка к горлу, мы выровнялись и зависли.

Зебби спросил:

– Дити, автопилот примет изменение программы возвращения домой в голосовом режиме? Или придется устанавливать смещение на верньерах?

– А что ты хочешь сделать?

– Оставить координаты, но добавить два километра высоты над землей.

– Я думаю, это возможно. Мне сделать это? Или ты хочешь сам попробовать, капитан?

– Пробуй ты, Дити.

– Да, сэр. Привет, Гэй.

– Привет, Дити.

– Программная проверка. Определи «домой».

– «Домой». Отменить все инерциальные передвижения⁷⁰, перемещения, вращения. Вернуться к запрограммированным нулевым долготе и широте, на уровне земли.

– Доложить текущее местоположение.

– Один километр по вертикали выше «домой».

– Гэй. Изменение программы.

– Ожидаю, Дити.

– Программа «Домой». Отменить «на уровне земли». Заменить на «два километра над уровнем земли, зависание».

– Изменение программы завершено.

– «Гэй Обманщица», верни нас домой!

Неожиданно, без каких-либо ощущений подъема, мы оказались много выше.

Зеб сказал:

– Два километра на приборах! Дити, ты Умница!

– Готова поспорить, Зебадия, ты всем девчонкам это говоришь.

– Нет, только некоторым. Гэй, ты Умница.

– Тогда почему ты поперся на ночь к той рыжеватой блондинке?

Зебби обернулся и посмотрел на меня:

– Язва, это твой голос.

Я с достоинством проигнорировала его.

Зебби повернул к югу. Большой Каньон при свете звезд выглядел жутко. Не сбавляя скорости, Зеб скомандовал:

– «Гэй Обманщица», верни нас домой!

Мы снова парили над нашим домиком – ни рывка, ни сотрясения, ничего.

– Джейк, как только я разберусь с углами, – начал Зебби, – я брошу тратить деньги на бензин. Как она это делает, ведь мы никуда не перепрыгивали? Ни вращением, ни перемещением.

– Возможно, я не продумал интерпретацию тривиального решения уравнения девяносто семь. Но это аналогично тому, что мы собирались делать с планетами. Пятимерное преобразование, упрощенное до трехмерного случая.

– Ничего не понял, я просто тут работаю, – признался капитан Зебби. – Но, похоже, мы можем торговать вразнос гравитацией и транспортными услугами, а также недвижимостью и временем. Берроуз и Компания, Пространственные Искривления С Неограниченной Ответственностью. «Масштаб работ не имеет значения!». За один нью-доллар высылаем бесплатную брошюру.

– Капитан, не разумнее ли перенестись в другое пространство, прежде чем экспериментировать? – предложил Джейкоб. – Нам все еще угрожают чужаки, не так ли?

⁷⁰ Речь идет о перемещениях в физическом пространстве, которые фиксируют внутренние инерциальные датчики машины. – Прим. С. В. Голд.

Зебби мгновенно протрезвел.

– Второй пилот, ты совершенно прав, и твой долг – давать мне советы, когда я не в себе. Однако у нас есть одна обязанность, которую мы *должны* выполнить, прежде чем уйдем отсюда.

– Нечто более неотложное, чем обеспечить безопасность наших жен? – поинтересовался Джейкоб, и я почувствовала гордость за него.

– Нечто более неотложное. Джейк, я заставил ее совершить этот скачок не только для проверки, но и для того, чтобы им было сложнее отследить нас. Потому что нам придется нарушить радиомолчание. Мы должны предупредить наших собратьев-людей.

– Ох. Да, капитан. Мои извинения, сэр. Я иногда забываю про общую картину.

– Мы все иногда это делаем! Я хотел убежать и спрятаться с самого начала этого бардака. Но потребовались приготовления, и благодаря отсрочке у меня было время подумать. Пункт первый: мы не знаем, как сражаться с этими тварями, поэтому нам требуется убежище. Пункт второй: мы обязаны сообщить миру все, что знаем о чужаках. Пусть этого не так много, да и выжили мы чудом, но, если пять миллиардов человек будут смотреть во все глаза, их можно будет поймать. Я надеюсь.

– Капитан, – спросила Дити, – могу я сказать?

– Конечно! Любой, у кого есть идеи, как справиться с этими монстрами, *обязан* говорить.

– Мне жаль, но у меня таких идей нет. Вы должны предупредить мир, сэр, конечно. Только вам не поверят.

– Боюсь, ты права, Дити. Но они не должны верить мне. Тот монстр в гараже говорит сам за себя. Я собираюсь позвонить рейнджерам – настоящим рейнджерам, – чтобы они его забрали!

– Вот почему ты велел мне оставить его просто так! – сказала я. – Я думала, просто времени нет возиться.

– И то, и другое, Хильда. У нас нет времени перетаскивать труп и укладывать в морозильную камеру. Но если мне удастся сделать так, чтобы рейнджеры – *настоящие* рейнджеры – оказались в этом гараже раньше «Черных Шляп», то тело расскажет собственную историю: несомненный чужак, в собственной слизи лежит на форме рейнджера, которую с него срезали. Это вам не «близкие контакты» с НЛО, которые можно опровергнуть, это существо более паразитическое, чем утконос и ехидна вместе взятые. Однако нам нужно связать его с другими факторами, чтобы показать им, где копать дальше. Твоя заминированная машина, поджог в Логане, очень удобное исчезновение профессора Брэйна, смерть моего кузена на Суматре... и твоя шестимерная неэвклидова геометрия.

– Простите, джентльмены, – сказала я. – Не могли бы мы убраться куда-нибудь подальше от нашего домика и только потом нарушить молчание? Я немного нервничаю – на нас охотятся «Черные Шляпы».

– Ты права, Язва. Я собираюсь нас переместить. Рассказ не очень длинный, если не считать математику, и я записал его на пленку, пока остальные собирались. Гэй передаст его с ускорением сто к одному, – Зебби потянулся к приборной панели. – Все пристегнуты?

– Капитан Зебадия?

– Какие-то проблемы, принцесса?

– Могу я попробовать новую программу? Это может сэкономить время.

– Программирование – твоя сфера. Конечно.

– Привет, Гэй.

– Привет, Дити.

– Восстановление последней программы. Доложи код исполнения.

– Докладываю, Дити: «“Гэй Обманщица”, верни нас домой!».

– Запретить стирание постоянной программы, запускаемой кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Доложить о подтверждении.

– Доклад о подтверждении. Запрещено стирание постоянной программы с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Говорю тебе три раза.

– Дити, – подал голос Зеб, – получив запрет на стирание, Гэй помещает информацию в три локации постоянной памяти. Избыточность как фактор безопасности.

– Не влезай, дорогой! Мы с ней говорим на одном языке. Привет, Гэй.

– Привет, Дити.

– Анализ последней программы с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Доложить.

– Анализ завершен.

– Обратить программу.

– Неизвестная команда.

Дити вздохнула:

– Писать код легче. Новая программа.

– Ожидая, Дити.

– Код исполнения новой постоянной программы: «“Гэй Обманщица”, возвращайся!».

Получив его, повторить в реальном времени в обратном порядке всю предыдущую последовательность инерциальных передвижений, перемещений, вращений до момента последнего использования программы с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой».

– Новая постоянная программа принята.

– Гэй, я говорю тебе три раза.

– Дити, я слышу тебя три раза.

– «Гэй Обманщица», возвращайся!

Мы мгновенно оказались над Большим Каньоном, направляясь на юг. Я увидела, как руки Зебадии невольно дернулись к рулю:

– Дити, это было здорово.

– Нет, я потеряла столько времени, сэр – по своей глупости. Гэй, ты Умница.

– Дити, не заставляй меня краснеть.

– Вы обе – Умницы, – заявил капитан Зебби. – Если мы были у кого-то на радаре, то он наверняка решил, что у него проблемы со зрением. И наоборот, если кто-то поймал нас уже здесь, он теперь гадает, откуда мы вывалились. Хитрый маневр, дорогая. Ты сделала «Гэй Обманщицу» такой пронырой, что теперь нас никто не прижмет. Мы будем везде.

– Да... но у меня есть еще кое-какие замыслы, мой капитан.

– Принцесса, мне нравятся твои идеи. Делись.

– Предположим, мы использовали программу «домой» и переместились из огня да в полымя. Возможно, будет полезно иметь наготове программу, которая вернет нас в огонь, а потом очень быстро отправит еще куда-нибудь. Мне стоит заняться третьей программой для маневра уклонения?

– Конечно, но обсуди ее с придворным магом, твоим почтенным отцом, а не со мной. Я просто небесный жокей.

– Зебадия, я не желаю слушать, как ты так говоришь о себе в уничижительном...

– Дити! Правила спасательной шлюпки! Джейк, твои научные работы на борту? Теория и чертежи?

– Ну, нет, Зеб... капитан. Слишком объемные. Микрофильмы я прихватил, а вот оригиналы в подвале под гаражом. Я ошибся?

– Ничуть! Кто-нибудь из геометров отозвался положительно на твою статью о шестисторонней системе?

– Капитан, геометров, способных оценить мою систему постулатов без долгого и тщательного изучения, не так много. Она слишком неортодоксальная. Твой покойный кузен был одним из них – воистину блестящий ум! Э-э-э... теперь я подозреваю, что доктор Брэйн ее прекрасно понял и принял в штыки по другим соображениям.

– Джейк, а есть кто-то, кто хорошо к тебе относится и сможет понять то, что спрятано в подвале? Я пытаюсь разобраться, как предупредить наших собратьев-людей. Фантастической истории из нескольких не связанных на первый взгляд инцидентов будет недостаточно. Даже при наличии тела чужака, способного ее подтвердить. Ты должен оставить математическую теорию и чертежи кому-то, кто сможет в них разобраться, и кому ты доверяешь. Сами мы ничего не можем сделать – каждый раз, когда мы высовываем головы, кто-то в нас стреляет, и нам даже нечем отстреливаться. А эта проблема, возможно, потребует усилий всего человечества. Ну так что? Есть кто-то, которому ты можешь доверять как своему профессиональному преемнику?

– Ну... один человек, возможно. Не из моей области геометрии, но блестящий ученый. Написал мне очень ободряющее письмо, когда я опубликовал свою первую статью... статью, которую высмеяли все, кроме твоего кузена и вот его. Профессор Сеппо Райканнонен. Турку, Финляндия.

– Ты уверен, что *он* не чужак?

– Что? Он работает на факультете университета в Турку уже много лет! Больше пятнадцати.

– Джейкоб, примерно столько же мы знаем профессора Брэйна, – заметила я.

– Но... – мой муж оглянулся на меня и неожиданно улыбнулся: – Хильда, любовь моя, ты когда-нибудь была в сауне?

– Однажды.

– Тогда объясни нашему капитану, почему я так уверен, что мой друг Сеппо – не замаскированный чужак. Я – точнее, мы с Дити – были на конференции в Хельсинки в прошлом году. И после встречи отправились к нему на дачу в Озерном краю... и сходили с ним в сауну.

– Папа, мама, трое ребятишек, – подтвердила Дити. – Он точно человек.

– Брэйни был холостяком, – добавила я задумчиво. – Капитан Зебби, разве замаскированные чужаки не должны быть холостяками?

– Или одинокими женщинами. Или псевдосупружескими парами. Но никаких детей, этого маскировка не выдержит. Джейк, давай-ка попробуем дозвониться до твоего друга. Мм-м, в Финляндии почти время завтрака... или мы его разбудим. Это лучше, чем упустить его.

– Хорошо! Номер моего комкредита «Неро, Алеф...»

– Давай попробуем мой. Твой могут отслеживать... если «Черные Шляпы» так умны, как я думаю. Умница!

– Да, босс.

– Дон Амичи⁷¹.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой господин.

– Дити, ты научила Гэй плохим вещам.

Вскоре ровный мужской голос сообщил:

– Введенный номер коммуникационного кредита недействителен. Пожалуйста, проверьте свою карту и попробуйте снова. Это была запись.

Зебби недоверчиво сказал:

– Гэй *не может* ввести мой номер неправильно, он трижды записан в постоянной памяти. Глюк в их системе. Нам придется попробовать твой номер, папа.

⁷¹ Американский киноактер, лауреат Оскара, имя используется как код активации связи.

– Попробуй мой, Зебби, – предложила я. – Мой комкредит в порядке, я внесла предоплату.

На этот раз нам ответил уже женский голос:

– ...недействителен. Пожалуйста, проверьте свою карту и попробуйте снова. Это была запись.

Моему мужу ответил другой женский голос:

– ...попробуйте снова. Это была запись.

Дити призналась:

– У меня нет своего номера, мы с папой используем один и тот же.

– Это не имеет значения, – с горечью сказал капитан Зебби. – Это вовсе не глюк. Нас вычистили. Мы – нелица. Мы все мертвы.

Я не стала спорить, я давно заподозрила, что мы умерли – с того самого утра две недели назад, когда я проснулась в постели рядом с новым ласковым мужем. Но *как давно* мы были мертвы – с моей вечеринки? Или совсем недавно?

Меня это не особенно волновало. Эти Небеса были намного лучше, чем те, о которых мне рассказали в воскресной школе Терри Хота. И пусть я никогда не считала себя особенно плохой, но и особенно хорошей тоже не была. Из Десяти Заповедей я нарушила шесть и слегка потрепала еще несколько. Но Моисей, очевидно, расслышал не все Слова Свыше – потому что смерть принесла столько удивительного и прекрасного, что я наслаждалась каждой минутой... или вечностью, смотря по обстоятельствам.

– XIII – Зебадия

Невозможность позвонить из собственной машины – это самое унижительное положение из всех, в какие я попадал, начиная с той ночи, которую по ошибке провел в тюрьме (ошибка была моя). Я даже подумал о том, чтобы приземлиться и позвонить, но на земле нас явно поджидали неприятности. Даже если нас объявили погибшими, столь поспешно аннулировать наши комкредитные карты не стоило – это выглядело недружелюбным шагом, ведь у нас всех были высокие кредитные рейтинги.

А уж отмена комкредита Язвы без свидетельства о смерти выглядела более чем недружелюбно; это было оскорбление, поскольку она сделала предоплату.

Я был вынужден признать, что мой долг – известить военных, поэтому я связался с NORAD⁷². Назвал имя, звание, номер карты резервиста и попросил переключить на закрытую линию для экстренных ситуаций...

...и столкнулся с «правильной» процедурой, которая мгновенно вызывает язву желудка: Какой у меня уровень допуска? Почему я считаю, что у меня экстренный случай? На каком основании я требую закрытой линии связи? Знаю ли я, сколько фейковых звонков поступает каждый день? Освободите частоту, она только для служебных переговоров. Еще одно слово, и я буду вынужден передать информацию о вас в службу контроля движения».

Я сказал это слово, но после того, как отключился; Дити и ее отец проигнорировали мою реплику, но Хильда буркнула:

– Вот и я так думаю.

Я попробовал штаб-квартиру федеральных рейнджеров в Кайбаб на Джейкоб-лэйк, потом их отделение в Литтлфилд, и снова штаб-квартиру в Кайбаб. Литтлфилд не ответил, Джейкоб-лэйк отозвался «Это запись. Текущие сообщения можно оставить после звукового сигнала. Срочные сообщения следует направлять в штаб-квартиру во Флагстафф. Ожидайте звукового сигнала... бип... бип... бип».

Я открыл рот, чтобы приказать Гэй прокрутить им мою запись – и тут весь мир залил самый яркий свет, какой только можно себе представить.

К счастью, мы направлялись на юг, а свет вспыхнул позади нас. Я пришпорил Гэй и велел ей втянуть крылья. Никто из спутников не задал дурацкого вопроса, хотя я подозреваю, они раньше не видели огненный шар или грибовидное облако.

– Умница.

– Тут, босс.

– Задача на счисление пути. Определить истинный пеленг на источник светового излучения относительно кормы. Замерить расстояние до источника излучения и направление на него радаром. Определить широту и долготу источника. Сравнить полученный результат с имеющимися в постоянной памяти точками. Подтвердить.

– Программа подтверждена.

– Выполняй.

– Поняла, выполняю, Зеб. Слышал последние новости? – и тут же она добавила: – Решение задачи. Истинный пеленг совпадает с направлением на точку, зафиксированную в программе, код исполнения «Гэй Обманщица», верни нас домой». Истинное расстояние идентично расстоянию до указанной точки с точностью плюс минут ноль целых шесть десятых километра.

⁷² NORAD (North American Air Defense Command) – Объединенное командование ПВО североамериканского континента (США и Канады). – Прим. С. В. Голд.

– Ты Умница, Гэй.

– С помощью лесты ты залезешь куда угодно, Зеб. Прием.

– Понял, конец связи. Держите шляпы, ребята, мы собираемся рвануть прямо вверх.

Ударную волну я обогнал, но к этому времени мы оказались у самой мексиканской границы, и ПВО с любой стороны вполне могло решить, что мы неплохая цель.

– Второй пилот!

– Капитан.

– Уводи нас! Прочь из этого пространства!

– Куда, капитан?

– Куда угодно! *Быстро!*

– Ох... можешь снизить ускорение? Я не могу поднять руки.

Проклиная себя, я отключил питание, и «Гэй Обманщица» полетела по инерции. Надо было разместить верньеры прямо на подлокотнике. (Конструкция, которая идеально смотрится на чертежной доске, может убить летчика-испытателя.)

– Перемещение завершено, капитан.

– Принято, второй пилот. Спасибо, – я глянул на приборы: шесть с лишним километров над землей и все поднимаемся, воздух уже неплотный, но пока его достаточно, чтобы крылья держали. – Держи наш ланч крепче, Язва!

Я наклонил машину, сделал иммельман⁷³ в горизонтальном полете и взял курс на север, не включая двигатель. Сказал Гэй, чтобы она тянула скольжение как можно дольше и сообщила мне, когда мы опустимся до трех километров.

То, что должно быть Фениксом, осталось справа, другой город – Флагстафф? – еще дальше на север и немного к востоку; мы словно бы направлялись домой. Никакого светящегося облака на горизонте не было.

– Джейк, где мы?

– Капитан, я никогда не был в этой вселенной. Мы переместились на десять квантов в положительную сторону по оси «тау». Так что мы должны быть в пространстве, аналогичном нашему – всего лишь десять минимальных интервалов или квантов.

– Похоже на Аризону.

– Этого следовало ожидать, капитан. Если помнишь, перемещение на один квант по этой оси привело нас в мир, столь похожий на наш, что мы с Дити их перепутали, пока не заглянули в словарь.

– Телефонную книгу, папа.

– Не важно, дорогая. Пока ты не обнаружила, что в алфавите не хватает буквы «J». Десять квантов не должны значительно изменить геологический ландшафт, а размещение городов в значительной степени определяется географией.

– Приближаемся к трем километрам, босс.

– Спасибо, Гэй. Держи курс и высоту. Коррекция! Держи курс и абсолютную высоту.

Подтверди и выполняй.

– Поняла, выполняю.

Я вовремя вспомнил, что впереди находится Большой Каньон – или должен находиться. Умница умна, но она мыслит буквально, так что она держала бы точную высоту над землей и обеспечила бы нам самые дикие американские горки в истории. Она довольно гибкая, закон «мусор на входе – мусор на выходе»⁷⁴ никто не отменял. Контуров безопасности у нее много – потому что я совершаю ошибки. Гэй их совершать *не может*: если она что-то делает не так,

⁷³ Фигура высшего пилотажа, полупетля с полубочкой.

⁷⁴ Принцип информатики, означающий, что неверные данные приводят к неверному результату, даже при правильном алгоритме обработки. – *Прим. С. В. Голд.*

это происходит по моей вине. А поскольку я всю свою жизнь совершаю ошибки, я окружил ее всеми охранными приспособлениями, какие только мог придумать. Но против дикой езды у нее защитных программ нет – и она к подобным вещам готова. Резкие маневры уклонения спасли нам жизнь две недели назад, да и сегодня тоже; окажись мы чуть ближе к огненному шару, нас бы поджарило.

– Гэй, покажи карту, пожалуйста.

На карте была Аризона – *наша* Аризона, поскольку чужих вселенных во внутренностях у «Обманщицы» нет. Я изменил курс, чтобы пролететь над нашим домиком – его аналогом в этом пространстве-времени. (Просто сказать: «Гэй, верни нас домой» я не осмелился, по причинам, о которых желающие могут догадаться самостоятельно.)

– Дити, как давно взорвалась та бомба?

– Шесть минут двадцать три секунды. Зебадия, это *правда* была атомная бомба?

– Небольшая, возможно. Пара килотонн. «Гэй Обманщица»!

– Я вся внимание, Зеб.

– Сообщи временной интервал с момента локации источника света.

– Пять минут сорок четыре секунды, Зеб.

Дити ахнула:

– Неужели я так ошиблась?

– Нет, дорогая. Ты сообщила время с момента вспышки. А я велел Гэй определить расстояние только *после того*, как мы перешли на сверхзвук.

– О. Я чувствую себя лучше.

– Капитан, – поинтересовался Джейк. – Как Гэй сумела измерить расстояние до атомного взрыва? Мне казалось, это невозможно из-за радиации. У нее есть приборы, о которых я не знаю?

– Второй пилот, у нее есть несколько устройств, которых я тебе не показывал. Я ничего не скрывал... не больше, чем ты скрывал от меня свои ружья и амуницию...

– Мои извинения, сэр!

– Брось это, Джейк. Никто из нас ничего не скрывал, мы удирали со всех ног. Дити, сколько времени прошло с тех пор, как мы убили поддельного рейнджера?

– Это было в семнадцать четырнадцать. Сейчас двадцать два двадцать. Пять часов шесть минут.

Я глянул на приборную панель: судя по всему, «суточный ритм» Дити ничто не могло поколебать. Часы Гэй показывали 5:20 (Гринвич) «ЧАСОВОЙ ПОЯС ПЛЮС СЕМЬ».

– Говоришь пять часов, а по ощущениям все пять недель. Нам нужен отпуск.

– Бурные аплодисменты! – поддержала Язва.

– Принято. Джейк, кстати, я не знал, что Гэй сможет измерить расстояние до атомного взрыва. «Источник света» для нее означает просто точку, откуда пришел видимый свет, точно так же как «источник сигнала» означает точку, откуда пришел сигнал навигационного радиомаяка. Я приказал ей взять пеленг на источник света за кормой; она выбрала самый яркий источник света в этом направлении. Затем я приказал ей измерить дистанцию радаром и взять пеленг – а потом крутанул свое молитвенное колесо и помолился.

Понятно, что там был белый шум, возможно, перекрывающий частоты ее радара. Но ее собственные сигналы радара промаркированы, потребовался бы очень высокий уровень шума на той же частоте, чтобы она не опознала эхо своего сигнала по сигнатуре. Понятно, что она столкнулась с проблемами, поскольку сообщила о «плюс-минус шестистах метров». Тем не менее дальность и пеленг совпали с координатами в ее постоянной памяти и подтвердили, что наш домик разбомбили. Это плохие новости. Однако чужаки явились туда слишком поздно, чтобы разбомбить нас. Это хорошие новости.

– Капитан, я отказываюсь горевать по поводу материального ущерба. Мы остались живы.

– Согласен, хотя я буду вспоминать Уютное Гнездышко как самый счастливый дом, что у меня когда-либо был. Но теперь нет нужды предупреждать Землю – нашу Землю – о чужаках. Взрыв уничтожил главное доказательство – труп пришельца. А еще научные работы и чертежи, которые ты собирался передать своему финскому другу. Я не уверен, что мы теперь можем вернуться домой.

– О, это не проблема, капитан. Пара секунд, чтобы установить верньеры, и это не упоминая «рычаг мертвеца» или программы в долговременной памяти Гэй.

– Джейк, я бы хотел, чтобы ты оставил слово «капитан» только для рабочих ситуаций.

– Зеб, мне нравится называть тебя «капитаном».

– И мне! Мой капитан!

– Мне тоже, капитан Зебби!

– Не переусердствуйте. Джейк, я вовсе не имел в виду, что ты не сможешь доставить нас домой, я имел в виду, что мы не должны так рисковать. Мы потеряли последнюю зацепку по чужакам, но они-то знают, кто мы, и показали, что превосходно умеют нас выслеживать. А мне еще хотелось бы прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как родятся и вырастут наши дети.

– Аминь! – сказала Язва. – Это место может нам подойти. Из миллиона миллиардов квинтильонов Земель именно эта может быть свободна от паразитов. Очень вероятно.

– Хильда, моя дорогая, у нас нет никаких фактов, на которых можно основывать какие-либо предположения.

– Нет, Джейкоб, *один* факт у нас есть.

– Да? И что я пропустил, дорогая?

– Что мы *точно* знаем – что наша родная планета заражена. Поэтому я не хочу там растить детей. Если это не то место, которое мы ищем, давайте просто продолжим поиски.

– Мм-м, логично. Да. Капи... Зеб?

– Я согласен. Но до утра мы мало что сможем сказать. Джейк, я не уверен в одном ключевом моменте... Если мы переместимся на нашу родную Землю сейчас, то где мы окажемся? И *когда*?

– Папа, можно я отвечу?

– Вперед, Дити.

– В тот раз, когда мы с папой переместились в мир без буквы «J», мы решили, что потерпели неудачу. Папа остался в машине, пытаюсь разобраться, что именно пошло не так, а я пошла внутрь, чтобы заняться ланчем. Все выглядело нормально, но вот телефонная книга лежала на кухонной стойке, где ей не место. На задней странице обложки у нее была карта-схема с телефонными кодами. Мой взгляд случайно упал на округ Джуаб – там было написано «Juab» вместо «Juab», – и я подумала: какая смешная опечатка! Потом заглянула внутрь и не смогла найти ни единой «J», тогда я бросила ее и рванула к папе.

– Я подумал, что у нее истерика. Но потом я посмотрел в какой-то словарь и Британскую энциклопедию, и мы быстро оттуда убрались.

– Именно в этом все и дело, Зебадия. Когда мы вернулись, я бросилась в дом. Телефонная книга лежала там, где обычно, алфавит снова стал таким, каким должен был быть. Часы в моей голове показывали, что мы отсутствовали двадцать семь минут. Кухонные часы подтвердили это, как и часы в машине. Вам достаточно такого ответа, сэр?

– Я думаю, да. Значит, при перемещении отсчет времени просто продолжает расти. Меня этот вопрос заинтересовал, потому что я хотел бы проверить этот кратер, когда там все остынет. А что насчет вращения?

– С этим сложнее, Зебадия. Мы были в том пространстве-времени лишь несколько секунд, и мы оба теряли сознание. Очень неопределенно.

– Понятно. Но Джейк, что насчет собственного движения Земли? Вращение, обращение вокруг Солнца, движение относительно звезд и так далее.

– Теоретический ответ на твой вопрос требует обращения к математике, которая, по твоим словам, находится вне сферы твоих интересов... э-э-э... Зеб...

– Ты имеешь в виду, за пределами моих возможностей.

– Как вам будет угодно, сэр. Путешествие в другое место-и-другое время... и возвращение... приводят тебя точно *туда, где ты бы находился*, если бы прожил это время на Земле. Но «когда» требует дальнейшего определения. Как мы уже выяснили... э-э-э... сегодня днем (хотя кажется, что это было уже давно), мы можем настроить аппарат так, чтобы возвращаться на *любую* ось в *любую* ее точку на *расстоянии в целое число интервалов*. Для планетарной инженерии. Или других целей. Включая движение в обратном направлении относительно стрелы энтропии. Правда, я подозреваю, что это приведет к смерти.

– Почему, папа? Почему это просто не вызовет регресса памяти?

– Память привязана к возрастанию энтропии, моя дорогая. Смерть может быть лучшим исходом, если сравнивать ее с амнезией в комбинации с пророческим знанием. Неопределенность может быть тем фактором, который делает нашу жизнь сносной. Надежда – то, что заставляет нас двигаться. Капитан!

– Второй пилот.

– Мы только что пролетели северный край Большого Каньона.

– Спасибо, второй пилот, – я положил руки на штурвал.

– Папа, наш домик все еще тут. Свет включен.

– Я вижу. Они пристроили крыло с запада.

– Да. Мы там хотели разместить библиотеку.

– Семья, я не собираюсь подлетать ближе, – сообщил я. – Ваши аналоги в этой вселенной, похоже, устроили вечеринку. Проекторы освещают четыре машины на посадочной площадке, – я пустил Гэй по широкому кругу. – Я не хочу над ними зависать, это может привлечь внимание. И тут же появятся местные воздушные копы... Черт возьми, а ведь я даже не знаю, говорят ли они на английском.

– Капитан, мы видели все, что было нужно. Это *не наш* домик.

– Рекомендации?

– Сэр, я предлагаю подняться на максимальную высоту. По дороге обсудим, что делать дальше.

– «Гэй Обманщица».

– На палубе, капитан Ахав.

– Один «же», вертикально.

– Есть, сэр!

(Интересно, сколько разных ответов записала Дити?)

– Кто-нибудь хочет сэндвич? – спросила Язва. – Я хочу, ведь я будущая мать.

Я вдруг вспомнил, что с полудня у меня ничего не было во рту, кроме куска пирога. Так что, набирая высоту, мы закончили то, что осталось от нашего ужина.

– Пто Марш?

– Не говори с набитым ртом, Язва.

– Зебби, какой ты грубиян! Я спросила: «Это Марс?». Вон там?

– Это Антарес. Марс... посмотри левее на тридцать градусов. Видишь его? Тот же цвет, что у Антареса, но ярче.

– Вижу. Джейкоб, дорогой, давай поедem в этот отпуск на Барсум!

– Дражайшая Хильда, Марс необитаем. Люди из марсианской экспедиции ходили в скафандрах. У нас их нет.

– А если бы были, – добавил я, – они бы не позволили нам насладиться медовым месяцем.

– Я помню песенку «Скафандр для двоих»... – ответила Хильда. – И все равно поехали на Барсум! Джейкоб, ты же говорил, что мы можем попасть куда угодно *в одно мгновение*, раз – и уже там?

– Совершенно верно.

– Тогда полетели на Барсум!

Я решил зайти с флангов:

– Хильда, мы не можем лететь на Барсум. У Морса Каяка и Джона Картера нет их мечей.

– Может, поспорим? – сладким голосом спросила Дити.

– Что?

– Сэр, вы предоставили мне возможность самой выбрать груз для свободных мест. Если заглянете в длинное, узкое хранилище под приборной панелью, вы найдете там шпагу и саблю с португезами. Они проложены носками и нижним бельем, чтобы не гремели.

Я торжественно произнес:

– Моя принцесса, я не мог сокрушаться по поводу меча, когда твой отец с таким спокойствием принял утрату дома – но спасибо тебе от всего сердца.

– Позволь мне добавить свои благодарности, Дити. Я очень дорожу этой старой саблей, какой бы бесполезной она ни была.

– О нет, отец, она была *очень* полезна сегодня!

– Хей-хо! Хей-хо! На Барсум летим легко!

– Капитан, до рассвета несколько часов. Мы *могли бы* использовать эти часы для быстрой прогулки на Марс. Хотя... Ох, дорогая, я должен знать текущее расстояние до Марса, а мне оно неизвестно.

– Никаких проблем, – сказал я. – Гэй ежегодно проглатывает «Аэрокосмический альманах».

– Вот как? Я впечатлен!

– «Гэй Обманщица».

– Опять ты? Только я задумалась.

– Тогда подумай вот о чем. Программа расчета. Источник данных – «Аэрокосмический альманах». Запустить вычисление расстояния по прямой до планеты Марс. Докладывать текущие результаты вычислений по запросу. Выполняй.

– Программа выполняется.

– Доклад.

– Километры: два-два-четыре-ноль-девять-ноль-восемь-два-семь запятая плюс-минус девять-восемь-ноль.

– Текущий результат выводить на дисплей.

Гэй выполнила команду.

– Ты Умница, Гэй.

– А еще я умею показывать карточные фокусы. Программа выполняется.

– Джейк, как мы это сделаем?

– Совместим ось «L» с прицелом твоей пушки. По-моему, так проще всего?

– Безусловно! – я прицелился в Марс, точно собирался сбить его с неба выстрелом, а затем по спине у меня побежали мурашки. – Джейк? Может быть, сделаем поправку? Мне кажется, эти цифры показывают расстояние между центрами тяжести. Смещение на пол-мила⁷⁵ обеспечит нам безопасное расстояние. Примерно в сто тысяч километров.

– Сто двенадцать тысяч, – согласился Джейк, разглядывая дисплей.

Я сделал поправку в пол-мила.

⁷⁵ Мил – тысячная. Угломерная единица в артиллерии, равна 1/6400 окружности (0,05625 градуса) или тысячной доле радиуса. В милах измеряется поправка на дальность в оптических прицелах. – Прим. С. В. Голд.

- Второй пилот.
- Капитан.
- Движение по готовности. Выполнять.

Мартс во второй четверти, огромный, круглый, рыжий, прекрасный, плыл по правому борту.

– XIV –

Дити

– Барсум. Дно мертвых морей. Зеленые гиганты, – тихо произнесла тетя Хильда.

Я же просто сидела с открытым ртом.

– Марс, дорогая Хильда, – мягко поправил ее папа. – Барсум – это миф.

– Барсум, – упрямо повторила она. – Это не миф. Это все здесь. Кто сказал, что его имя Марс? Кучка давно умерших римлян! Разве не местные жители должны дать ему название? Барсум.

– Моя дорогая, тут нет местных жителей. Названия устанавливает международный комитет при Гарвардской обсерватории. И они подтвердили традиционное название.

– Пфе! У них не больше прав раздавать названия, чем у меня! Дити, скажи, я права?

Я думаю, что аргументы тети Хильды получше, но я не спорю с папой без особой надобности, он слишком эмоционален.

Меня спас муж:

– Второй пилот, задача по астронавигации. Как мы будем рассчитывать вектор и расстояние? Я бы хотел вывести нашу машинку на орбиту, но Гэй не космический корабль, у меня нет нужных приборов. Даже секстанта!

– Мм-м, предлагаю решать задачи последовательно, капитан. Мы пока не падаем слишком быстро и... упс!

– В чем дело, Джейк?

Папа побледнел, на лице выступил пот, он сжал челюсти и с усилием сглотнул несколько раз. Потом выдавил сквозь сжатые губы:

– Умням'рская болезнь.

– Нет, это космическая болезнь. Дити!

– Да, сэр!

– Аптечка в кармане за моим сиденьем. Расстегни ее, достань ломин. Одну таблетку – и не дай остальным разлететься.

Я вытащила аптечку, нашла бутылочку с надписью «Ломин», вторая таблетка ухитрилась выскочить, но я поймала ее в воздухе. Невесомость – забавная штука, ты не понимаешь, стоишь ты на голове или плаваешь на боку.

– Вот, капитан.

– Мня вс нрмльно, – пробурчал папа. – Тлькчутьвремянадо.

– Конечно, нормально. Ты сейчас примешь эту таблетку – или я впихну ее тебе в глотку своим грязным, мозолистым пальцем. Идет?

– Эм-м, капитан. Мне бы нужно воды – запить... но я, наверное, не смогу.

– Вода не нужна, просто разжуй ее. Вкус приятный, малина. И все время глотай слюну. Держи, – Зебадия зажал папе нос. – Открой рот.

Я услышала какие-то сдавленные звуки: тетя Хильда прижимала носовой платок ко рту, а из ее глаз текли слезы. Судя по всему, она вот-вот была готова добавить в атмосферу кабины использованные сэндвичи и картофельный салат.

Хорошо, что у меня в руке была вторая таблетка; тетя Хильда, конечно, сопротивлялась, но сил у нее было немного. Я обошлась с ней так же, как мой муж обошелся с ее мужем, а потом зажала ей рот ладонью. Я не знаю, что такое морская болезнь (или тошнота в невесомости), я могу ходить по переборкам с сэндвичем в одной руке, напитком в другой и наслаждаться жизнью.

Но жертвы этого недуга болеют по-настоящему, и голова у них перестает работать нормально. Поэтому я с силой зажимала ей рот и нежно шептала ей на ухо:

– Жуй это, дорогая тетя, жуй и глотай.

Вскоре я ощутила, что она жует. Через несколько минут она расслабилась.

– Ну что, тебя уже можно отпускать? – спросила я.

Она кивнула, и я убрала ладонь. Тетя Хильда слабо улыбулась и похлопала меня по руке:

– Спасибо, Дити. Хочешь, поцелуемся и помиримся?

Марс-Барсум, похоже, вырос за то время, пока я занималась исцелением космической болезни тети Хильды. Наши мужчины обсуждали астронавигацию, и мой муж как раз произнес:

– Мне очень жаль, но радар Гэй рассчитан только на тысячу километров. А ты говоришь, что расстояние в сто раз больше.

– Около того. Мы падаем на Марс. Капитан, мы должны это сделать с помощью триангуляции.

– Как я могу это сделать, если у меня нет даже угломера? *Как?*

– Хм-м... С позволения капитана, хочу напомнить, как он только что вносил поправку.

Мой дорогой выглядел словно школьник, пойманный на глупом ответе.

– Джейк, если ты не перестанешь изрекать вежливости, когда я туплю, то я тебя высажу в космос и посажу Дити на место второго пилота. Хотя, нет, ты нам нужен, чтобы вернуть нас домой. Лучше я сам подам в отставку, а ты будешь капитаном.

– Зеб, капитан *не может* подать в отставку, пока корабль в пути. Это универсальное правило!

– Мы в другом универсуме.

– Это трансуниверсальное правило. Пока ты жив, тебе от него не отвертеться. Попробуем триангуляцию.

– Приготовься записывать, – Зебадия поудобнее устроился в кресле и прижался к окуляру. – Второй пилот.

– Готов к записи, сэр.

– Черт!

– Проблемы, капитан?

– Некоторые. У прицела проградуировано только пятнадцать миллов в каждую сторону: концентрические окружности и в центре перекрестье, горизонтальная и вертикальная линии. Перпендикуляр к палубе и параллельная ей, я имею в виду. Когда я навожусь на Марс, планета выходит за границы круга в пятнадцать миллов. Придется прикидывать на глазок. Так, он больше примерно на восемнадцать миллов с каждой стороны. Так что удвой это и прибавь тридцать.

– Шестьдесят шесть миллов.

– А мил – это одна тысячная. Точнее, один на тысячу восемнадцать с небольшим. Но одна тысячная – это достаточно точно. Подожди! Я вижу две яркие световые точки около меридиана – если меридиан проходит через полярные шапки. Давай я наклоню нашу машинку, чтобы они встали на перекрестье, а потом я отклонюсь от курса, и если мы не сможем замерить за один прыжок, сделаем за три.

Я видела, как более крупная «верхняя» полярная шапка (Северная? Южная? Ну, я *чувствовала*, что это – северная) медленно съехала набок, градусов на восемьдесят, когда мой муж разворачивал Гэй.

– Двадцать девять запятая пять... может быть... плюс восемнадцать запятая семь... плюс шестнадцать запятая три. Сложи.

Мой отец ответил:

– Шестьдесят четыре с половиной.

Я произнесла ответ раньше, но про себя: шесть четыре запятая пять.

– Кто знает диаметр Марса? Или мне придется спросить Гэй?

Хильда ответила:

– Шесть тысяч семьсот пятьдесят километров... примерно.

Это было достаточно близко к прикидкам Зебадия.

– Язва! Откуда ты знаешь *такие* вещи? – спросил Зебадия.

– Я читала комиксы. Ну, ты знаешь... «Бац! Полярис пропал!».

– Я не читаю комиксы.

– Там куча интересных вещей, Зебби. Я думала, что в аэрокосмических войсках в ходу инструкции в виде комиксов.

Уши моего любимого покраснели.

– Некоторые, – признался он, – но в них отредактированы технические ляпы. Хм-м... наверное, я лучше сверю эту цифру с Гэй.

Я люблю своего мужа, но иногда женщины должны держаться вместе.

– Можешь не трудиться, Зебадия, – сказала я холодно. – Тетя Хильда права. Полярный диаметр Марса шесть семь пять два, запятая, восемь плюс. Но для расчетов тебе хватит и трех значащих цифр.

Зебадия ничего не ответил... но сверяться со своим компьютером *не стал*. Вместо этого он сказал:

– Второй пилот, вы можете провести расчет на своем карманном калькуляторе? На таком расстоянии можно считать его как тангенс.

В этот раз я не стала хранить молчание. Удивление Зебадии по поводу того, что Хильда что-то знает из астрономии, вывело меня из себя.

– Наша высота над поверхностью – сто четыре тысячи шестьсот семьдесят два километра плюс-минус в зависимости от точности исходных данных. Предполагается, что Марс сферической формы, и отбрасывается краевой эффект или кривизна линии горизонта... это пренебрежимо малые величины на фоне точности ваших данных.

Зебадия отозвался так мягко, что мне стало стыдно, что я тут распустила перья.

– Спасибо, Дити. Не могла бы ты рассчитать время падения на поверхность из состояния покоя в этой точке?

– Это не простой интеграл, сэр. Я могу вычислить его приблизительно, но Гэй сделает это быстрее и точнее. Почему не попросить *ее*? Но в любом случае это время будет порядка нескольких часов.

– Я надеялся, что ситуация будет лучше. Джейк, я думаю, у Гэй хватит топлива, чтобы перевести нас на низкую орбиту... но я не знаю, где или когда я смогу заправить ее снова. Если просто падать, то воздух успеет испортиться и нам понадобится рычаг мертвеца – или *некий* маневр... и при этом мы даже поверхности вблизи не увидим.

– Капитан, нельзя ли замерить диаметр еще раз? Мне кажется, это не просто падение.

Папа и Зебадия снова углубились в свои занятия. Я не вмешивалась, и они прогоняли даже простейшие вычисления через Гэй, пока папа наконец не сказал:

– Больше двадцати четырех километров в секунду! Капитан, мы там будем через час с небольшим!

– Если мы смоемся раньше. И вы, дамы, сможете посмотреть на планету вблизи. Мертвые моря и зеленые гиганты. Если они есть.

– Зебадия, двадцать четыре километра в секунду – это орбитальная скорость Марса.

Мой отец воскликнул:

– Что? И в самом деле! – а потом с озадаченным видом добавил: – Капитан, я должен признаться в глупейшей ошибке.

– Надеюсь, она не помешает нам вернуться домой.

– Нет, сэр. Но я все еще не знаю всех возможностей нашего континуумохода. Капитан, мы целились не в Марс.

– Я знаю, я струсил.

– Нет, сэр, вы проявили осторожность. *Мы целились в конкретную точку в пустом пространстве.* Мы переместились в эту точку... но не учли движение самого Марса. Движение Солнечной системы учли, да. И вычли скорость движения Земли по орбите – она заложена в программу. Но мы оказались немного впереди Марса на его орбите, и он мчится на нас.

– Не значит ли это, что мы никогда не сможем приземлиться ни на одной планете, кроме Земли?

– Совсем нет. В программу можно включить любой вектор – перед или после передвижения, перемещения или вращения. Любое последующее изменение в движении принимается в расчет инерциальным интегратором. Но сейчас я понял, что нам еще многому нужно учиться.

– Джейк, даже с велосипедом не разобраться за один день. Перестань тревожиться и получай удовольствие от поездки. Брат, смотри, какой вид! Ничуть не похоже на те фото, что привезла Марсианская экспедиция.

– Конечно, не похоже, – сказала тетя Хильда. – Я же *говорила*, что это Барсум.

Я держала рот на замке. С момента публикации фотографий доктора Сагана всякий читатель «National Geographic» – и вообще кто угодно – знает, как выглядит Марс. Но когда речь идет о подвижках в сознании мужчин, то лучше позволить им самим делать выводы; тогда они чуть меньше упрямятся. Планета, что летела прямо на нас, не была Марсом наших родных небес. Белоснежные облака над полярными шапками, большие зеленые пятна – лес или посадки, а одна темно-синяя область почти наверняка была водой; и все это на фоне разнообразных оттенков рыжего, покрывавших большую часть планеты.

А вот зубуренных вершин, кратеров и каньонов «нашего», родного Марса не было. Тут были горы, но не было ничего подобного Свалке дьявола, известной нашей науке.

Я услышала, как Зебадия спрашивает:

– Второй пилот, ты уверен, что привез нас на Марс?

– Капитан, я привез нас на Марс-Десять, положительное направление по оси «тау». Либо это он, либо я пациент, запертый в палате.

– Полегче, Джейк. Он похож на Марс меньше, чем Земля-Десять похожа на Землю.

– Хм, могу я заметить, что мы видели лишь крошечный кусочек Земли-Десять в безлунную ночь?

– То есть мы толком ничего не видели? Принято.

– Я же *говорила*, что это Барсум, – не утерпела тетя Хильда. – Но вы меня не слушали!

– Хильда, я прошу прощения. «Барсум». Второй пилот, занеси в бортовой журнал – новая планета, «Барсум», названа по праву первооткрывателя Хильдой Корнерс Берроуз, научным сотрудником континуумохода «Гэй Обманщица». Свидетели – З. Дж. Картер, капитан, Джейкоб Дж. Берроуз, первый помощник, Д. Т. Б. Картер... э-э-э, астронавигатор. Заверенные копии будут отправлены в Гарвардскую обсерваторию при первой возможности.

– Я не астронавигатор, Зебадия!

– Мятеж? Кто перепрограммировал эту небесную лошадку в настоящий континуумоход? Я останусь пилотом, пока не научу вас всех маленьким причудам Гэй. Джейк – второй пилот, пока не научит других работе с верньерами. Ты – астронавигатор, поскольку ни у кого больше нет твоих специальных знаний в программировании и навыков вычислений. Пожалуйста, без дерзостей, юная особа, и не пытайтесь спорить с Законом Космоса. Язва – наш научный сотрудник из-за обширности ее познаний. Она не только быстрее всех определила, что новая планета *не* является Марсом, она распластала того чужака с лишними коленками, как прирожденный мясник. Верно, Джейк?

– А то! – согласился папа.

– Капитан Зебби, – проныла тетя Хильда. – Ну ладно, я – научный сотрудник, раз ты так говоришь. Но можно я буду еще и судовым коком? И юнгой.

– Само собой, каждому из нас придется совмещать должности. Записывай, второй пилот.
«Вот веселая юнга, шустрая девчонка...»

– Не продолжай, Зебби, – прервала его тетя Хильда. – Мне не нравится, куда ты ведешь.

– ... вскрывает чужаков, не снимая юбчонки
Узнает планеты как банки тушенки
И ослепляет команду фигурой точенкой... точеной!

– Этому далеко до классической версии, – задумчиво сказала тетя Хильда. – Настрой мне нравится... но рифма хромает.

– Дорогая Язва, ты флокцинавцинигилипилификатриса⁷⁶.

– Это комплимент?

– Конечно! Это означает: ты так проницательна, что не пропустишь ни малейшего изъяна. Я промолчала. Вполне возможно, что Зебадия и правда сказал это в качестве комплимента. С некоторой натяжкой...

– Подозреваю, это нужно проверить по словарю.

– Безусловно, дорогая – после того, как сдашь вахту.

(Я подумала, что на этом вопрос закрыт – у нас на борту был только «Merriam Microfilm», а это слово тетя Хильда могла найти разве что в Оксфордском большом словаре.)

– Второй пилот, все занесено в бортовой журнал?

– Капитан, я не знал, что он у нас есть.

– Как нет? Даже капитан Вандердекен⁷⁷ ведет журнал! Дети, ведение судового журнала на твою ответственность. Возьми заметки отца, добавь что нужно из данных Гэй и сделай все как надо. Пусть у нас будет образцовый корабль. Как только найдем торговый центр, купим настоящий журнал, и ты все перепишешь туда красивым почерком. А пока веди черновик.

– Есть, сэр. Тиран!

– «Сэр тиран», будьте любезны. А теперь воспользуемся биноклем и посмотрим, сумеем ли мы обнаружить ярких экзотических туземцев в ярких экзотических нарядах, поющих яркие экзотические песни, протягивая яркие экзотические руки за бакшишем. Первый, кто обнаружит признаки разумной жизни, отправится мыть посуду.

⁷⁶ Из латыни: flossus (пушинка), paucum (скорлупка), nihil (ничто), pilus (волос), facere (делать); вместе «не упускающая ни одной пушинки, скорлупки и волоска».

⁷⁷ Ван дер Декен – капитан «Летучего голландца», корабля-призрака. – Прим. С. В. Голд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.